

"Боец"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1

Барон Авене

- Барон!

- Я тороплюсь, Георг.

- Мне только...

Но, как видно, барону Гатине и впрямь не до разговоров. Он лишь торопливо отмахнулся и прошел мимо. Молодой сотник и не подумал таить обиду на столь пренебрежительное отношение. Не та ситуация. Сейчас в лагере творилось настоящее столпотворение. Впрочем, лагерем это скопление вооруженного, а нередко и безоружного люда можно назвать с трудом. Отовсюду слышны крики, стоны, проклятия, ржание лошадей, топот, бряцание железа - все то, что сопровождается отчаяние и горечь поражения.

Год назад, окончательно добив восставших кармельцев, загросцы не осмелились пересечь границу и вторгнуться в Несвиж, власти которого долгие годы своей поддержкой не давали погаснуть очагам сопротивления в этом королевстве.

Кармельцы на сей раз оказались гораздо более упорными в своем стремлении прогнать захватчиков. Немалую роль в этом сыграл принц Канди, законный наследник королевского рода Кармеля. Под его знамена стекались целые толпы народа. Восставали даже те бароны, которые, казалось, уже смирились с властью загросцев и с тем, что они больше не являются истинными хозяевами у себя на земле. Загросу пришлось изрядно напрячься, чтобы окончательно подавить сопротивление. Островная армия была измотана в ходе боев с восставшими, так что ее удара Несвиж и не опасался.

Беда пришла с той стороны, откуда ее не ждали. В свое время в Несвиже была создана сильная армия, заслуживающая уважения. Долгие годы никому и в голову не приходило подвергать сомнению ее боеспособность. И вот этот грозный колосс оказался прохудившимся бурдюком с гнилью, лопнувшем от первого же удара, который нанес застарелый противник Несвижа - королевство Памфия.

Возможно, Георг преувеличивал недееспособность несвижской армии. Быть может, на этот раз памфийцы просто оказались более стойкими и напористыми. А может, все дело в неумелом командовании. Думать об этом отчего-то не хотелось. В данном сражении армией командовал сам король - наверное, именно поэтому Георг и искал причину поражения в исполнителях.

Да, он не признавал родства с этим человеком, безжалостно гоня от себя подобные мысли, но

они все равно возвращались. Любому сыну неприятно думать о том, что отец оказался хоть в чем-то несостоятельным, даже если тот и не подозревает о существовании отпрыска.

Армия Памфии вторглась в Несвиж со стороны графства Хемрод. Не сказать, что это явилось большой неожиданностью. Об этом стало известно примерно за неделю до перехода противником границы, но все же сведения поступили слишком поздно. На этот раз хваленая шпионская паутина барона Гатине не смогла вовремя среагировать и предупредить о надвигающейся опасности. Когда же все произошло, король сумел собрать только семитысячную армию, с которой и двинулся навстречу десяти тысячам памфийцев.

Соотношение сил само по себе говорило о необходимости вести сражение от обороны. Однако король Берард Первый резко высказался против, не допуская даже мысли о том, что его армия станет обороняться. Только наступать. Раздавить застарелого противника, перейти границу и принести разор на его земли – таков был план. Никакие уговоры и доводы не смогли убедить его величество в обратном.

Место для сражения подобрали хорошее, но опять-таки смысл во всем этом был, если сначала измотать противника в оборонительном бою, а затем перейти в контратаку. В этом случае даже простейшие полевые укрепления смогли бы сыграть немалую роль. Но вместо этого армия Несвижа сама двинулась в наступление.

Вообще Берарда можно понять – подобное соотношение прежде никогда не останавливало несвижцев и они всегда выходили победителями. Но он забыл о том обстоятельстве, что славные сподвижники его отца либо уже покоились с миром, либо успели одряхлеть. Из тех, кто раньше водил в атаку полки, сейчас все так же крепок оставался только Несвижский Пес, барон Гатине, да и тот никак не мог рассматриваться в качестве военачальника. Разумеется, на смену уходящим поколениям приходили другие, молодые и полные сил, однако с уходом старой гвардии хирела и сама армия, уровень ее подготовки уже значительно уступал прежней. Почти за четверть века от былой мощи практически ничего не осталось.

Армии Памфии и Несвижа сходились на участке, исключавшем обход с флангов. Справа протекала полноводная река Гура, слева имелся глубокий овраг, протянувшийся на несколько миль. Все должно было решиться в противостоянии лицом к лицу, ни о каком маневрировании не могло быть и речи.

Дела пошли плохо с самого начала. Памфийцы сосредоточили в центре около трех тысяч лучников, вооруженных длинными луками, отличающимися дальностью. Прежде еще никто и никогда не сосредоточивал столько стрелков на таком узком направлении, и вообще подобное количество лучников было просто запредельным. За короткий срок стрелы сумели изрядно проредить ряды наступающих, а затем рыцарская конница ударила по центру. Не сказать, что у памфийцев все прошло гладко, но все же им удалось прорвать ряды пехоты.

Когда в образовавшуюся брешь хлынула пехота противника, армия Берарда оказалась рассеченной надвое, а в ее тылу накапливались и приводили в порядок свои ряды памфийские рыцари, которых все же изрядно потрепало в ходе прорыва.

Рыцари Несвижа в этот момент погибали в безуспешной попытке опрокинуть правый фланг памфийцев, сосредоточивших на этом участке своих копейщиков и арбалетчиков. Последних было не особо много, но они прицельно пускали болты, нещадно разя всадников, возвышавшихся над пешими бойцами. Доспех далеко не всегда мог противостоять оперенной смерти, так что потери несвижцы несли изрядные.

Казалось, еще немного, еще чуть-чуть – и коннице удастся опрокинуть врага, к тому же пехота была уже на подходе и готовилась поддержать своих рыцарей. Но прежде чем это случилось, в спину ударила конница памфийцев, восстановившая свои боевые порядки и обогнувшая войска несвижцев сзади. Удар был куда страшнее, чем тот, что пришелся по центру.

Известие о происходящем несколько запоздало, ведь с началом сражения только находящийся в ставке командующий может охватить всю картину целиком, командиры на местах могут оценивать лишь то, что видят поблизости. Потом сказалась и выучка армии, ощутимо более слабая, чем в прежние времена. Войска попросту не успели подготовиться к новому удару. Творившееся на левом фланге несвижцев иначе как бойней назвать было нельзя, большинство потерь пришлось именно на этот участок: люди гибли в полном окружении, даже не имея возможности просто бежать.

Сотня Георга находилась на правом фланге у единственного моста через реку. Наемникам предписывалось охранять переправу и противодействовать врагу, если тот вздумает отправить некоторые силы в дальний обход (хотя в это никто не верил). В случае если противник будет опрокинут, они должны были его преследовать. Если же начнется отступление, то они будут прикрывать отход армии за мост, а точнее, постараются предотвратить избиение бегущих, так как отступление и бегство зачастую мало чем отличаются одно от другого.

Со своей позиции Георг прекрасно все видел. Однако его сил было явно недостаточно, чтобы помешать такому ходу событий. Ему вовсе не будоражили кровь мечты о славе, и он не намеревался губить сотню в лихой и самоубийственной атаке. К тому же абсолютно ясно, что вот-вот начнется бегство, а это означало, что Георг обязан охранять переправу и прикрывать отступающих.

Но ему не суждено было сохранить хладнокровие до конца сражения. Не менее сотни рыцарей в тяжелых доспехах отделились от основной массы и устремились к ставке короля. С Берардом в этот момент находилось около пяти десятков рыцарей, среди которых был и сын короля, кронпринц Гийом. Они имели шанс прорваться к мосту, избегнув удара. Само собой, барон Гатине ни при каких обстоятельствах не мог забыть о том, кто именно прикрывает мост и какими возможностями этот человек обладает. Однако его голос остался неслышанным, и король повел всех, кто находился рядом с ним, в атаку на превосходящего противника. Чего он пытался достичь подобным образом, решительно непонятно. Практически любому, кто сумел бы обзреть поле боя с той позиции, что занимал король, стало бы очевидно: сражение проиграно вчистую и самое большее, что мог предпринять командующий, – это отдать приказ к отступлению.

Еще оставалась возможность спасти хотя бы часть войск и избежать полного разгрома. К тому же это была не вся армия Несвижа, а только та ее часть, которую удалось собрать в тот короткий срок, что оставался до вторжения. Проигранное сражение – еще не поражение в войне. Но король решил иначе и очертя голову ринулся в бой. Ладно бы это хоть как-то могло изменить ход сражения – тогда его решение имело бы оправдание. Но в подобной ситуации...

Видя эту самоубийственную атаку, Георг без раздумий повел свою сотню в бой. Они ударили в спину памфийцам настолько неожиданно, что те молниеносно были опрокинуты. Во время этой стычки наемники не потеряли ни одного человека убитыми. Удар был настолько же неожиданным, насколько и губительным. Но эта маленькая победа уже не могла ни на что повлиять.

Войска левого фланга погибали в полном окружении. Центр оказался связан боем, сражаясь сразу на два фронта. Все же тамошний командующий сумел хоть как-то организовать

противостояние, задействовав последние резервы. Правый фланг мог с минуты на минуту обрушиться, и если этого еще не произошло, то лишь по той простой причине, что на него оказывалось наименьшее давление. Уже были видны бегущие через мост несвижские солдаты: многие из них побросали оружие, а часть на бегу сбрасывала доспехи.

Сотня Георга и остатки отряда короля также направились к мосту. Как выяснилось, король не уберется в ходе этой сшибки и был тяжело ранен. Георг даже не был знаком с этим человеком, мало того – ни разу его не видел, но, когда услышал печальное известие, сердце отчего-то будто кольнуло остро отточенной иглой.

В командование вступил кронпринц. Смотреть на этого всегда миловидного молодого человека сейчас было страшно. Ярость, разочарование и боль читались на его лице, но нет и намека на отчаяние. Весь его вид словно говорит о том, что это еще не конец, что он еще вернется и припомнит сегодняшний день.

Ни на миг не усомнившись в собственных возможностях, Гийом принялся отдавать приказы. Просто удивительно, как этот молодой человек, по сути не имевший опыта командования войсками, сумел организовать отступление. Конечно, полностью предотвратить бегство ему не удалось. Люди, охваченные страхом и отчаянием, не способны прислушаться к голосу рассудка. Пусть они трижды осознают, что бегущий с поля боя – легкая добыча для догоняющего его противника, однако страх забивает все их существо, лишая разума. Но кронпринц сумел-таки сориентировать около пяти сотен солдат, и те встали щитом между нападающим врагом и беглецами. К этой части присоединился и Георг со своей сотней.

В немалой степени помогло то, что наступающие уже расстроили свои порядки и хоть и не сразу, но вынуждены были отхлынуть, напорвшись на уступающие по численности, но находящиеся в строю войска. Сначала памфийцы понесли изрядные потери, основная доля которых была на счету наемников Георга. Восседая на лошадях, те безнаказанно и методично расстреливали из арбалетов солдат Памфии, которые, не будучи в строю, представляли собой прекрасную мишень.

Вскоре стало очевидно, что нахрапом опрокинуть заслон не получится. Противник был вынужден оттянуть свои силы и начать перегруппировку для слаженного удара. Но когда памфийцы наконец изготовились и двинулись в атаку, несвижцы начали пятиться назад. Первыми перемахнули через мост наемники, которые тут же заняли позиции на берегу, по обе стороны от переправы. Ведя обстрел с флангов, они сумели сбить наступательный порыв атакующих и прикрыть пехоту. Памфийцы пытались задействовать лучников, но те только несли бессмысленные потери, так как наемники использовали щиты, а их соперники подобной возможности были лишены.

Последнюю точку в этом сражении поставил подожженный мост. Впрочем, вряд ли ее можно было назвать последней. С того берега все еще доносились яростные крики и звон стали. Памфийцы добивали остатки несвижцев. Изредка к реке выбегали одиночки или небольшие группы, которые, сбросив с себя все, прыгали в воду и устремлялись к спасительной суше. Везло далеко не всем. Многие памфийцы занимались тем, что грабили трупы и добивали раненых. Часть же лучников устроила соревнование, расстреливая плывущих беглецов. Так что для воинов, которые, казалось, были в шаге от спасения, еще ничего не закончилось.

Разумеется, спасется и какая-то часть из тех, кто сейчас бьется в полном окружении, но таких будет очень мало. Хорошо, если удастся спасти хотя бы половину армии, но в подобное верится с трудом. Это поражение больше походило на полный разгром, иначе и не скажешь.

- Сотник, пятый десяток из поиска вернулся. Привели дюжину беглецов, - хлопнув правой рукой по левому плечу, доложил возникший перед Георгом десятник Виктор.

- Хорошо. Доставьте их к месту сбора, передайте капитану Бону и идите к нашим повозкам. Ужин уже готов, - приняв доклад, распорядился сотник.

- Слушаюсь!

Обоз сотни, с ее имуществом и запасом продовольствия, сохранился полностью, в отличие от обоза армии. Случилось это благодаря трусоватой натуре старшего обозника Сэма. Тот сумел убедить сотника, что особой разницы, где именно будет находиться обоз, нет, ведь сотня все равно у моста. Вот и решил Георг оставить свои повозки на правом берегу реки. Так, на всякий случай. Как оказалось, решение было верным. Сейчас только он мог похвастать тем, что его люди расположились в палатках. Впрочем, лично Георг был лишен этой возможности, поскольку свою довольно просторную палатку уступил раненому королю. Нельзя сказать, что ему удалось сберечь и все продовольствие - его попросту реквизируют по причине того, что весь провиант армии стал добычей победителей. Но хотя бы поужинать его люди сумеют достойно, а там что-нибудь придумают.

Мимо прошагали усталые мужчины, которых разыскали парни из его сотни и доставили к месту сбора остатков армии. Многие из них были ранены. Трое - в доспехах и при оружии. Они шли с угрюмыми лицами, кусая губы, но весь их вид говорил о том, что с поражением они не смирились. Еще двое сохранили доспехи, но никакого оружия при них нет. Остальные одеты кто во что горазд, а точнее, полураздеты: они сбросили с себя все, что только возможно, дабы одежда не стесняла движений. Эти брели откровенно понурившись, мало чем отличаясь от каторжан, участи которых не позавидуешь. И таких сейчас - около половины из тех, кто смог выжить в том аду, что творился всего несколько часов назад.

Как только удалось сбросить преследователей, Георга вызвали к принцу. Так уж случилось, что его сотня оказалась чуть ли не единственным отрядом конницы, остававшимся в распоряжении Гийома. Поэтому сотник наряду с прочими получил приказ разослать по окрестностям разъезды, чтобы начать собирать беглецов. При встрече с организованными отрядами его людям предписывалось направлять их к месту сбора армии, предварительно узнав имя командира. Разрозненные же - сбивать в команды и под конвоем отправлять туда же. Гийому предстояло вновь собрать армию, чтобы суметь противостоять врагу.

Проводив взглядом беглецов, сопровождаемых его людьми, Георг вновь обратил взор в сторону палатки, где сейчас находился Берард Первый. Именно там недавно скрылся и барон Гатине, когда отмахнулся от сотника. Интересно, жив ли еще король? Его рана показалась Георгу смертельной. Но ведь воображение склонно дорисовывать картины в преувеличенном виде. Похоже, он опять волнуется за короля больше, чем нужно. Впрочем, пустое это дело - ведь его величество даже не знает, кто такой Георг.

В палатке от множества светильников было довольно светло, а потому бледность короля, лежащего на мягких шкурах, особенно бросалась в глаза. «Боже, как он осунулся, - промелькнула мысль, - а ведь ранили его всего несколько часов назад. Или все же целых несколько часов назад?..» Жерар бросил вопросительный взгляд на лекаря, но тот легонько покачал головой. Жаль, что мастера ни под каким предлогом не желают сопровождать армию. Возможно, будь здесь один из них, его сюзерена можно было бы спасти. Правда, этот лекарь вместе с несколькими другими науку врачевания проходил у мастера Бенедикта. Но все же эти врачеватели умели не особо много. Конечно, их знания лежат далеко за пределами знаний

знахарей или иных лекарей, лечивших бедных дворян и простых людей, которым не светило пользоваться услугами мастеров, но дара они лишены.

Барон кивком головы приказал лекарю выйти и сам последовал за ним. Король по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Казалось, он без сознания. Жерар не знал, радоваться этому обстоятельству или нет.

- Как его величество?

- Боюсь, рассвета он не увидит. Эта ночь – вот и все, что ему осталось. Будь здесь даже мастер Бенедикт, сомневаюсь, что у него что-либо вышло бы. Копье пронзило короля насквозь, задев позвоночник.

- Было дело, мастер Бенедикт вытащил меня с того света.

- Не все подвластно даже им. Но будем надеяться, сила мастера все-таки поможет. Его высочество отправил гонца в Хемрод сразу после того, как короля переправили на другой берег. Мастер должен прибыть уже совсем скоро...

- Стой! Назад! – вдруг послышался голос караульного.

Поглядев в том направлении, куда был обращен взор солдата, Жерар увидел одного из оруженосцев короля, того самого, которого отправили в столицу графства. Рядом с ним стоял мужчина в годах, с бородой, щедро усыпанной сединой. Разглядеть больше в темноте Жерар не мог, да в этом и не было необходимости. Вот он – тот, кто может явить чудо.

- Я сэръ Артур, оруженосец короля, со мной мастер Гарн из Хемрода, по приказу кронпринца.

- Прошу прощения, но я должен все уточнить.

Неуверенность солдата легко объяснить. Он не имел никакого отношения к гвардии короля и заступил на этот пост впервые в жизни. Однако ждать, пока он вызовет начальника караула, который также может не знать оруженосца, просто некогда.

- Солдат, пропусти их.

Барона Гатине не знает разве что распоследний тупица. Его приказам лучше подчиняться.

- Слушаюсь, ваша милость.

Мастер проследовал в палатку один, велел оруженосцу оставаться снаружи. Палатка сотника, конечно, побольше, чем у его подчиненных, но назвать ее просторной сложно. Лекарь, извинившись, тут же скользнул следом за мастером. Ну, он-то помехой точно не будет.

Наружу эти двое вышли через полчаса, однако обрадовать барона было нечем. Мастер подтвердил прежний диагноз, уточнив, что до утра король протянет благодаря его вмешательству, а без оногo преставился бы уже через пару часов. Также он заверил, что, даже окажись мастер под рукой, это ни к чему не привело бы, разве что продлило бы агонию на несколько дней. Мастера могут многое, сила их велика, но они не боги. Может, и не простые люди, но все же смертные.

- Он в сознании?

- Да. Но, на мой взгляд, было бы гуманным дать ему покой в последние часы жизни, – глядя в

глаза Гатине, ответил мастер.

- Гуманность – для всех остальных, а над королями довлеет долг, даже когда они на сметном одре, – резко возразил барон. – Сэр Артур!

- Я, ваша милость! – тут же отозвался оруженосец. Его глаза, полные слез, явственно поблескивали в отсвете костров.

- Немедленно призови кронпринца. И разыщи монаха, если таковой тут сыщется.

- Слушаюсь!

Барон вошел в палатку самым последним. Сначала умирающего посетили кронпринц и члены совета – те, кто находился здесь и кто выжил. Потом настала очередь священника. Он пробыл у короля не меньше часа и, вероятно, находился бы там еще дольше, если бы барон Гатине грубо его не прервал. Как видно, его величество весьма серьезно отнесся к отходу в мир иной и довольно подробно изливал душу. Жерар наткнулся на осуждающий взгляд церковника. Несомненно, тот был чрезвычайно горд тем обстоятельством, что исповедовал самого короля. Несмотря на трагичность ситуации, это его звездный час: совершивший подобное никак не мог остаться простым монахом. Гатине отмахнулся от потуг святого отца даровать покой умирающему и отправил его восвояси. Велев караулу образовать периметр в десятке шагов от палатки, барон вошел вовнутрь.

- Гатине, – едва завидев вошедшего, слабым голосом пролепетал Берард Первый. – Прости... Несмотря на все твои старания, я оказался плохим королем.

- Бог вам судья, ваше величество, ибо никто из живущих не вправе осуждать короля.

- За исключением тебя.

- Я пришел не для того, чтобы упрекать вас в чем-то. Я никогда не относился к тем, кто предпочитает пинать смертельно раненного человека, неспособного постоять за себя. Все, с чем не согласен, я говорил всегда в лицо, когда вы были в полном здравии.

- К сожалению, я тебя не понял вовремя. Не понял, что значит быть настоящим королем. А теперь уже слишком поздно. Позаботься о моем мальчишке. Он куда лучше меня, хотя и с изъязном.

- Пока бьется мое сердце, ваше величество, преданнее слуги у вашего сына не будет.

- Ну вот и все... Знаешь, а ведь мне уже не терпится уйти. Она там, и она меня ждет. Иначе и быть не может, ведь мы так любили друг друга.

Нет, его величество неисправим даже перед лицом смерти! Какой-то червячок засвербел в душе, и Жерар вдруг почувствовал, что не может молчать. Да, король из Берарда вышел никудышный, но человек он хороший. А потом кто знает – может, это окажется для него радостной вестью. Хотя... Сказанное, возможно, сразу сведет его в могилу, но точно обрадует. Дьявол! Не может он промолчать. Жерар всегда был уверен, что поступил тогда правильно – этого требовали интересы королевства и он выполнял приказ короля. Но это не значит, что он никогда не испытывал чувства вины перед теми, кто стал разменной монетой в его игре. В последнее время он стал задумываться над этим все чаще. Наверное, все-таки дает о себе знать подкраившаяся старость.

- Она тебя не ждет, Берард. Изабелла не покинула этот бранный мир.

- Как?.. Что?..

Вот и все. А он-то, дурак, надеялся, что король уйдет с радостной улыбкой на устах. Вместо этого - выражение крайнего удивления и широко распахнутые глаза. «Покойся с миром», - вздохнул про себя барон. Он осенил себя святым кругом с заключенным внутри крестом и склонился, чтобы смежить веки умершего...

Господи, только бы не прознал никто!!! Жерар и представить не мог, что есть еще что-то на этом свете, способное его напугать. Он не боялся выходить против оборотня в ночном лесу, точно зная, что не может использовать оружие, потому что зверь нужен был его другу Волану для опытов. Он охотился на волколака. Он целый год подвергался страшным пыткам. Да много чего еще, а тут... подскочить на полметра от легкого прикосновения умирающего! Оказывается, Берард вовсе не собирался отправляться в последний путь, не узнав, что именно имел в виду барон.

- Погоди, Жерар... - едва слышно скорее выдохнул, чем сказал, король. - Расскажи мне все... Я умоляю...

- Если коротко, то разбойник ударил Изабеллу ножом в грудь и сбросил с обрыва. Но Господь уберег ее, она выжила. Ее спас один трактирщик. Она лишилась ума, но взамен получила дар исцелять людей, этим сейчас и занимается. Она всеми любима и почитаема, по-своему счастлива. Не смотри на меня так. Я узнал об этом совсем недавно. Прости, но я не мог тебе сказать.

- Несвиж?..

- Да, Несвиж.

- Боже, порой я думаю, что моему отцу следовало завещать корону тебе.

- Мы не всегда вольны в своих поступках. Он ни за что не хотел завещать ее твоему брату, но долг потребовал этого, и он подчинился.

- А дитя? Мой сын?

- Он тоже выжил, уже стал взрослым. Он славный малый и прекрасный боец. Наемник. Да, я поведал ему, кто он есть на самом деле, - правильно поняв немой вопрос, ответил Жерар. - Мальчик - настоящий внук своего деда. Он попросил, чтобы я оставил его при себе и приглядывал за ним, дабы никто и никогда не посмел использовать его против семьи.

- Он в твоём замке?

Спокойно смотреть на умирающего не было никаких сил. Берард беззвучно плакал, по его бледным щекам пролегли две мокрые дорожки слез...

Да что же это?! Не иначе как комок подкатил к горлу, мешая дышать и говорить. Телячья немочь! Да возьми ты себя в руки! Нельзя! Пользы от этого никакой, только вред!

- Он здесь. В этом лагере. Не проси. - Барон все же нашел в себе силы говорить твердо, никак не выказывая своих чувств.

- Несвиж, - устало вздохнул король. Но вздохнул легко - никакого намека на охватившие его эмоции, одни лишь слезы. - Он участвовал в сражении?

- Да. Это он пришел к нам на помощь во время той атаки.

- Как бы я хотел его увидеть!..

- Прости.

- Но ведь я могу призвать к себе того, кто спас если не мою жизнь, то жизнь моего сына?

- Не надо.

- Я не могу иначе. Он мой сын.

- Он может стать причиной множества бед.

- Тогда ты должен был его убить, чтобы обеспечить безопасность.

- Он принц крови.

- Когда тебя это останавливало, старина Жерар? Мой брат Гийом... Неродившееся дитя Бланки... Я знаю. Я всегда это знал. Но Изабелла...

- Мне слишком многое приписывают, Берард. Но правда в том, что я всегда стоял на страже короны и никогда не помышлял против королевского рода.

- Я должен верить?

- А зачем мне тебе врать?

Барон Гатине врал. Врал настолько самозабвенно, что сам готов был поверить в свою ложь. Иначе никак. Берард все еще при памяти и может сболтнуть лишнее. Жерар уже корил себя за то, что поддался чувствам и сообщил ему о Георге. Да и зачем это? Если Берарду так уж захочется узнать всю правду, то ему обо всем поведаст его отец, когда они встретятся в мире ином. Если встретятся, конечно.

- Действительно, врать тебе незачем, ведь я уже одной ногой в могиле. Ты не призовешь его?

- Телячья немочь! Берард, ты не можешь позволить себе слабости. Ты - король даже на смертном одре, до последнего вздоха!

- Вот ты меня и упрекнул.

- Прости.

- Как его зовут? Хотя бы имя я могу знать?

- Георг.

- Изабелла всегда любила моего отца как родного и также была любима. Оставь меня. Я хочу побыть один... Впрочем, одному побыть не получится, весть о кончине короля должна разнестись тотчас же. Позови сэра Артура, у него есть незаменимая способность, он может сидеть настолько тихо, что его не замечаешь.

Покинув палатку, Жерар направил в нее оруженосца, искать которого не пришлось. Верный вассал стоял сразу у границы караула, напротив входа, и смотрел с нескрываемой тревогой. Разумеется, ему было известно, что король уже отходит, но, как и любое любящее сердце, он надеялся на чудо.

А вот барон Гатине в чудеса давно не верил. Следовало срочно исправлять совершенную только что ошибку. Теперь это был прежний Несвижский Пес, и он не собирался потакать ничьим слабостям, ни своим, ни королевским. Лично разыскав Георга, он приказал ему отправить сотню в разъезды. По-прежнему была вероятность, что отыщется еще кто-нибудь из беглецов. Сам сотник возглавил один из разъездов, нечего ему здесь делать.

Едва наемники покинули лагерь, как к их стоянке подошел оруженосец короля, сэра Артур. Эх, Берард, Берард, с кем ты хотел тягаться по части хитрости! Прости, но видеть парня тебе незачем. Остается надеяться, что умирающему королю достанет благоразумия не объявить об этом во всеуслышание.

И тут Жерар покрылся испариной. Проклятье! Он может! Он уже однажды это проделал, наплевав на интересы королевства! Тогда король провозгласил, что признает ребенка, которого вынашивает его любовница Бланка. Пренебрежение королевой в те дни едва не стоило Несвижу потери графства Бесфан, являвшегося, по сути, самостоятельным, но связанным с королевством договором и кровными узами, ведь жена Берарда была графиней Бесфан. Ах он старый болван! Как можно было поддаться чувствам в такой момент!

Жерар буквально ворвался в палатку короля, выгнав наружу и лекаря, и оруженосца, вернувшегося с докладом о том, что разыскиваемый им наемник в настоящий момент отсутствует. В Берарда уперся строгий, осуждающий взгляд. Плевать, что тот при смерти, плевать, что он король. Телячья немочь!

- Решил поиграть в игры, Берард? - сквозь зубы прошипел Жерар.

Потом его взгляд скользнул по палатке и выхватил те предметы, которых тут до этого не было. Писчие принадлежности. Вот, значит, как... Выходит, догадка Жерара оказалась верна.

- Я все еще король, - слабым голосом попытался урезонить подданного Берард.

- Так будь им, тряпка!

- Как ты...

- Смею, - жестко перебил его Жерар. - Ты хотя бы понимаешь, что может случиться после того, как ты объявишь о существовании сына? Георг - твой старший и законнорожденный сын. Ты понимаешь, что это значит? Ты своими руками превратишь братьев в злейших врагов.

- Но...

- Никаких «но».

Наверное, вести себя подобным образом у постели умирающего жестоко, однако слишком многое поставлено на кон, чтобы снова поддаться эмоциям. В конце концов, одним грехом меньше, одним больше - какая разница. Единственное, о чем Жерар сожалел, так это о своей слабости, проявленной сегодня.

- Прости, старина. Я сам не знаю, что творю, - проговорил Берард.

Хотя барон намеревался оставаться с королем до конца, чтобы предотвратить любое безрассудство с его стороны, осуществиться этим желанием было не суждено. Да, король при смерти, но жизнь продолжается. Дела королевства требовали присутствия барона Гатине на военном совете, который собирал кронпринц и о чем известил его посольный. Ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться и покинуть палатку, уповая на волю Господа и остатки благоразумия того, кто за свою жизнь наделал достаточно глупостей.

Как и ожидалось, совет собрался не в шатре, который стал добычей памфийцев, а под открытым небом, у векового дуба. Сюда явились все, кто имел отношение к командованию остатками армии. Присутствовали и новые лица. Не в том смысле новые, что барон их не знал, просто раньше они не могли и помыслить о том, что окажутся на королевском совете. Состоявшееся сражение и понесенные потери внесли в жизнь свои коррективы. Были и те, кто относился к приближенным кронпринца, их статус начал расти на глазах, так как любой монарх предпочитает окружать себя своими ближайшими сподвижниками. Но Жерар по этому поводу был абсолютно спокоен: Гийом окружал себя не столько знатными, сколько перспективными личностями. Для этих молодых людей пришла пора сдавать экзамен на зрелость. Что ж, удачи.

- Теперь все в сборе, - заметив подходящего барона, произнес Гийом, но все-таки не удержался: - Как король?

- Без изменений, ваше высочество.

- Ясно. Начнем. Итак, ситуация следующая. На данный момент наши силы насчитывают две тысячи семьсот человек. Конные разъезды все еще продолжают собирать остатки разбежавшихся, но сомнительно, что цифра претерпит большие изменения. Значит, будем исходить из текущего положения вещей. Плюс к этому мы имеем пять сотен непосредственно в Хемроде. Прямо скажем, мало.

- Ваше высочество забывает, что половина из собранных здесь без оружия, а большинство из этой половины - и без доспехов. К тому же нужно помнить о том, что после поражения боевой дух армии, мягко говоря, не на высоте. Так что я бы оценил количество войска не как «мало», а как «ничтожно мало», - покачал головой граф Камбре, на голове которого красовалась повязка с бордовым пятном запекшейся крови. Именно он командовал войсками в центре, и благодаря его стараниям и таланту удалось предотвратить обрушение остатков войск в центре, а также всего правого фланга. Весьма дельный военачальник. Если бы король доверил руководство битвой ему, то он бы ни за что не вел сражение столь бездумно и неосмотрительно. Ну да чего теперь-то.

- Это так, - согласился Гийом. - Исходя из этого и будем принимать решение. Прошу высказываться.

- Если позволите, я начну.

- Говорите, граф Камбре.

- Считаю, что необходимо сосредоточить все наличные силы в Хемроде. Городской совет и тамошний королевский наместник не зря едят свой хлеб. Город готов к осаде. Правда, есть и куда лучшие укрепления, но хемродское находится в должном состоянии. Более трех тысяч солдат, даже если некоторые из них здорово подавлены, вполне способны удержать город. К тому же в оружейной найдется все необходимое, чтобы восполнить потери вооружения и снарядить ополчение. Памфийцы не смогут оставить у себя за спиной такой укрепленный

пункт. Оборона Хемрода сильно задержит их и нанесет потери. Мы получим возможность подтянуть ту часть армии, которую не успели задействовать из-за спешки, а также собрать баронское ополчение.

- Я согласен с графом, - поддержал графа виконт Водемон, командовавший войсками своего отца, который не имел возможности сделать это лично ввиду преклонного возраста. - Конечно, памфийцы также собрали не все свои силы, стремясь нанести внезапный удар, но думаю, что с этим у них возникнут кое-какие трудности. На слишком уж большое подкрепление им рассчитывать не приходится. Не будем сбрасывать со счетов Бесфан. Даже если ополчение графства не ударит по Памфии, одно его наличие заставит короля Джефа поумерить свой пыл.

- Что думает барон Гатине?

- При всем уважении, ваше высочество, мне кажется, ему следовало думать раньше, до начала военных действий, - с нескрываемой иронией произнес барон Кале, один из молодых сподвижников принца. - Теперь слово не за ним, а за генералами.

Жерар и не подумал обижаться на молодого человека. Серьезных причин для этого нет. Еще вчера барон Кале был одним из свиты принца и ничто не указывало на то, что Гийом уже к сегодняшнему утру окажется королем, а сам молодой человек, соответственно, особой, приближенной к монарху, его доверенным лицом. Ясное дело, в нем сейчас говорили молодость и горячность. Кто в свои двадцать с небольшим не пребывает в уверенности, будто до него никто не знал, как именно следует поступать? Вот сейчас он всех научит, как именно все должно быть. «Ничего-то ты не знаешь, бедолага Кале, - усмехнулся про себя барон. - Ты пока еще не на вершине, а только готовишься сдать экзамен на преданность и завоевать право именоваться советником и сподвижником короля».

Принц и не думал поддерживать молодого барона - он продолжал внимательно смотреть на Жерара. Раздалось еще несколько реплик в духе той, что была брошена Кале. Благо высказывались такие же молодые люди - это вселяло надежду, что все не так плохо, как кажется. Гийом и на эти слова никак не отреагировал. Он ждал, когда заговорит тот, чье мнение для него действительно было важно. Только закоснелый солдафон или восторженный юнец могут считать, что войны выигрываются лишь на поле сражения.

- Если исходить из количества воинов, а также принять в расчет верность Хемрода сюзерену и союзническому договору, граф Камбре прав, - перестав наконец испытывать терпение кронпринца, заговорил барон Гатине. - Но, к сожалению, вынужден заметить, что он ошибается, поскольку исходит не из тех предпосылок. При всем уважении, ваша светлость.

- Я только высказал свое мнение, - пожал плечами граф.

- И оно было бы верным, если бы не некоторые обстоятельства. Итак... Король Джеф тайно выводит армию к границе с нами. Он не собирает ополчение, он не использует дополнительные войска, а наносит удар лишь половиной своих наличных сил. На что он рассчитывает?

- На внезапность атаки, - тут же подал голос барон Кале.

- Правильно. Но с такими силами взять Хемрод с ходу практически нереально. На момент вторжения там находился тысячный гарнизон плюс ополчение. Джеф был бы вынужден начать планомерную осаду, подтягивая осадное снаряжение и подкрепления. Столица графства - довольно большой город с населением пятнадцать тысяч человек. Прибавьте сюда крестьян из окрестностей. Вспомните о том, что за спиной у него остается наш верный союзник Бесфан. У меня вопрос. Король Джеф - идиот? Не утруждайте себя ответом. Он весьма прозорливый

правитель и хороший полководец. Вынужден признать, что немногим удавалось обвести меня вокруг пальца, но, похоже, ему это удалось, как и бесфанским баронам.

Все так и есть. Вынужденный слишком много сил и времени уделять внутригосударственным интригам, а также Кармелю, Жерар несколько ослабил бдительность по отношению к соседям. Теперь приходится пожинать плоды. В немалой степени вина за случившееся лежала и на умирающем короле, но все время вспоминать об этом и искать оправдание самому себе – удел слабых. Сильные признают свои ошибки, думают над тем, как исправить положение, и идут дальше.

- Ситуация такова, – нахмурился барон Гантине. – Король Джеф использовал уже давно зрелее недовольство среди баронов Бесфана. Склонить их на свою сторону и убедить выступить вместе с ним Джефу не удалось, зато удалось заручиться их нейтралитетом. Можете не сомневаться: если мы проиграем эту войну, Бесфан будет потерян окончательно, даже если королева вернется на родину и возглавит графство.

Он не стал заострять внимание на том, что подобное стало возможным благодаря бездумным действиям Берарда Первого. Нет необходимости – умный поймет сам, а дуракам объяснять бесполезно.

- Выходит, союзников в этой войне у нас нет и не будет, – продолжал барон. – Теперь что касается Хемрода. Разумеется, памфийцы рассчитывают его захватить, и это у них вполне получится. Графство присоединено чуть больше двух десятков лет назад, более половины его населения – памфийцы, к тому же далеко не все, кто жил при прежней власти, отошли в мир иной. Многие из молодых людей, живших в прежнем Хемроде, вступили в зрелый возраст и еще отнюдь не старцы. Стоит ли так уж сильно рассчитывать на городское ополчение? Половина городского совета также досталась нам в наследство, как и часть стражников, все еще остающихся на службе. Если мы решим оборонять город, то на полноценную помощь горожан рассчитывать не приходится, скорее уж следует ждать удара в спину. Оборона стен обойдется хемродцам очень дорого, к тому же память о последнем таком событии еще не стерлась из сознания людей. За эти годы королевской власти удалось сделать немало, но, чтобы окончательно заполучить преданность горожан, этого было явно недостаточно.

- Вы многое сказали, но я не услышал никаких предложений, – вновь заговорил граф Камбре.

- Боюсь, они не понравятся совету.

- Говорите, барон. – Принц был серьезен и сосредоточен, ведь кому, как не барону Гатине, знать о царящих настроениях и в Хемроде, и в сопредельных государствах.

- Я предлагаю оставить Хемрод. Вывезти весь арсенал, чтобы вооружить наших беглецов. Отвести войска. В этом случае мы получим более трех тысяч солдат, которых я предлагаю расположить в замках Карсон, Кане и Кубель. Это настоящие крепости. Остальные в расчет принимать не стоит, ни один из них не выдержит серьезного штурма. Чтобы осадить все три замка, королю Джефу понадобится больше сил, чем для осады одного только Хемрода. Оставить без внимания столь серьезные гарнизоны он никак не сможет.

- Вы предлагаете без боя оставить половину графства? – вновь подал голос виконт Водемон.

- Зато гарантированно удержать вторую половину. Графству Гиннегау надлежит изготавиться к обороне по старой границе, благо приграничные замки еще не успели слишком обветшать. Таким образом, нам удастся серьезно задержать наступление памфийцев. Разумеется, если гарнизоны замков будут достаточно упорны в своем сопротивлении. Вот только держаться им

придется долго, очень долго. Подозреваю, что Загрос постарается воспользоваться ситуацией и атаковать графство Кинол. Так что сначала нужно будет решить эту проблему.

- Война на два фронта, - задумчиво проговорил принц. Тут есть отчего впасть в уныние. Превенная ситуация была, конечно, тяжелой, но несмертельной, а вот теперь, похоже, тучи сгущаются, предвещая настоящую грозу.

- Загросцы не распустили легионы после подавления мятежа в Кармеле. Это нетипично для них. Совет очень нервно относится к большим армиям, находящимся под командованием популярных в народе полководцев. Им все время мерещится призрак короля, восседающего на престоле Загроса. Генерал Варен - не просто превосходный полководец, он еще и пользуется любовью народа. Оставляя под командованием такого человека серьезные силы для загросцев очень неразумно. Значит, на то есть причина, и она вовсе не в том, что в Кармеле все еще не утихли отголоски восстания. В этом плане там тишина, а уж после казни принца Канди... Загросцы уже давно облизываются на кинолские рудники, и сейчас момент весьма удачный.

- Ваше высочество... Господа... - Перед советом предстал молодой оруженосец короля, легким кивком головы поприветствовав собравшихся.

По его виду можно было без труда понять, что именно он хочет сообщить и отчего взял на себя смелость без приглашения заявиться на заседание совета.

«Как же так? Ведь мастер заявил, что Берард протянет до утра...» - Задумавшийся было над этим Жерар тут же себя одернул. Ничего удивительного. Странно, что тот вообще протянул дольше часа после пережитого волнения.

- Король умер, - выдержав положенную паузу, возвестил молодой человек.

Боже, все не так! Не так все должно происходить. Не может этот оруженосец возвещать подобную весть. Не в таком окружении должен уходить монарх. Но жизнь вносит свои коррективы, в том числе и на ритуалы.

- Да здравствует король!!! - тут же взревели все присутствующие, оглашая окрестности и возвещая всем о случившемся. Да, один король ушел, но род несвижских правителей все еще на престоле, а значит, не все потеряно.

Несмотря на полученное известие, Гийом и не подумал завершать совещание. Времени слишком мало, а вопросов слишком много, и каждый из них по важности можно поместить во главу списка. Только когда последнее мнение было высказано, когда были приняты окончательные решения, отданы все распоряжения и направлены гонцы, молодой и пока еще не коронованный король отправился к палатке, где покоилось тело его отца. Вот, еще и это. Необходимо отправить эскорт с телом покойного в Несвиж. Удастся ли Гийому принять участие в похоронах? Вряд ли. Настали тяжелые времена.

Сзади раздался легкий шорох. Обернувшийся на шум Гийом увидел вошедшего барона Гатине. Это был единственный человек, которого он хотел видеть. У него имелся свой круг приближенных. Опираясь на их плечи, он намеревался править. Вот только им еще предстоит многому научиться, доказать свою преданность и способность принести пользу, а потому служить поддержкой они пока не способны. Сейчас молодой король мог по-настоящему опереться лишь на старую гвардию, в первую очередь на барона Гатине. А может, все дело в том, что он искренне любил этого сурового человека, положившего на алтарь королевства всю свою жизнь без остатка. Этого человека он от чистого сердца называл дядюшкой, хотя ни о каких кровных узах не было и речи.

- Он так тихо ушел, дядюшка. Взгляни на него - по-моему, перед смертью он даже улыбался. Видишь?

- Вижу, ваше величество.

- Странно. Тут такое творится... А он улыбается так, словно умер не в поле после проигранного сражения, а в дворцовой спальне, достойно завершив все свои дела.

- Всегда остается что-то незавершенное, всего не успеть. Думаю, он ушел без тревоги, ясно осознавая, что успел подготовить себе смену, что вы достаточно повзрослели и окрепли, чтобы справиться со всеми невзгодами. Это великолепно проявилось там, у моста.

- Мы справимся, дядюшка? - невольно поежившись, спросил молодой человек, все так же глядя на тело отца.

- Мы обязаны это сделать. И мы это сделаем.

Гийом склонился над небольшим ящиком, служившим походным секретером, в котором обычно хранятся писчие принадлежности.

- Что это?

Поверх ящика лежал лист исписанного пергамента. Быстро пробежав взглядом текст, молодой король удивленно воззрился на барона:

- Что это значит?

- Я бы ответил на этот вопрос, если бы был знаком с текстом, - едва сдерживаясь и с трудом сохраняя самообладание, ответил барон Гатине, борясь с желанием вырвать пергамент из рук молодого короля.

- Прочти.

Ну, слава богу. Не сказать, что Жерар одобрял поступок Берарда, но хорошо хоть у того хватило остатков мудрости не обнародовать то, что стало ему известно. Интересно, куда отправилась сегодня ночевать мудрость самого Жерара? Учудить подобное мог только глупый и восторженный юнец, а не такой старый лис, как он.

- Судя по всему, своей последней волей Берард Первый возвел в рыцарское звание командира наемников и даровал ему баронский титул. Своими действиями этот отважный воин спас и вас, и вашу свиту.

- Думать об этом, когда твой час уже пробил? Ты не находишь это странным?

- Наверное, ему просто нечем было заняться в ожидании конца и он решил таким образом скоротать время.

- Дядюшка, ты сейчас сам себя слышишь?

- Если помните, я был в схожей ситуации. Поверьте, в этот момент можно думать о чем угодно. Например, о шлюхах. Что вы на меня так смотрите? Ну да, было дело. А что мне еще оставалось? Жалеть себя и горевать о своей незавидной доле?

- Барон Авене... Ты понимаешь, что это значит?

- Господи, да ничего это не значит! Захотел его величество отблагодарить лихого наемника, вот и решил даровать ему баронский титул. Хотя по мне, так и рыцарская цепь - уже весьма щедрая награда для выходца из народа.
- Но он решил одарить его и титулом.
- Я и говорю, что это слишком.
- Это один из титулов несвижских королей.
- Берард был в таком состоянии... Ничего удивительного, что он выбрал титул, который первым пришел на память, ведь секретаря под рукой нет и разум затуманен. И вообще об этом документе никто не знает, убедить оруженосца не составит никакого труда, так что давайте пергамент сюда.
- Что ты собираешься с ним делать?
- Донести до ближайшего костра. Тут недалеко, всего-то полторы дюжины шагов.
- Нет.
- Почему?
- Это последняя воля моего отца.
- Да пожалуйста. Раз уж и вы хотите быть таким щедрым, даруйте ему другой титул. Найдется и звание, и свободные земли - да хоть в том же графстве Хемрод, благо сотник отсюда и родом.
- Нет. Отец за свою жизнь совершил достаточно глупостей. Очевидно, покинуть этот свет он тоже не сумел как подобает монарху. Но в любом случае я уважаю его последнюю волю. Пусть будет как оно есть. Правда, боюсь, приобретение так себе, баронство сейчас в полном упадке.
- Тогда тем более имеется причина одарить парня чем-нибудь поценнее, нежели подобное захолустье.
- Я исполню последнюю волю отца. Этот наемник в лагере?
- Не знаю. Возможно, вернулся уже. Они все в разъездах, собирают беглецов.
- Кстати, а что ты имел в виду, говоря о неприятном сюрпризе, который мы можем преподнести памфийцам?
- Вы не поверите, но я имел в виду именно этого наемника, Георга... Хм... Я хотел сказать, сэра Георга, барона Авене. Разумеется, вместе с его отрядом. Дело в том, что во время восстания в Кармеле ему удалось наделать столько шума, что на его поиски бросили немалую часть войск, это и предопределило исход первого победного сражения принца Канди.
- Отчего же ты не сказал об этом на совете?
- Не нужно никому знать о том, что в тылу у памфийцев будет всего сотня наемников. Поверьте, он сумеет сделать так, чтобы король Джеф гонялся за тысячей. А еще окружающим не следует знать и о том, что здесь орудует именно он. В Хемроде проживает его матушка, которую он почитает больше всего на свете. Если станет известно о нем, то... Парень предан короне, но еще больше предан своей матушке, я даже боюсь предположить, на что он решится,

если с ней что-то случится.

- Так пусть он ее вывезет. Конечно, Авене – не то место, куда можно отправить близких, но уж пристроить ее на время где-то еще ему по силам.

- Не может он этого сделать. Не поедет она никуда. Ваше величество, здесь все очень сложно. Просто поверьте мне, так будет лучше.

- Хорошо, дядюшка. Я тебе верю.

- Давайте грамоту, я ее передам ему.

- Нет. Как только Георг вернется, представь его мне. Я лично оглашу документ и в присутствии совета посвящу его в рыцари. К тому же я ведь должен знать, кому теперь принадлежит это имя.

- Слушаюсь.

Георг вернулся на рассвете, как и остальные десятки его сотни. Люди были измотаны до последней стадии. От обильного ужина остались лишь воспоминания, а о завтраке приходилось только мечтать, так как все продовольствие было реквизировано. Правда, десятку Виктора удалось подстрелить оленя, неосторожно повстречавшегося на их пути. Но и тут вышла незадача. Туша благородного красавца благополучно миновала их котлы и отправилась напрямиком на вертел неподалеку от ставки молодого короля.

По возвращении Георг узнал о том, что Берард Первый умер. Он искренне прислушивался к своим ощущениям, но, как ни силился, не смог ничего почувствовать. Ни горечи утраты, ни жалости. Он как будто даже и не расстроился. Просто воспринял информацию и остался самим собой, полностью отдавшись заботе о своих людях. Парней нужно накормить. Остро этот вопрос пока не стоял, но провиант – такое дело, пренебрегать которым не следует.

Однако и этот вопрос пришлось отложить в сторону: совсем скоро Георга вызвали к его величеству. Он совершенно спокойно выслушал речь молодого короля. Столь же равнодушно прошел через спешный ритуал посвящения в рыцари, будничным тоном дал вассальную клятву новоявленного барона. Все это время он думал о чем угодно, только не о происходящем вокруг.

В себя он пришел, когда торжественная церемония подошла к концу и о нем тотчас все позабыли (или сделали вид, что позабыли). В этот момент молодого рыцаря окликнул барон Гатине. Едва взглянув на него, Георг сразу обратил внимание, что тот сильно осунулся за ночь и будто постарел. Всегда бодрый мужчина в годах, сейчас барон выглядел на свой истинный возраст.

- Ну как, барон Авене, что ты чувствуешь?

- Что пять минут назад меня здорово надули.

- Отчего же?

- Не дать вассальную клятву, будучи новоиспеченным бароном, я не мог, но едва я это сделал, как перешел в иное качество. Из наемника сразу превратился в вассала, а им, насколько мне известно, не платят. Наоборот, сражаться за своего сюзерена – это их долг.

- Как и долг сюзерена – сражаться за них.
- Ну и зачем мне это нужно? Зачем это нужно моим парням?
- Тебе не угодишь. Между прочим, тебе только что даровали не только титул, но и баронство. Это реальная земля. Правда, владения сейчас пребывают в некотором запустении, но это дело поправимое. Главное, что у тебя теперь есть дом.
- Пока у меня не было дома, я был куда более состоятельным, чем теперь, когда он у меня появился.
- Все относительно. Кстати, договор с тобой был заключен раньше и все его условия сохраняются до той поры, пока он не будет разорван приказом короля. Так что, можно сказать, для тебя пока ничего не поменялось. А вот после войны твой статус действительно изменится. И лишь от тебя зависит, каким будет твой дом – останется захолустьем или начнет процветать. С этим все?
- Пока все.
- Вот и ладно.
- Барон, он... – Георг запнулся, не зная, как спросить о том, что вдруг ни с того ни с сего стало для него важным.
- Он умер, зная о тебе. – Жерар прекрасно понял, что именно взволновало новоиспеченного барона Авене. – Он хотел тебя видеть и даже приказал мне призвать тебя. Но вместо этого я усладил тебя в разъезд. Не смотри на меня так, мой мальчик. Я не мог поступить иначе, и повторись ситуация снова – поступил бы так же. Я уговаривал его ничего не предпринимать, но он поступил по-своему. Последнее, что он сделал, покидая этот бранный мир, – составил ту грамоту, что вручил тебе Гийом. Его последние мысли были о тебе и твоей матушке, его возлюбленной Изабелле, которую он искренне любил до последнего вздоха. Прости меня, если сможешь.
- А если не смогу? – отчего-то севшим голосом спросил Георг.
- Значит, еще одним грехом в моей копилке будет больше.
- Я не держу на вас зла, барон Гатине. Можно только восхищаться человеком, который имеет цель всей своей жизни, да еще и направленной не во благо себе. Но всегда ли цель оправдывает средства?
- О том судить не мне, а потомкам. Возможно, придет тот день, когда матери будут пугать детей моим призраком, а при одном упоминании моего имени люди станут плевать, исходя ненавистью и называя меня палачом. Для меня важно лишь то, что я верю в свою правоту, хотя, может, вовсе неправ. Время все расставит по своим местам, а для меня главное – не завтра, а сегодня.
- И что же ждет сегодня меня и моих людей? Мы вроде как остались не у дел.
- И не надейся. Никто не станет платить золото за красивые глазки, даже такой молодой и малоопытный король, как Гийом. Тебе предстоит повторить то, что ты уже проделывал в Кармеле. Полная свобода действий. Важно сделать все, чтобы армия памфийцев постоянно пребывала в напряжении, несла потери, а главное, была скована настолько, чтобы не могла

продвигаться вперед.

- Иными словами, мы должны проделать огромную работу за обычную плату. Допустим, я помню о нашем разговоре в Гатине, но мои люди – простые наемники.

- Понимаю. Там имелся дополнительный доход в виде разграбленных вилл и замков. Разумеется, король не одобрит разграбление графства, которое он вполне серьезно собирается вернуть обратно. Но ведь до границы недалеко. Кстати, сумеешь сколотить кое-какую сумму и для своего баронства. Пора думать о доме.

- А что с Хемродом?

- Королевские войска его удерживать не будут. Если совет города возжелает сохранить преданность короне и оборонять город, то Гийом будет им признателен, но если они передадут ключи от города королю Джефу, то он их не осудит.

- Слава богу.

- Я знал, что ты обрадуешься. И последнее. О том, что ты планируешь действовать здесь, будут знать только король, я и твои люди. Остальное в твоих руках.

- Спасибо, господин барон.

Георг вдруг осознал, как последний камень свалился с его плеч. Если удастся скрыть свое имя, матушка будет в безопасности. Конечно, за ней есть кому приглядеть, окружающие искренне ее любят и не дадут в обиду, но кто сказал, что толпа сумеет воспрепятствовать солдатам?

- Пора бы уже начинать обращаться ко мне как к ровне, барон Авене.

- Я обязательно это учту, барон Гатине.

- Отлично получается.

Глава 2

В тылу врага

День выдался пасмурный. Но оно и к лучшему: ни капли дождя из нависших туч так и не пролилось, зато овекает приятная прохлада. Это совсем не то же самое, что было два дня назад, когда пришлось сражаться под палящими лучами солнца. Весна вообще выдалась ранняя и теплая – если не дождь, то палящая жара. Сегодняшний день был приятным исключением. Вот бы такая погода на время всей кампании. Несбыточные мечты. Радует хотя бы то, что сегодня будет прохладно и без сырости, все указывает на это. А вот завтра или даже ночью, скорее всего, начнется дождь – судя по всему, нудный и затяжной.

Едва рыцарь подумал об этом, как между лопаток пробежал озноб, и он зябко повел плечами. Любой, кому доводилось расхаживать облаченным в доспехи в сырую погоду, легко его понял бы. Холодное сырое железо, промокшая насквозь одежда, которая совершенно не держит тепло тела. Плащ некоторое время еще помогает, но не слишком долго – уже через пару часов, это в лучшем случае, ты промокаешь насквозь. На тело, уже привычное к тяжести доспеха, ложится двойная нагрузка отяжелевшей от обилия влаги одежды. И все это сопровождается мерзким, липким холодом. Бр-р-р.

Двое суток армия Памфии простояла близ поля, на котором состоялось сражение. Во-первых, нужно было восстановить переправу, чтобы не делать крюк, так как путь памфийцев лежал к Хемроду, а тот был расположен на другом берегу. Во-вторых, оказать помощь раненым и привести части в порядок. Необходимо было также разобраться с трофеями, которых досталось довольно много – весь обоз несвижской армии перешел в руки победителей. Эти трусливые зайцы побросали все, что только возможно. И почему Памфия столько лет терпела свое положение на вторых ролях, уступая этим трусам и неумехам!

Около сотни рыцарей попало в плен. Мысли об этом особо согревали. Сэр Харт был младшим отпрыском небогатого рода, и ему пришлось покинуть отчий дом. Нет, никто его не гнал и не попрекал куском хлеба, более того – старший брат уговаривал остаться и возглавить дружину, так как у него самого хватало иных забот. Опытный боец никак не будет лишним: это куда дешевле, чем содержать воина за жалованье, и преданность обеспечена по определению. Времена беспокойные, соседи то и дело задираются, выискивая повод, чтобы прибрать к рукам и замок, и земли. Но Харт сам не смог усидеть на месте.

Всю жизнь прожить за спиной брата без возможности завести семью ввиду отсутствия дома – незавидная участь. Разумеется, есть бароны, которых Господь обделил сыновьями или прибрал их к себе, но, сидя дома, выгодную партию не подберешь. Ни один родитель не отдаст свою дочь за того, кто предпочел стать приживальщиком в доме брата. Другое дело, если рыцарь прошел сквозь горнило войн, повидал свет. Такой и жизнь знает, и при случае сумеет позаботиться о семье, дав отпор недругам.

Харт служил у короля Джефа уже три года, и это была его первая настоящая война. До этого ему приходилось участвовать лишь в мелких пограничных стычках да вправлять мозги зарвавшимся вассалам короля в местных конфликтах. О том, чтобы оказаться в рыцарской коннице, пришлось позабыть сразу. Он, конечно, из славного рода, многие поколения служившего королям Памфии, но не имел самого главного, что являлось определяющим при причислении к рыцарской коннице, – достойных доспехов. Харт готов был сражаться в первых рядах даже нагишом, но это не устраивало короля.

Однако грех жаловаться. За такой короткий срок суметь выбиться в командиры отряда легкой конницы – это дорогого стоит. Вот только не задержаться бы в этом качестве слишком долго. На эту войну у Харта были большие надежды. За доблестную службу его могут одарить баронством: когда они отвоюют обратно графство Хемрод, свободных поместий будет достаточно. Остается лишь не зевать и суметь поднять хозяйство после войны. Уже сейчас, в самом начале кампании, Харт имел очень хороший задел. Дело вовсе не в той добыче, что он сумел взять на поле боя, это мелочи. Куда большую выгоду он получил уже после сражения, когда со своим отрядом отправился в разъезд.

Им посчастливилось нарваться на раненого рыцаря, которого сопровождали трое воинов. Дрались они что черти, но пали под мечами его всадников. Несвижский рыцарь в той схватке не принимал участия, так как был без сознания. Никаких видимых ран на теле пленного они не обнаружили. Как оказалось, рыцаря сильно приложило по голове и, скорее всего, его вынесли с поля боя вассалы.

Какова же была радость, когда, выйдя из забытья, несвижец назвал свое имя. Две шестерки! О такой удаче можно лишь мечтать. Сэр Вильям, виконт Раглан, наследник графа Раглана! Выкуп за него обещал быть просто огромным. На вырученные средства Харт легко мог восстановить поместье, которое оставалось только заслужить. Была, правда, одна проблема. Он не имел вассалов, так что отправить свою добычу в замок старшего брата было не с кем.

Тут имелись и другие соображения. Отправь он пленника в отчий дом, и придется делиться, ведь брат будет приглядывать за его трофеем. Немного подумав, Харт решил поступить иначе. Никто не сомневался в том, что Хемрод добровольно вынесет ключи. Харт оставит виконта в какой-нибудь местной гостинице, оплатить которую будет намного дешевле, чем делиться с братом. Слово рыцаря удержит его добычу почище самых крепких цепей. Вон и сейчас, например. Сопровождаемый им пленник – в доспехах, при оружии, но даже не помышляет о том, чтобы освободиться, потому как дал слово рыцаря. Потом-то эти доспехи у него заберут. Комплекция у молодых людей схожая, так что они вполне сгодятся новому владельцу. Но пока пусть берегут самый ценный из его трофеев.

Так что Харт просто определит своего пленника в Хемроде на постой, внесет предоплату, благо деньги появились и еще что-то можно будет выручить с продажи взятой добычи. Вот там-то милейший виконт и будет ждать своего освобождения. Выкуп не заставит себя долго ждать, в этом рыцарь уверен. Что с того, что он отпустит несвижца? С благородными это вовсе не возбранялось, иное дело – чернь.

Простолюдинов король или господа могли выкупить только после заключения мира, а до той поры их содержат под стражей, вернее, используют на каторжных работах. Вряд ли среди нынешних пленников есть крестьяне или ремесленники, эта армия прибыла без ополчения. Так что никто не станет сажать их на землю или приставлять к ремеслу. С наемниками ситуация иная – им вполне могут предложить и наем. Никакого позора в этом нет. Они честно сражались, попали в плен, с кем не бывает. На этом все: их долги перед прежним нанимателем списываются и они вполне имеют право пойти на новую службу. Не захотят? Тогда каторга и ожидание выкупа со стороны прежнего нанимателя. Вот только не случалось пока такого, так что наемники в куда более выгодном положении. Королевским солдатам повезло меньше: у них не договор, а присяга. Конечно, есть и такие, что переступают через нее, вот только доверием они не пользуются и у новых господ, а прежний уже заочно приговаривает их к смертной казни. Клятвы не для того даются, чтобы их безнаказанно можно было нарушать...

Как известно, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Так было, так есть и так будет всегда. За слова мудрецов уплачена высокая цена, и зачастую разменной монетой здесь является кровь. Та самая кровь, что хлынула горлом у вдруг поперхнувшегося рыцаря. Он еще успел царапнуть кольчугу, из которой торчала оперенная смерть, но это было последнее, что он сделал в своей жизни, так как тут же упал под ноги коня.

Ему уже не дано было услышать непрерывные хлопки, которые начали раздаваться, накладываясь один на другой. Увидеть, как некоторые из его людей падали, сраженные невидимыми стрелками, иные вздыбливали лошадей, стремясь как можно быстрее развернуться и бежать из-под обстрела, а остальные пытались пришпорить коней и прорваться вперед, но там их уже ждали и расстреливали в упор. Лишь небольшая часть попыталась изготавиться к бою и понять, откуда идет обстрел. Но когда они, казалось, определяли место, где засели арбалетчики, смерть приходила сзади.

Сэр Вильям Раглан ошеломленно осматривался по сторонам, силясь разобраться, что тут вообще происходит. Он уже перевел из-за спины щит, вынул меч, но никак не мог решить, как следует поступить. Ему было непонятно, кто именно напал на их отряд. Если разбойники, то надо драться. Но такого запредельного количества арбалетов у разбойников просто не может быть. Войска короля? Но где королевские стяги? Где хотя бы один воин? Никого не видно. Остается предположить, что это отряд наемников, решивших половить рыбку в мутной воде. Опять непонятно. К чему нападать на воинский отряд, где они могут получить скорее сталь в глотку, чем стоящую добычу? Полсотни всадников – это не купеческий караван.

Виконт Раглан все еще озирался, вертясь на своем коне как волчок, когда последний памфиец, пытавшийся спастись бегством, пал от очередного арбалетного болта, угодившего ему точно между лопаток. Это что же получается – засевшие сумели рассмотреть его герб и решили напасть именно из-за него, чтобы получить выкуп с его отца? Иного объяснения тому, что при столь точной стрельбе ни один болт не был направлен в него, Вильям не находил. Как когда-то говорил его соратник по обучению воинскому искусству: «Ты слишком дорогой товар». Он тогда здорово на него обозлился, но подтверждение его словам не заставило себя долго ждать. И вот теперь, похоже, все повторяется. Он, сэр Вильям, виконт Раглан – просто дорогой трофей, ради которого одни убивают других.

– Эй, виконт! Только не вздумай бросаться на моих людей! Дэн, добить всех. Да смотрите поаккуратнее, чтобы никому не сунули нож. Ну здравствуй, Вильям.

Бред!.. Этого не может быть! Это не может быть он! Да какого дьявола не может – вон он снял шлем и улыбается. За прошедшие годы он сильно возмужал и заматерел, но все равно черты остались прежними и легко узнаваемы.

– Прошу прощения, виконт, я вовсе не ожидал, что прежнее товарищеское обращение расстроит вас столь сильно, что вы в гневе потеряете дар речи. Поверьте, я никоим образом не хотел вас оскорбить или обидеть, – улыбаясь, произнес поднявшийся из-за куста воин.

– Можешь не поверить, но я только что тебя вспоминал. Вокруг свистят болты, а я отчего-то вспомнил тот день.

– Это когда я тебя назвал дорогим товаром?

– Именно.

– Ага. Ситуация в чем-то похожа. Хвала Господу, этот рыцарь не забрал твои доспехи и мои люди смогли загодя тебя опознать.

– Как ты тут оказался? Только не говори, что отправился меня спасать за обещанное моим отцом вознаграждение.

– Это да. Это я поторопился. Граф, к сожалению, не знает, что ты в плену. Так что не видать мне моей награды.

– Когда это мой отец был скупцом?

– Поверь, даже мысли не было тебя обидеть или усомниться в твоём отце. Если он посчитает, что должен отблагодарить меня, то я нипочем не откажусь.

– Ну здравствуй, Георг.

Георг хотел было еще поерничать, мол, не пристало виконту, наследнику графского рода, так панибратски общаться с простым наемником. Но, видя, как тот соскользнул с коня, отбросил шуточки в сторону и, быстро приблизившись, заключил Вильяма в объятия.

– Так все же, как ты тут оказался? – Вильям с интересом смотрел на то, как сноровисто действуют наемники. А в том, что это именно наемники, он не сомневался, коли уж ими командовал Георг.

– Волей короля.

- Берард все же сумел вырваться из той бойни?
- Не совсем, – осознав, что ему отчего-то трудно говорить на эту тему, вздохнул Георг. – Берард Первый был смертельно ранен и умер еще до рассвета.
- Прими Господь его душу. Значит, сейчас на престоле Гийом Второй?
- Ну, он еще не коронован, но это только формальность.
- Он здоров?
- Даже не получил ни единой царапины.
- Хвала Господу. Расскажи, что вообще сейчас происходит?
- Все плохо, но могло быть еще хуже. Мы потеряли больше половины армии. Хемрод решено не удерживать. Остатки армии разделили на три части, чтобы посадить тремя гарнизонами в замках Карсон, Кане и Кубель.
- Конечно, среди памфийцев ходили разговоры, что Хемрод достанется им без боя... Но разумно ли это?
- Еще как разумно. Хемродцы не горят желанием сражаться, там половина населения – памфийцы.
- Но ведь его придется отвоевывать обратно.
- Дай бог разбить короля Джефа, а с Хемродом можно разобраться и позже.
- Что ж, королю и совету виднее. А ты, как я понимаю, командуешь одним из отрядов, которому вменено сдерживать наступление памфийцев?
- Не совсем так. Я командую единственным отрядом.
- Все настолько плохо?
- Большая часть из тех, кто вырвался, сейчас не в лучшей форме. Хорошо, если они смогут дать достойный отпор при штурме замков. Люди подавлены после поражения.
- И как ты собираешься это осуществить?
- У нас вроде неплохо получается.
- Один полусотенный отряд, к тому же ведущий себя столь беспечно, – невеликая сила.
- Вот только не нужно принижать наши достоинства. Полностью перебить полсотни всадников и при этом не потерять ни одного человека – не такие уж мелочи.
- Согласен. Но ведь это не то же самое, что сдержать наступление целой армии.
- Ничего, мы постараемся. Да, хотел бы сразу тебе сказать, чтобы не дай господь не забыть. Сделай милость, забудь о том, что тебя спас я... Хорошо-хорошо, понимаю. Ну хотя бы до конца войны. Я намерен пустить памфийцам кровь и не желаю, чтобы они знали, кто именно тут действует. Моя матушка осталась в Хемроде, и никакая сила не способна ее оттуда увести.

- Хорошо. Но только до конца войны.
- Сэр, трофеи собраны, можно выдвигаться, – доложил подошедший старший десятник.
- Я не принимал командования вашим отрядом, – с выражением крайнего удивления обернулся виконт к наемнику.
- А я и не к вам обращаюсь, сэр.
- Сэр? – Взметнув брови, Вильям перевел взгляд на Георга.
- Потом расскажу. Выдвигаемся, Дэн, как и планировали.
- Слушаюсь!

Наемники управились очень быстро, прибрав к рукам все, что имело ценность, и, разумеется, лошадей. Поэтому их путь лежал в один лесной массив, на ферму, затерянную в глуши. Дороги к ней фактически не было, имелась лишь едва различимая при очень внимательном осмотре стежка, сильно петляющая между деревьями. Всего пару раз в году этой стежкой пользовался хозяин. Если не знать о ферме, то найти ее, даже случайно, весьма проблематично.

Само собой, о ее существовании известно владельцу (фермер работал у него еще и в качестве лесника), но поди разыщи того барона. Была информация, что он решил покинуть земли, некогда дарованные ему королем. В его планы не входило менять сюзерена, а сам замок не отличался особыми оборонительными сооружениями. Да если бы и так, это ничего не меняло – никакой возможности удержать свой замок от армии у барона просто не было. И думать нечего о том, чтобы выстоять без помощи королевской армии. Однако в планы Гийома входило удержание лишь трех замков, образующих некую линию и отсекающую половину графства.

- Хм... Барон Авене... – задумчиво произнес Вильям, выслушав рассказ Георга.
- Ну да.
- Невероятно. Это один из титулов несвижских королей.
- Многие указывали на эту странность. Но все сошлись во мнении, что его величество пребывал не в лучшем состоянии, поэтому указал первый же титул, пришедший на память. Гийому предлагали заменить его, но тот решил оставить все как есть. Признаться, мне порассказали, в каком состоянии находится баронство, и я уже склоняюсь к мысли, что если уж Берард хотел меня отблагодарить, то мог бы подобрать место и получше. Именем заправляет королевский управляющий, но хозяйство находится в упадке, крестьян практически нет. К тому же баронство находится непосредственно на границе.
- И в этой ситуации ты отказываешься от вознаграждения за мое спасение? Тебе понадобится очень много денег, чтобы все там привести в надлежащий вид.
- Не сомневаюсь. Но ведь война только началась, так что постараюсь не упустить возможность. Мои люди тоже решили последовать за мной. Разумеется, если я смогу обеспечить достойную оплату.
- Содержание сотни бойцов выльется в круглую сумму.
- И я о том же. Но думаю, что управлюсь. Конечно, мне нужно будет прикрывать границу, но

половину людей всегда можно определять в наем. Впрочем, не знаю, как оно будет.

- Вижу, возможность обзавестись домом тебя обрадовала.

- Есть немного. Признаться, это идеальный вариант, о котором я подумывал. Возможность иметь дом и вместе с тем не отставать далеко в сторону оружие как раз по мне.

Георг не стал говорить о том, что эта причина – не единственная. О второй он просто не имел права говорить. А она имелась и грела душу особо, хотя он себе в этом не признавался. Узнав о его существовании на смертном одре, Берард сделал самое большее, что мог в данной ситуации, дабы не поколебать устои государства, – он дал ему имя. Одно из своих имен. Он признал его. Да, это было сделано завуалированно, и понять данное обстоятельство могли только три человека, включая его самого, но все было именно так.

- Здесь наши пути расходятся, – остановившись на развилке дорог, сообщил Георг. – Тебе нужно к королю, этого требует твой долг. Мне же нужно оставаться здесь.

- Спасибо за все, дружище.

- Доложишь королю, что мы уже приступили к выполнению его воли, и мы в расчете.

- Даже не надейся.

- Ну, это твое дело. Помни о моей просьбе. Никому.

- Я помню.

Георг вовсе не испытывал неловкости по поводу того, что оставлял виконта одного на дороге в столь беспокойное время. Памфийцы еще не продвинулись настолько далеко, чтобы угрожать данной местности. С иными трудностями он разберется и сам, благо все оружие при нем. Просто каждый должен заниматься своим делом. От Вильяма куда больше пользы там, в армии, нежели среди них.

Сотня двигалась довольно быстро, благо вся добыча была навьючена на лошадей. Когда они действовали на территории Кармеля, то никогда не обременяли себя подобными трофеями, даже когда захватывали обозы с фуражирами. Максимум, что они могли себе позволить, – это собрать все драгоценности. Но там ситуация была несколько иной. Они действовали на чужой территории, и даже если бы нашли укромный уголок, где была возможность спрятать все свое добро, потом это необходимо было как-то вывезти.

Здесь все по-другому. Георг не сомневался, что памфийцы в очередной раз потерпят поражение и границы как минимум вернутся на довоенные рубежи. Умные и стремительные шаги кронпринца Гийома на берегу Гуры, а также его последующие решения и действия позволяли думать об этом. К тому же на том поле были разбиты далеко не все силы Несвижа. А раз так, то не стоит отказываться от добычи, которую можно укрыть и явить на свет божий, когда территория снова вернется под власть короля.

Георг уже видел, как именно станет обустривать свой будущий дом, какие шаги будут первоочередными. Нет никаких сомнений, его мечты и реальная жизнь не одно и то же, и шишек он набьет изрядно. Что же с того? Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Он довольно хорошо изучил военное дело, занятие отнюдь не из простых. Так неужели не справится с хозяйством? Ерунда! Еще как справится, все еще вокруг будут завидовать. Однако

им останется лишь облизываться, глядя на его баронство, потому как одно его имя сразу отвадит любого завистника. Это не простое бахвальство, он знает себе цену, как и своим способностям.

Добычу спрятали в тайнике, роль которого выполняла небольшая пещера, на две трети абсолютно сухая. Туда не доберется никакая влага. Лошадей определили под присмотр фермера. Тот был не шибко доволен отведенной ему ролью, даже выплаченное вперед вознаграждение не возымело своего действия. Скорее всего, он и члены его семьи еще долго не узнали бы о начале войны, ведь весенняя ярмарка уже прошла, а до осенней еще около полугода. Уж такой у них образ жизни. А то, что господин барон не появляется, так и ладно, эдак куда спокойнее. Теперь фермер знал о войне, она постучалась в его двери в виде сотни наемников. Опять же – привели полсотни лошадей. А откуда они у них? Ясное дело, хозяева коней взяты на меч. А раз оставляют их и опять засобирались в путь, то не просто прогуляться. Уши у него есть, обрывки разговоров слышит. Если памфийцы узнают о том, что он помогал *этим*, то не сносить ему головы. Пойти и донести на них? А кто сказал, что их всех перебьют? Кто потом защитит его и его семью? Вот и выходит: в какую сторону ни погляди – отовсюду беда. Так что тут никакому щедрому вознаграждению рад не будешь. Да и кто поручится, что потом этот же рыцарь, столь щедро одаривший фермера, не отберет все серебро обратно?

Как ни быстро парни обернулись, но до наступления темноты предпринять больше ничего не успели. Разве что обнаружить лагерь памфийцев в дневном переходе от Хемрода. Как именно там отнеслись к привету от наемников в виде пяти десятков обобранных трупов на тракте, непонятно, но Георг предполагал, что пока никак. Мало ли что могло случиться. Пока это происшествие никого не могло насторожить, как не могло повлиять и на продвижение армии вперед.

Впрочем, в том, что ему удастся серьезно повлиять на скорость передвижения такой машины, были серьезные сомнения. Это не отряд загросцев в три сотни клинков, лишенный конницы. Тут и кавалерии хватало, и лучников с длинными луками, дальность выстрелов которых ничуть не ниже, чем у их арбалетов. Так что при вылазках нужно будет обязательно учитывать это обстоятельство.

Чтобы действовать наверняка, следует дождаться утра, присмотреть удобное для засады место, обстрелять противника и тут же уходить. В подобных делах у них уже имелся опыт, и немалый. Но вот сама мысль о том, что памфийцы сумеют выспаться в свое удовольствие, вызвала неприятие. Раз уж пожаловали незваными гостями, то пусть не чувствуют себя как дома. Георг намеревался серьезно подойти к выполнению королевского приказа, а также обещания, данного барону Гатине, а потому им об отдыхе думать пока рано.

Дав людям передышку и дождавшись, пока темнота полностью покроеет землю, новоявленный барон поднял парней и направился к лагерю. Всадники двигались, словно призраки. Обмотанные шкурами копыта практически не давали шума. Изредка позвякивающая упряжь или снаряжение, конечно, не способствовали маскировке, тем более ночью, когда звуки разносятся особенно далеко. Но это если находиться в дозоре и внимательно вслушиваться в окружающую темноту, а памфийцы пока чувствовали себя слишком самоуверенно, чтобы держаться все время настороже. К тому же Георг сомневался, что памфийцы станут выставлять дальние дозоры, слишком все хорошо для них складывается. Скорее всего, ограничатся караулами по периметру лагеря.

Так что имелись большие шансы остаться незамеченными до того момента, пока они не приблизятся на дистанцию арбалетного выстрела. На этот раз в запасах снаряжения

недостатка не было. Им перепал немалый резерв из хемродского арсенала, об этом позаботился сам барон Гатине. Не всякий болт мог идеально подойти для их арбалетов, но четыре сотни вязанок по сорок болтов подходящего размера были переданы наемникам. Если учесть еще то количество, что имелось у них, то выходит по шесть полных колчанов, не так уж мало. Поэтому они вполне могут себе позволить безвозвратные потери снарядов.

Как и ожидалось, памфийцы вели себя достаточно бесечно. Понять подобное поведение легко. Несвижская армия разбита. Сейчас король спешно собирает новую, так что думать об атаке неприятеля не приходится. Им попросту некому противостоять. Караулы расположились у костров, на расстоянии двух полетов стрелы, образовав кольцо примерно в паре сотен шагов от крайних костров основного лагеря.

Приближаясь к противнику (кстати, совершенно открыто), Георг вдруг подумал о том, что если бы Гийом сейчас ударил по памфийцам, то, скорее всего, без труда рассеял бы их. Этому поспособствовали бы неожиданность, неразбериха и неизбежная паника. Потом слаженными отрядами можно было бы организовать преследование и уничтожение рассеявшихся частей. Тут главное – не дать противнику собраться в одно целое, бить его по частям. В этом случае небольшие мобильные отряды сумели бы уничтожить куда более многочисленные, сбившиеся из разных подразделений и, как следствие, неслаженные отряды памфийцев.

Вот с загросцами такое не пройдет. Их легионы тут же начинают возводить укрепления, даже если остановились всего на ночь. Они, конечно, могут пренебречь высылкой дальних секретов (что, впрочем, сомнительно, потому как этого требуют правила), но караульная служба у них налажена хорошо. А потом, не так уж просто атаковать противника, когда он находится за укреплениями, даже если они полевые и временные.

Однако слишком много рассуждать на эту тему Георг не стал. Мелькнула мысль – и ушла в никуда. Зачем думать о несбыточном? У короля нет подобных сил. В лучшем случае половина остатков армии сохранила бодрость духа, остальные разбиты и раздавлены. А организованных и слаженных подразделений у Гийома и того меньше. Так что решение, принятое им, наиболее верное. Самое большее, что сейчас по силам его солдатам, – это обороняться в укрепленных замках.

Как ни странно, но их никто даже не окликнул, хотя и заметили. Это было видно по очертаниям человеческих фигур, появившихся на фоне горящего костра. Как пить дать, сейчас всматриваются во всадников, которых все же узрели, несмотря на темноту. Вот только их появление ничуть не всполошило караульных. Мало ли кто возвращается из патруля? Ну не верилось им, что сейчас хоть кто-то может представлять для них опасность. А уж чтобы противник приближался вот так вот открыто... Бред. «Ну это вы зря, – усмехнулся про себя Георг. – Нельзя быть такими беспечными и самоуверенными».

– Кто идет?

Надо же! Все же озаботились, решили поинтересоваться. Впрочем, а что им еще остается, если всадники направляются напрямик на них? Вот если бы прошли стороной, между постами, тогда, может, и не обратили на верховых внимания, а так лучше уж подстраховаться. Возможно, Георг и в самом деле проехал бы мимо, вот только ему вовсе не хотелось подставлять под выстрелы своих людей: мало ли, вдруг в карауле окажутся лучники. Он намеревался обстрелять памфийцев, а не изображать из себя мишень для их стрел.

В этом случае вырезанный караульный пост – просто идеальный вариант. С других постов лучники не добьют, в лагере все слишком беспечно, надеются на расставленные вокруг

караулы. Дать пару-тройку залпов наемники в любом случае успеют, а потом нужно уходить.

- Я кого спрашиваю?

- Сейчас подъеду, узнаешь, - подпустив в голос самоуверенности, ответил Георг.

Все же то обстоятельство, что он родился в Хемроде и большинство его товарищей по детским играм были по происхождению памфийцами, наложило свой отпечаток. Мало того что языки сами по себе схожие, так он еще и приобрел памфийский выговор. От костра слышалось какое-то невнятное ворчание. Не иначе как десятник, поддерживая свой авторитет среди подчиненных, высказывался по поводу разных рыцарей, слишком много о себе мнящих и не подчиняющихся общим правилам. Вполне обоснованное недовольство. Он, бедолага, пока даже не представляет, насколько прав в своем негодовании.

Подъехав к караульным, Георг остановился прямо напротив десятника. В костер подбросили дров, и света было вполне достаточно, чтобы рассмотреть подъехавших. Только чего смотреть-то? Доспехи во всех королевствах похожи, если только герб иной, но его не видно. Станный, конечно, отряд, все в кольчужной броне, что редкость. Это же во сколько обошлось снаряжение воинов? Но каковы нахалы! Командир остановился и нагло пялится на десятника, остальные словно и не замечают никого, объехали командира и окружили караульных со всех сторон. Это что тут...

Мечи выметнулись из ножен с тихим шелестом практически одновременно и почти с той же синхронностью обрушились на пеших караульных. Те настороженно осматривались по сторонам и силились принять единственно правильное решение - как им поступить в данной ситуации. Разумеется, они успели заметить угрожающие действия наемников, а вот что-либо предпринять...

Десять бездыханных тел повалились наземь практически без шума. Во всяком случае, легкий шорох никак не мог долететь до других постов, а потому причин для поднятия тревоги не было. Конечно, могло показаться подозрительным, что погас костер, чуть ранее ярко разгоревшийся при приближении всадников, которых с трудом, но все же можно было рассмотреть на фоне далекого огня.

А вот теперь вообще ничего не видно: небо затянуто тучами, тьма - хоть глаз коли. Но это пока не повод для паники. Вдруг котел уронили в костер? Однако все сомнения рассеялись, как только с той стороны раздались хлопки. Может, их и не было бы слышно, но когда бьют одновременно столько арбалетов... Рог сам собой скакнул к губам, и ночь огласил сигнал тревоги.

Сотня выстроилась в линию. Цель видна не особо хорошо, но вполне приемлемо. Время еще не позднее, а потому костры горят повсеместно. Вот по этим кострам, а вернее, по силуэтам, кружащимся или сидящим у них, и целются наемники.

- Вместе, бей!

Отдав команду, Георг и сам нажимает на спуск. Хлопок! Арбалет толкает в плечо. Оперенная смерть ушла к цели. Смотреть на результат некогда.

- По готовности, парни!

Арбалет вниз, зацепить за крюк на стремях. Подхватить висящую справа «козью ногу», вставить в паз, подцепить тетиву. Перенести вес тела на правое стремя и одним плавным

движением взвести тетиву до щелчка. «Козья нога» опять болтается справа. Извлечь болт и вогнать его под зажим. Вскинуть арбалет. Определиться с целью. Бесполезно. В лагере поднялась суматоха, поди прицелься, когда видны только размытые очертания, беспрестанно мечущиеся из стороны в сторону. С боков уже слышатся хлопки арбалетов подчиненных. К черту прицел. Хлопок! Болт уходит в направлении лагеря просто на удачу. Повторить все снова и после третьего выстрела уходить.

За эту ночь они сумели совершить еще один налет. Грех не воспользоваться начавшимся нудным мелким дождем и тем, что видимость, и без того плохая, стала вовсе никудышной. Правда, на этот раз все не так благостно. Слабые костры видны только в центре лагеря. Люди предпочитают мерзнуть, кутаясь в плащи, все же не всем повезло иметь свою собственную палатку. Даже имея возможность разжиться подобным добром в обозе несвижцев, воспользовались ею далеко не все. Здесь свое слово сказала лень, ведь придется это добро нести на себе. Хорошо тем, кому посчастливилось разжиться повозкой, – там можно и добычу разместить, и имущество везти. Но таких счастливых немного. Это загросцы всюду таскают за собой палатки из расчета одна на четверых. Они вообще в походе очень напоминают груженных мулов.

Посты и вовсе не поддерживают огонь – лучше уж померзнуть, чем подставляться. Весть о произошедшем с одним из караулов разнеслась со стремительностью пожара, взбудив людей и заставив их быть более бдительными. Было дело, даже обстреляли своих фуражиров, убив одного из них и ранив двоих. А нечего их командиру выказывать свою спесь. В военном походе как-никак. Спрашивают, кто идет, – нужно отвечать как положено, а не костерить на чем свет стоит нахала, решившего преградить путь благородному рыцарю.

На этот раз наемники действовали скрытно, сразу с нескольких направлений, разбившись на десятки. Никакой определенной задачи. Подкрасться к противнику (не имеет значения, к лагерю или к очередному посту), сделать по одному прицельному выстрелу и уходить. Георг хотел участвовать в этом предприятии со всеми на равных, но этому воспротивился Дэн. Его поддержали остальные десятники.

Дескать, командуешь отрядом, вот и командуй. Твое дело – находиться на месте сбора, поджидать остальных и думать, что и как делать дальше. Грело хотя бы то, что вместе с ним остался и сопящий от недовольства старший десятник. А что, дескать, десятники сами не управятся? Вот и находишься вместе с оруженосцем рядом с командиром. Придет и твое время, нечего лезть в десятки, там найдется кому командовать.

Сотня собралась вместе уже далеко за полночь. Люди были грязные, вымокшие, но весьма довольные собой. К радости Георга, потерь не было. Двое получили незначительные ранения от стрел, которые памфийцы пускали наугад, но раны так себе, несерьезные, так что парни остались в строю. Судя по докладам, от второй вылазки противник понес куда более ощутимые потери. В то, что три сотни болтов, выпущенных в первый раз, могли собрать обильную жатву, новоявленный барон Авене не верил. Эта вылазка была рассчитана на другое. Невыспавшийся солдат – усталый солдат, а какой тут сон, когда в любую минуту можно ждать нападения, да еще под нудным дождем и без тепла от костра.

Примерно через час движения в кромешной темноте сотня набрела на опустевшую ферму. Многие жители подались от войны кто куда, а по большей части предпочли отсидеться в укромных уголках, прихватив с собой все, что только возможно. Сейчас оставаться в домах небезопасно. Но так поступили далеко не все – кто-то понадеялся, что их беда обойдет стороной. Да, кому-то повезет больше и их поселения обойдут. Кому-то меньше – у них заберут

только продовольствие, которое те не успели припрятать. Кому-то и вовсе не повезет: кроме фуража, у них заберут скотину, попользуют женщин, а хозяевам просто намнут бока, если те окажутся благоразумными и не станут возражать, в противном случае могут и убить. Таков непреложный закон войны, и ничего с этим не поделаешь.

Расположились, можно сказать, с комфортом, во всяком случае, всем нашлась крыша над головой. Безусловно, сотня имела палатки на всех, вот только кто же возьмет обоз в рейд, где жизнь зависит во многом от скорости? Лучше уж претерпеть некоторые неудобства, чем быть скованным неповоротливыми повозками или навьюченными лошадьми.

На ферме пробыли до обеда. Морось, досаждавшая с полуночи, прекратилась. Солнце так и не появилось, но зато стало не так сыро и люди отдохнули. Еще и горячего поели. Грех отказываться от такой возможности, всухомятку много не навоюешь. Мысль о том, что большинство солдат Памфии сейчас в куда худшем состоянии, грела особо.

Покинув это гостеприимное место, они направились поближе к Хемроду. Места здесь знакомые, а потому Георг уже знал, где нанесет следующий удар. Ночи ждать глупо, потому как даже с учетом подмоченных дорог король Джеф приведет свою армию к стенам столицы графства еще засветло. Все войска в город не войдут, и ночью парни еще смогут пустить памфийцам кровь, уж в окрестностях города ему известны все складки местности, как линии на своей ладони. Но зачем откладывать, если есть возможность покуражиться и раньше?

В этом месте дорога проходила мимо холма с довольно крутым склоном, протянувшимся на несколько сот шагов. На обратном его скате имелась седловина, где без труда можно было скрыть от постороннего взора лошадей. Сам холм абсолютно голый, ни одного кустика, место для нападения, можно сказать, неудобное. От вершины до дороги – добрых две сотни шагов. Да, очень неудобное место. Но это смотря для чего. Например, для обстрела из арбалетов – так вполне подходящее. Лежащего в высокой траве стрелка не разглядишь, в то время как он может спокойно наблюдать за дорогой. Арбалет – это ведь не лук, и для стрельбы из него совсем нет необходимости подниматься в полный рост или вставать на колени. Стрелять можно и лежа.

Глядя сквозь стебли травы на дорогу, по которой сейчас двигалась пехота, Георг плотоядно улыбнулся. Все происходило именно так, как он и планировал. Отряды охранения, выпущенные перед армией подобно щупальцам, благополучно обогнули хорошо просматриваемый холм, не обнаружив там ничего подозрительного. За дозорными начала движение остальная армия.

Наемники благополучно пропустили мимо отряды рыцарей и латной пехоты. Расстояние все же велико, слишком большая вероятность, что выпущенный болт сумеет отразить даже кольчуга. Жалко, конечно, эдак можно было поразить и короля, которого было прекрасно видно. Никаких обвинений по поводу убийства монарха можно не опасаться, война же, ни о каком покушении речь не идет.

Наконец пошла легкая пехота и двинулись лучники. А вот у этих с доспехами совсем плохо, в лучшем случае – кожаные панцири. Конечно, кожаный панцирь в сочетании со стеганкой вполне может поспорить с кольчугой, но все же уступит ей, да и не так уж этих панцирей много. Большинство лучников щеголяют в чем попроще. Вот этих можно приложить как следует.

Люди знают, как им действовать. Все это неоднократно отрабатывалось на тренировках и применялось в бою. Первый выстрел за Георгом. Он прикладывает к арбалету, выбирает одного из пехотинцев, делает поправку с учетом того, что стрелять придется сверху вниз, –

особенности подобной стрельбы они поняли еще в Кармеле. Хлопок! Вслед раздаются хлопки, которые накладываются друг на друга. Небольшой интервал – и опять разноголосица хлопков, их уже меньше, это бьют старшие трое; вдогонку – еще одна волна выстрелов, этих уже совсем мало, это десятники поставили точку.

Все происходящее длится едва ли десять ударов сердца, но результат не может не радовать. Георг отчетливо видит, как валятся на землю десятки убитых и раненых. Однако слишком долго наблюдать за происходящим нельзя. Лучники уже вскидывают луки, просто пока не могут понять, куда именно посылать стрелы.

Наемники и не собираются предоставлять им такую возможность, спешно отползая назад. Наконец сквозь крики и команды командиров, доносящиеся с противоположного склона, слышится другой звук, несущийся сверху, – некое посвистывающее шуршание. Наемники хорошо знакомы с подобными звуками, их издает множество стрел, пущенных по крутой траектории и падающих сверху вниз. Георг быстро переворачивается на спину, чтобы взглянуть в сторону приближающейся опасности. Если использовать достаточно тяжелую стрелу, то она, падая сверху, вполне может пробить кольчугу, так что, если лучники взяли правильный прицел...

Проклятье! Лучники бьют наугад, в этом никаких сомнений, людей на холме просто некому рассмотреть. Но, очевидно, командир у них толковый и со своим оружием обращаться умеет.

- Прикройся!

Шипящий посвист вдруг начал переходить в глухой стук. Стрелы вонзаются вокруг наемников, слышится пара сдавленных стонов. Хорошо хоть не так много лучников участвуют в обстреле, не то бед было бы куда больше. Но думать об этом некогда. Урез холма позади, увидеть оттуда их не смогут, только с боков, но оттуда из лука не добить.

- Встать! Бегом к лошадям!

Времени на перезарядку лучникам требуется куда меньше, чем арбалетчикам. Еще один такой залп – и снова будут жертвы. Он уже видит двоих, один бежит, прихрамывая, с обломком стрелы, торчащим из бедра, второй поддерживает раненую руку. Но вроде пока ничего серьезного, по крайней мере, парни держатся молодцами. Сбегая в ложбину, Георг видит, как с другой стороны, где склон более пологий, на него начинает подниматься отряд всадников. Быстро сориентировались. Вот и лошади.

Сотня выметнулась из ложбины и во весь опор понеслась прочь от этого места. Теперь видны всадники, движущиеся с другой стороны. Не иначе как хотят взять в клещи, вот только, наверное, они никак не ожидали, что на открытой, просматриваемой со всех сторон местности можно спрятать лошадей. А вот можно. Места нужно знать.

Насчет знания местности мысль мелькнула совсем не зря. Опыт действий в Кармеле пригодился и здесь. Только там, прежде чем организовывать засаду, они обязательно проводили разведку местности с целью изучения путей отхода, здесь же в этом не было никакой необходимости, все и так известно.

Георг посматривал на преследователей. Ясное дело, что тяжелая конница в погоне не участвует, но и этим дать встречный бой не получится. В погоню бросилось не меньше трех сотен всадников. Многовато для открытого боя. Примерно через две мили сотня вышла к оврагу, по дну которого протекал полноводный ручей с высокими обрывистыми берегами. Через него имеется только один удобный переход на несколько миль в оба конца.

Разумеется, Георг рассчитывал при случае использовать это место, чтобы сбросить с себя погоню, но, признаться, сомневался, что эта предосторожность действительно пригодится. Все же гоняться за конным отрядом, у которого имеется солидная фора... Но памфийцы проявляли завидное упорство в стремлении нагнать и покарать наглецов, осмелившихся устраивать им пакости. Превосходно! Это могло говорить лишь о том, что король Джеф пребывает в крайней стадии раздражения. Выходит, они не зря уже вторые стуки кружатся над вторгшейся армией. По самым скромным подсчетам, за столь короткое время им удалось вывести из строя более сотни человек. На фоне того, что в прошедшем сражении памфийцы потеряли едва ли больше четырех сотен, потери довольно значительные, есть с чего начать сердиться. Ничего, если дальше пойдет так же, то Джеф еще поскрежет зубами, а то и сотрет их в порошок.

Вот только упорство погони очень сильно настораживало. Все указывало на то, что без боя тут не обойтись. А бой – это дело такое... Драться и обстреливать противника с безопасного расстояния – совсем не одно и то же, тут могут случиться потери, причем в первые же сутки.

Дальше бежать не имеет смысла. Лошади, понятное дело, гораздо выносливее людей, но их силы не бесконечны, долго подобную скачку им просто не выдержать. И у памфийцев та же самая проблема, но зачем загонять своих коней, когда можно поступить иначе, да еще и добавить противнику головной боли? Какая разница, что это вынужденная мера, главное – чтобы у них самих голова не заболела.

Наконец они на противоположном скате. Теперь нужно действовать быстро.

- Сто-ой! Спешиться! Коноводам отвести коней!

- Спешиться! – слышатся команды десятников. – «Козьи ноги» не забудьте, телячья немочь! Живее!

- С первого по четвертый десяток, занять позицию справа! – продолжает раздавать команды Георг. – С пятого по восьмой – слева! Девятый и десятый – по центру и прихватите копыя! – У парней недлинные пики, которые весьма эффективны против конницы, но это все равно лучше, к тому же свою роль должно сыграть и то обстоятельство, что противник будет подниматься вверх по склону и его продвижение вовсе не будет легким.

- Что встали? За мной!

- Торопись!

- Быстро, быстро!

- Вводи арбалеты!

- Куда на колени встал! Как будешь перезаряжаться?! – Десятники правильно понимают ситуацию, сейчас все будет зависеть не только от точности стрельбы, но и от скорострельности.

Вражеские всадники еще не успевают приблизиться к переходу, а сотня уже готова к встрече. Некуда деться памфийцам – либо атаковать в лоб, либо отправляться в обход. Но второе – очень долго, местность им неизвестна, к тому же загонят коней окончательно. Они еще не знают особенностей действий наемников, поэтому, скорее всего, захотят взять нахрапом. Подумаешь, их встретят болты, ничего страшного, риск – это часть жизни. Здесь нет никаких укреплений и преград, кроме довольно пологого подъема, ручей имеет твердое дно и нетопкие берега, это отчетливо видно по следам недавно прошедшей тут сотни всадников. Противник сумеет дать

лишь один залп.

- Слушать внимательно! Если не уверены, что поразите всадника, бейте по лошадям!

Георг прекрасно понимал, что если не сбить атакующий порыв, то сотня арбалетов, даже при их манере применения этого оружия, просто не способна остановить атаку конницы. А вот если в довольно узком проходе устроить завал из убитых или бьющихся в агонии лошадей, то противнику волей-неволей придется как минимум замедлиться, а значит, дать возможность для второго выстрела. Если это случится, то все - считай, атака остановлена. Тогда всадники будут представлять собой гораздо лучшую мишень. От их позиции до ручья чуть больше семидесяти шагов, на таком расстоянии не всякий полный доспех сумеет сдержать арбалетный болт, а полностью облаченных в доспехи среди преследующих не было - они слишком тяжелы, чтобы их кони выдержали подобную скачку.

Передовые всадники замедляют свой бег. Наконец противник сбился в одну массу и, вновь пришпорив лошадей, устремляется в атаку. Вот он плотной массой входит в проход. Вот он уже на берегу ручья...

- Бей!

Ноги лошадей вздымают мириады брызг, вода в ручье, еще не успевшая очиститься, становится черной. Мгновение - и ручей преодолен. В этот момент слышатся первые хлопки. Им вторят ржание лошадей, полное боли и страданий, крики людей, лязг железа, шум вспениваемой воды, топот копыт. В поднявшейся какофонии уже невозможно командовать сотней, Георга могут услышать не больше дюжины людей, находящихся поблизости. Из повторных выстрелов он слышит лишь два или три, тех старших, что находятся рядом. Когда бьют десятники, он уже ничего не слышит, просто целится во всадника, вырвавшегося вперед сквозь мгновенно образовавшийся завал из раненых и убитых людей и лошадей. Хлопок звучит как-то неестественно тихо, забитый другими звуками. Всадник вскидывает руки и валится на круп лошади.

Два десятка, занявшие позицию в проходе, сделав выстрелы, тут же отбрасывают арбалеты, хватают копья и вскидывают щиты. Если противник сумеет-таки добраться до верха, то им предстоит замедлить его, чтобы дать возможность товарищам расстреливать атакующих. Нечего и думать, что этому жидкому строю удастся остановить атаку самостоятельно, но в такой комбинации - очень даже возможно.

Всадники с большим трудом преодолели образовавшийся завал и снова бросились в атаку, но к этому моменту первые стрелки уже перезарядились и в них полетели болты. Наемники стреляют только наперевес. Если всадник надежно прикрыт щитом, бьют в лошадь, сваливая животное и бросая седока под копыта других. Завал из тел все ширится. Противник словно напарывается на какую-то незримую черту. Чтобы ее преодолеть, приходится платить кровью за каждый шаг.

Наконец передовые достигают наемников, выстроившихся с копьями наперевес. Двигаться быстро они не имеют никакой возможности, а потому вломиться в жидкий строй у них не получается. А тут еще из-за спин копейщиков слышатся хлопки арбалетов. Это коноводы, понимая, что в данной ситуации каждый боец на вес золота, побросав лошадей, поспешили на помощь. Не сказать, что она оказалась лишней. Всадников, уже готовых навалиться на строй, буквально сносит, следующие еще больше замедляются и просто приближаются к строю, где их встречают ударами копий. Не надеясь гарантированно достать до всадников, наемники безжалостно вгоняют сталь в тела коней, что в меньшей степени гасит атакующий порыв.

Георг наблюдал за происходящим, уже вскидывая арбалет для следующего выстрела. Проклятые самовольщики! И ведь среди них нет десятников, только рядовые. Выходит, сами приняли решение, причем единодушно, без споров, иначе никак не успели бы. Но молодцы! Вовремя, ничего не скажешь. Но если вдруг окажется, что хоть одна лошадь потеряется, семь шкур спустит. Арбалет наведен, с такого расстояния даже полный доспех самого лучшего качества не спасет. Хлопок! Всадник заваливается влево, поймав боком оперенную смерть. Теперь быстро перезарядиться.

Как ни жидок был строй копейщиков, но все же всадникам не удалось заставить их прогнуться или отступить. В немалой степени это случилось благодаря возникшим за их спинами стрелкам, которые ссаживали нападающих одного за другим. Весомое слово сказали и те, что оказались с боков, – стрельба буквально в упор была просто убийственна по своей эффективности.

Наконец атакующие не выдержали и повернули обратно, преследуемые непрекращающимся обстрелом. Продолжая терять людей, памфийцы откатились назад и закружили вдаль. Они все еще были в пределах досягаемости арбалетов, но такая стрельба имела бы хоть какой-то смысл, если бы целились по слабо защищенной пехоте, а скорее даже по лучникам, не имеющим щитов. Однако арбалеты и не думали умолкать. По приказу Георга наемники сейчас добивали раненых, проявлявших признаки жизни. Едва осознав это, те, кто еще что-то соображал, старались замереть, чтобы не получить болт.

Георг окинул взглядом место побоища. В узком проходе смешались кони и люди в одну сплошную пугающую массу. Над оврагом раздавались стоны раненых и ржание лошадей, полное боли и страдания. По прикидкам, потери атакующих – около полутора сотен. Весьма впечатляюще, если еще учесть и тот факт, что сами обороняющиеся не потеряли убитыми ни одного человека. Имелось двое с довольно тяжелыми ранами, еще пятеро отделались легкими ранениями. Соотношение просто дикое, даже для обороняющихся на стенах.

Коноводы все же не бездумно побросали коней, а оставили их с увязанными в один узел поводьями по пять-шесть коней. Это волей-неволей заставило лошадей образовать некое подобие круга, бежать куда-либо они просто не могли, максимум – слегка отдалиться.

– Эх, сколько добра! – глядя на картину побоища и понимая, что ничего им не перепадет, вздохнул известный сотенный заводила Брук. Понять его можно. От одного вида такого количества побитых лошадей любого обуяет жадность. Но есть еще и те, что не пострадали и сейчас либо стоят, а их поводья зажаты в мертвых руках, либо разбрелись по ручью.

– Радуйся, что сам цел, – усмехнувшись, решил охладить пыл подчиненного десятник.

Затягивать больше никак нельзя. Отбили охоту лезть напролом, и ладно. Ночная вылазка? Пожалуй, что и нет. За сегодня они и без того хорошо потрудились. Интересно, где можно раздобыть вина? Парням просто необходимо отдохнуть. Хотя бы день.

– Три сотни убитыми!

Король Памфии Джеф Первый метался, словно оборотень в клетке. Подумать только! В сражении у Гуры он потерял пять сотен человек, но там сошлись две армии общим числом в семнадцать тысяч. Да, несвижцы понесли куда более ощутимые потери, но это нормально, проигравшая сторона теряет в разы больше, чем победившая. А тут... За прошедшие сутки памфийская армия так и не встретилась с несвижской, но потери сопоставимы с понесенными в битве.

Настроение короля не могло исправить даже то обстоятельство, что члены совета Хемрода вынесли ключи от города, едва король появился под его стенами. Событие, безусловно, радостное, но вполне ожидаемое, а вот ситуация вокруг армии радовать никак не могла.

- Барон, ты выяснил, кто это так над нами насмехается?

- Доподлинно пока ничего неизвестно. Сведения, полученные от наших людей, разрозненные и противоречивые. Если судить по рассказам очевидцев, то количество нападавших – от сотни до трех.

- Меня вовсе не интересует, что говорят трусы, от страха наложившие в штаны, – злобно прошипел Джеф Первый, схватив стоящего перед ним барона за рыцарскую цепь и притянув его лицо к своему. Не будь на том доспехов, король непременно ухватил бы за одежду, при этом передавив горло. Об этом явственно свидетельствовали его налившиеся кровью глаза, полные бешенства.

Он вообще был несдержанным, в отличие от своего сына. Но кронпринц предпочитал стоять в стороне и не вмешиваться. В этом походе он только командовал одним из отрядов, принимал участие в совете, учился и набирался опыта. Он мог высказать свое мнение только наедине с отцом или по его приказу, да и то между ними была договоренность, что если его позиция будет резко отличаться от позиции короля, то он попросту воздержится от высказываний.

- Мне пока доподлинно ничего не известно, – сохраняя спокойствие, ответил вопрошаемый барон, – есть только предположения. Слишком мало времени, чтобы собрать достоверные сведения.

- Я слушаю тебя, Клод, – отпустив цепь и сделав по шатру несколько нервных шагов, потребовал король.

Его величество мог разместить свою резиденцию в городе, но предпочел полевой лагерь. Войска должны видеть, что их король вместе с ними. Тем более что завтра армия продолжит движение, здесь им делать нечего, нужно развивать успех. Уже имелись сведения, что несвижцы собираются оборонять три хорошо укрепленных замка. Если не удастся взять их с ходу, осада может затянуться, что никоим образом не отвечало намерениям Джефа Первого.

- Во всех случаях было задействовано большое количество арбалетов, – начал объяснять барон Клод. – Оружие не столь распространенное, как лук. К тому же нападавшие передвигаются верхами. Мне известен лишь один отряд, который соответствует этому описанию. Наемничья сотня некоего Олафа, который прославился во время люцино-мгалинской войны.

- Я помню об этом. Это они атаквали рыцарскую конницу?

- Да, ваше величество. Наемники тогда понесли просто огромные потери, но их новому командиру, некоему Георгу, удалось воссоздать сотню. Они сильно отличились в Кармеле, причем именно тем, что сейчас неизвестные проделывают с нами.

Что и говорить, не только в Несвиже был барон Гатине – люди, подобные ему, есть у любого короля. Степень их мастерства разнится, но они есть всегда.

- Ты хочешь сказать, что какая-то сотня наемников причинила нам столько неприятностей?

- Я предполагаю это. Чтобы утверждать, у меня недостаточно сведений. К тому же это не «какая-то сотня», а достойный противник. Загросцы никогда не казались мне неумехами, как и

их шпионы, тем не менее этот сотник кровь им подпортил изрядно.

- Но виконт Бланш утверждает, что их вывели на засаду как минимум из трех сотен бойцов, занявших выгодную позицию. И это вполне соответствует понесенным потерям. Что ты молчишь? Понимаю, не хочешь задевать нежных чувств виконта, но его тут нет.

- Я не хочу сказать, что виконт испугался, он скорее хотел оправдать столь большие потери или что-то его ввело в заблуждение. А может, он прав, а я ошибаюсь. У меня недостаточно сведений, ваше величество.

- А когда у тебя будет достаточно этих самых сведений?!

- Простите, но я затрудняюсь сейчас ответить. Мне нужно время.

- Нужно - так бери. Только не слишком много. Я хочу как можно быстрее узнать об этом человеке все.

- Слушаюсь, ваше величество.

- Счастлив Гийом, коли у него есть такие достойные воины, - наконец подал голос кронпринц, когда полог за вышедшим бароном задернулся.

- Джон, я всегда учил тебя уважать противника, но не слишком усердствуй. Этот Георг - наемник, и то, что он не воюет на нашей стороне, - минус нашему дражайшему барону Клоду.

- Но если он несвижец...

- Он наемник, - с некоторой ленцой перебил сына король. - Для этой братии существует лишь золото, и служат они тому, кто даст достойную цену. Вот то, что у короля Несвижа есть такой цепной пес, как барон Гатине, - действительно его счастье.

- Сомневаюсь, что можно воевать *так* только за золото.

- Ты же слышал, он уже так воевал, в Кармеле.

- А в чьих интересах в действительности было то восстание?

- Хм... Возможно, ты и прав. Проклятье, я уже начинаю его уважать, хотя доподлинно и не знаю, кто он!

- Думаю, очень скоро мы будем это знать. Конечно, барон Клод - не Гатине, но не думаю, что намного хуже. Ведь ему удалось обвести вокруг пальца Несвижского Пса, и король Берард узнал о нашем вторжении ровно тогда, когда это понадобилось нам.

Тут принц был полностью прав. Пожелай Джеф Первый - и они могли вторгнуться в Несвиж абсолютно неожиданно. Но тогда была слишком велика вероятность того, что столицу Хемрода, этот богатый город, придется брать штурмом. Именно поэтому сведения все же поступили к несвижцам, но оставшегося времени было явно недостаточно, чтобы те смогли собрать большие силы. А вот после поражения армии Несвижа вероятность сдачи Хемрода сильно возрастала, что, впрочем, и произошло.

Если бы Берард немного повременил, он бы куда быстрее и с меньшими потерями разделался с памфийцами. Но Джеф правильно его просчитал и пока выигрывал. Плохо другое: король убит, а о кронпринце ничего доподлинно неизвестно, кроме того, что он мужеложец. Никто не знает,

что от него можно ожидать. Это темная лошадка, до сегодняшнего дня никоим образом себя не проявившая.

- Что ж, подождем, - наполняя кубок вином, устало произнес король.

Глава 3

Визит в Памфию

- Ну и что ты об этом думаешь? - отправив восвояси закончившего доклад десятника, обратился Георг к помощнику.

- Не нравится мне это, - почесывая нос, ответил Дэн, не скрывая растерянности. - Конечно, сотня солдат в фуражирском отряде - это серьезно, но памфийцы уже давно не ведут себя так вольно.

Что и говорить, он прав. За прошедшие три недели наемники заставили зауважать себя, и теперь фуражиры выходили отрядами не менее двух сотен. Причем половину отряда составляли лучники с длинными луками, по дальности мало чем уступавшими арбалетам. Открыто нападать на такой отряд себе дороже, поэтому Георг предпочитал обходиться обстрелом из засады, с немедленным отходом.

Уничтожить обоз подобным образом невозможно - только лишь нанести кое-какие потери, но атаковать... Он не сомневался, что им по силам перебить всех, однако за это пришлось бы заплатить большими потерями, которые никак не входили в его планы.

И вот когда такие усиленные отряды стали вполне привычным явлением, памфийцы отправляют сотню солдат без прикрытия лучников. Что это? Излишняя самоуверенность? Вряд ли. Король Джеф Первый сейчас, должно быть, в бешенстве. Взять с ходу замки, где укрепились остатки несвижской армии, не получилось. Мало того, при штурме войска заметно поредели и пришлось перейти к планомерной осаде. К тому же армия несла постоянные потери от кружащейся вокруг нее сотни наемников.

Немалый урон был причинен и подходящим подкреплениям, пока еще не знакомым с новой тактикой наемников. На сегодняшний день основная часть погибших приходилась именно на новые части, в особенности на солдат ополчения, у которых с выучкой и вовсе было плохо. Ополченцы слишком суетились и метались. Может, на тренировках они и могли что-то показать, но вот когда рядом хрипит умирающий, когда тебя забрызгивает чужой кровью, когда визжит, как свинья на забое, твой товарищ, с которым ты только что вел беседу, - сохранять спокойствие и выполнять то, что в тебя вдалбливали на тренировках, не так-то просто. Как-то раз выметнувшаяся после залпа из засады сотня порубала практически весь двухсотенный отряд ополченцев.

И вот в этой ситуации король Джеф преподносит такой подарок. Ох, что-то тут не так. Но что именно? Засада? Может, разведчики не сумели рассмотреть дополнительные силы? А почему бы и нет. Кто сказал, что только его люди умеют хорошо прятаться?

- Знаешь, Дэн, по-моему, за нас решили взяться всерьез.

- Думаешь, засада?

- Уверен. Короля Джефа окружают отнюдь не дураки, а тут такая глупость.

- И что будем делать?

- Мы уже почти месяц кружим над памфийцами, а добычи, кроме как после первого дня, никакой. Полагаю, это неправильно.

Вообще-то это неправда, трофеи у них имелись, однако назвать их достойными несколько сложно. Парни полностью уничтожили два отряда, сотню фуражиров и две сотни ополченцев. Но что можно взять с простых солдат и тем более ополченцев, вчерашних крестьян и ремесленников? Так, одни слезы. Даже их оружие было настолько дешевым, что поневоле задумаешься, стоит ли овчинка выделки.

Георг совсем не просто так завел речь о добыче. Одно дело - выполнять приказ короля за оговоренную плату, будучи простым наемником, и совсем другое - когда ты теперь стал бароном и владельцем. Необходимо подумать о будущем, о том, что после войны придется восстанавливать пришедшие в упадок земли. Чтобы это сделать, понадобятся большие средства. Ну и откуда они возьмутся, если он только и будет кружиться над вторгшейся армией, нанося ей потери, да еще не имея возможности воспользоваться трофеями с поля боя?

- Чтобы взять добычу, нужно как минимум перебить серьезный отряд, а мы такие лишь обстреливаем, после чего убегает, - с долей осуждения произнес Дэн.

- Значит, возьмем какой-нибудь замок.

- Шутишь? Замки сейчас либо пустые стоят, либо разрушены, либо с таким гарнизоном, что лучше и не соваться. К тому же ни о какой казне говорить не приходится, прежние хозяева все вывезли.

- Это если не высовывать свой нос за пределы Несвижа. Но ведь сейчас война или я что-то неверно понимаю?

- Думаешь навестить Памфию?

- Ну, в Кармеле нам это неплохо удавалось. А потом, не думаю, что это поднимет настроение его величеству, а тем более приграничным баронам, которые отчего-то решили, что их дома находятся глубоко в тылу. Гийому это тоже пойдет на пользу. Ведь на нас начнут охоту и в Памфии, а значит, куда меньше войск проследует сюда. Так что выгода со всех сторон.

- Хм... Ребятам это понравится в особенности.

- Дурные настроения?

- Ничего такого, о чем ты не знаешь.

- Значит, все в порядке?

- Да нормально все, Георг. Просто кто же откажется от дополнительной прибыли?

- Это точно.

- Так что будем делать с теми фуражирами? - все же решил уточнить старший десятник насущный вопрос.

- Ничего не будем делать. Поднимаю людей. Уходим. Да, нужно присмотреть за тылами. Мало ли, вдруг наших разведчиков обнаружили и решили пройти по следам.

- Ясно.

Понимая, что привлек к себе слишком пристальное внимание, Георг был крайне осторожен и старался не выводить своих людей на открытое место. А чтобы использовать эффект внезапности, он вообще старался избегать любых контактов. Появление его сотни на территории Памфии должно было оказаться громом среди ясного неба.

- Хм...

- Что кряхтишь, как старый дед?

- Крепкий орешек, - покачав головой, изрек Дэн. - Нам такие пока еще брать не приходилось.

- Это точно. Но, думаю, справимся.

- Сомневаюсь. В такой твердыне гарнизон наверняка очень серьезный, никак не меньше сотни, а то и полутора. Серьезный владетель.

- А главное, богатый.

- Как бы это богатство нам поперек горла не встало. Может, поищем кого помельче?

- Вряд ли там сейчас много солдат. Сам посуди, может ли местный барон отсиживаться в укромном уголке, когда идет такая война? Уверен, там сейчас нет и половины дружины.

- На этих стенах и двумя десятками можно отбивать атаки сотен. Ну ладно, поменьше. Но на нас их хватит с лихвой.

Что и говорить, замок, к которому они вышли на четвертый день пути, производил впечатление. Он имел форму неправильного многоугольника с высокими башнями по углам. Сами стены тоже не перешагнешь - высота никак не меньше двадцати пяти футов. Перед ними ров, ни ширина, ни глубина которого не известны. Судя по всему, он не заполнен водой, но к добру это или к худу, пока не ясно, все зависит от того, что придумал новоявленный барон.

Дэн был просто убежден, что в своем желании как можно серьезнее пополнить мощну, сотник решил откусить слишком большой кусок пирога. Замок имел весьма внушительные размеры. Такие зачастую служили опорными пунктами целых областей, и нередко вокруг них возникали целые города. В твердынях, подобных этой, сейчас находились осажденные остатки несвижской армии.

- Сэр, нам удалось захватить троих крестьян, - подошел с докладом десятник Виктор.

Несмотря на свою слабость к женскому полу, парень оказался достоин звания десятника. Мало того, он сумел сделать свой десяток одним из лучших. А во всем, что касалось разведки, его парням не было равных. Впрочем, в немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что к нему определили двоих бывших охотников, а скорее браконьеров, уж больно ловки. Подготовка у этих парней была весьма специфичной. Кроме того, в десяток Виктора вошли самые перспективные бойцы, и их Георг натаскивал лично. С легкой руки Сэма этот десяток называли «спецназом» - десятком специального назначения.

Вот уже несколько лет этот странный, не отличающийся смелостью (а точнее, откровенный трус) мужчина находится при сотне. Просто удивительно, сколько всего он знал. Он сумел

наладить изготовление арбалетов буквально на коленке, имея в своем распоряжении лишь малую походную кузню и всего пятерых обозников, никогда не отличавшихся мастеровитостью. Он вел все хозяйственные дела сотни, даже порой приторговывал. Для этой цели Георгу пришлось озаботиться еще одной повозкой, и теперь его обоз включал в себя четыре больших фургона. От него же исходило и множество подсказок, которые сотня сейчас с успехом применяла в бою. Новоявленный барон уже давно порывался прижать одноногого калеку и вытрясти из него всю его историю, но все время было как-то не до того.

- Допрашивали?

- Только выяснили, что они из замковых. Отец с сыновьями, бортники, обихаживали дупла, теперь возвращались, - доложил Виктор.

Все верно. Замысел барона Авене парням неизвестен, так что могут и подпортить дело. Выяснили, что пленники вполне хорошо знакомы с замком, и ладно, остальное в руках сотника.

- Ясно. Бортники - это хорошо, этих хватиться не должны. Давай сюда старшего.

Папаша оказался мужичком лет пятидесяти. Правильный такой, сразу видно - глава семейства. Это на руку, с таким договориться будет куда проще. Конечно, может статья, папаша нипочем не захочет предать своего владетеля, такие верные работники попадались не так уж редко. Правда, те в основном относились к челяди - ну там дворецкие, повара, конюхи, иные замковые слуги. Этот же больше по лесам шляется, потому как пользу своему сюзерену может приносить лишь вне стен. Люди вроде него, как и те, что были задействованы в полях или занимались ремеслами, уже не так сильно проявляли свою преданность.

- Как зовут? - доброжелательно глядя на пленника, поинтересовался Георг.

- Дык Паттол, ваша милость.

- Бортник?

- Так.

- А проживаешь в замке?

- В замке, ваша милость.

- Слушай меня внимательно, Паттол. Я намерен захватить замок, уж больно мне не дает покоя богатство твоего господина. Что так смотришь, словно тебе нет до этого дела? Есть, и мы оба это знаем. Как знаем и то, что я все равно выясню нужное...

Только очень неумный человек считает, будто простолюдины представляют собой сплошь тупую скотину. На деле это ой как неверно. Да, они порой не могут связать и двух слов, не умеют читать, не обладают манерами, но они не тупы. Во всех жизненных вопросах, и уж тем более касающихся непосредственно их, они разбираются очень даже хорошо, а их хитрости и изворотливости можно позавидовать.

Большинство баронов, даже самых кичливых, и представить себе не могут, что ими манипулирует их скот - крестьяне и ремесленники, в особенности первые. Ему лишь кажется, что это он решил поставить на место соседа и оттяпал у него приглянувшийся луг. Как бы не так. Ему задуматься, откуда вообще у него в голове взялась мысль об этом луге и с чего он вообще решил, что там выпас или сенокос лучше. Владетель и не подозревал, что это результат

деятельности его крестьян. Они намеренно сетовали на это в его присутствии, вроде и не обращаясь к нему, но чтобы это достигло его слуха.

Георг ничуть не сомневался в благоразумии пленника, и, как оказалось, не зря. Бортник справедливо рассудил, что эти все одно нападут на замок и захватят его, а вот удержать не смогут. Значит, им нужна только казна господина, ну, может, захватят кого, чтобы заполучить выкуп. Но грабить чернь и устраивать бесчинства никто не станет. С добычей им не уйти, слишком уж она сковывает, по той же причине никто не станет угонять людей в полон. Надолго задерживаться в замке никак нельзя, ведь могут подойти войска, которые сейчас с завидным упорством движутся в сторону Несвижа.

Все складывалось таким образом, что Паттолу следовало думать о своей шкуре, так как для остальных угроза была минимальной. Безусловно, он думал лишь о своих близких и соседях. Бароны пускай сами разбираются в своих делах. Их дружинники за это серебро получают и пуза вволю набивают, чтобы в случае чего заплатить своей кровью. С ним же все было просто. Если он прибудет на сутки позже, это не вызовет никаких подозрений. Но если вернется со следами пыток, то господину не понравится, что нападавшие получили сведения от него. Плевать, по доброй воле или под пытками, он предал своего господина, а потому его, скорее всего, казнят в назидание другим. Так что старик говорил вполне охотно и настолько подробно, насколько мог.

Предположения Георга оказались верными. Этот большой замок имел все шансы в скором времени превратиться в город: он, по сути, уже был небольшим городком. За стенами располагалось около трех десятков домов ремесленников и до двух сотен человек. Там обитали кузнецы, скорняки, ткачи, замковая челядь, другие мастеровые. Имелся даже трактир. Бортничество – довольно редкий, специфический и прибыльный промысел, поэтому семью Паттола держали поближе к господину.

Имелся и свой посад, где тоже обретались ценные для барона люди: просто места за стенами уже не было, но зато он мог быстро упрятать их за укреплениями. В округе было разбросано несколько деревенок с крестьянами и ферм арендаторов. Пройдет пара десятков лет, и замковая стена разрастется, увеличивая площадь, охваченную стенами, и, соответственно, население за ними.

Замок не только выглядел твердыней, но таковой и являлся. Помимо стен, его опоясывал ров шириной более двадцати футов и до краев заполненный водой. В настоящий момент там находилось три десятка воинов и госпожа баронесса с детьми. Сам барон с дружиной был в походе. Примерно неделю назад к ним в гости пожаловала какая-то молодая баронесса с десятком воинов. Вот, пожалуй, и все воинство. Служивые располагались либо на постах, либо в центральном замке, где находились и казармы, и конюшни, и жилой дом барона. Как и следовало ожидать, все наиболее ценное укрывалось в донжоне, самой высокой и наиболее укрепленной центральной башне.

К сожалению, несмотря на относительную отдаленность от границы, барон серьезно подходил к вопросу безопасности, а потому все укрепления содержались в исправности. Никакой иной возможности попасть в замок нет, кроме как через ворота или штурмывая стены. Правда, охрана довольно немудреная. На стенах круглосуточно находятся четверо караульных, по количеству сторон света. На каждого из стражей приходится по два участка стены для обхода, в общей сложности около ста семидесяти шагов, если считать вместе с башней, разделявшей эти участки. На верхней площадке донжона еще один караульный. У главных ворот – караулка, в которой находится еще шесть человек, десятник и смена.

Самое неприятное обстоятельство бортник приберег напоследок. В замке проживал мастер со своим учеником. Радовало одно: несмотря на то что лаборатория располагалась в донжоне, эти двое проживали в жилом доме барона. Это в значительной мере уменьшало добычу, так как о захвате пленников и, соответственно, выкупе за них можно позабыть. Штурмовать здание, где находится мастер, очень опасно. Можно не потерять ни одного человека при захвате замка и положить многих, если сунуться в этот дом. Так что самое лучшее – это изолировать его. Не дай господь, колдун решит в эту ночь поработать в лаборатории. От захвата донжона парни не откажутся, но тогда все может оказаться куда сложнее.

Конечно, крепкий орешек, но тем не менее ничего сверхсложного в предстоящем захвате Георг не видел. Если удастся проделать все скрытно, а главное, быстро, ни один умник и ухом не успеет повести. А когда они нейтрализуют гарнизон, никто из черни даже не подумает оказать сопротивление, что было бы неизбежно при взятии замка штурмом. На этот случай в арсенале имелось достаточное количество оружия, да и какие-никакие тренировки с людьми наверняка проводились. Мастер тоже не будет представлять опасности, если не жадничать. А Георг жадничать не собирался. Пусть их. Все золото мира никогда не заработать.

Бортников связали и оставили в лесу под присмотром двоих наемников. Зачем лишний раз забирать жизнь, если можно обойтись без этого? Кроме того, для старика это лишний повод хорошенько подумать. Если он хоть в чем-то обманул, его ждет неминуемая расправа. А если нет, то и убивать нет никакого смысла, отпустят с миром. Судя по спокойствию, с которым глава семейства воспринял тот факт, что его и сыновей привязали к дереву, он ничего не опасался. Значит, наверняка сказал правду.

Виктор замер возле уреза рва, изображая из себя несуразный холмик неправильной формы. Все же эти накидки куда лучше маскируют, чем даже те странные чехлы с нашитыми лоскутками. Рассмотреть его сейчас было мудрено даже с близкого расстояния, несмотря на свет, испускаемый луной. Говорить о стене, по которой проходил караульный, и вовсе не приходилось. Вот в просветах между зубцами опять замаячила фигура солдата, на доспехах которого играли лунные блики. Двигался он совершенно спокойно, время от времени останавливался, всматриваясь в пространство, залитое серебряным светом, а затем продолжал движение.

Наемник медленно, чтобы не выдать себя резким движением, перевел взгляд на небо. Вот уже час он прикидывается бесформенной кучкой, как и остальные парни, распределившиеся вокруг него. Похоже, тучка наползет на луну раньше, чем памфиец дойдет до башни. Скорее бы. Мочи уже нет вот так неподвижно лежать. То, что ночь лунная, – это хорошо, а в особенности радует наличие на небосводе облаков. Иной возможности добраться до караульного на донжоне, кроме как подстрелить его из арбалета, попросту нет. А поди сделай это, когда вокруг кромешная мгла.

Наконец караульный достиг башни и скрылся в ее чреве. Сейчас он пройдет сквозь нее и окажется на другом участке стены. Дойдет до следующей башни и двинется в обратный путь. Действовать нужно быстро, а главное, тихо. Виктор встает на ноги и раскручивает над головой веревку с «кошкой» на конце, благо его сейчас никто не заметит, даже при свете луны. Караульный уже прошел на другую сторону, а от того, который находится на донжоне, его скрывает стена.

Тройной крюк взмывает ввысь и, описав дугу, с глухим, едва различимым стуком падает за зубцами. Услышать этот звук можно, только если тщательно вслушиваться и ждать чего-то подобного. Нет никаких сомнений – никто из караульных ничего не заметил, ведь металл хорошо упакован в мягкие кроличьи шкурки. Потянуть конец на себя, выбрать слаbinу,

помолиться, чтобы хотя бы один крюк зацепился за стену. Есть! Теперь тихонько спуститься в воду и ни в коем случае не потерять бурдюк, надутый воздухом, иначе камнем на дно. Плавать в доспехах никак не получится. Максимум, что удастся, – какое-то время побарахтаться, и то без гарантии.

Лучше бы, ясное дело, без доспехов, но кто знает, как все обернется. К тому же передвигаться практически бесшумно и с подлинной легкостью для них уже давно не проблема. Да и чехол достаточно хорошо маскирует легкое позвякивание кольчужных колец, а то еще и препятствует звону. Хорошо подогнанную кольчугу при определенных навыках использования можно носить достаточно тихо и без посторонней помощи. Немаловажно и то, что для осуществления задуманного доспех просто необходим.

Держась за веревку, Виктор подтянул себя к стене и пополз вверх, упираясь ногами в малейшую неровность. С него побежали струйки воды, и ему показалось, что этот шум просто оглушитель, сродни водопаду в горах. Напряженный, как арбалетная тетива, он замер и вслушался в окружающую ночь. Никто не поднимает тревогу, не слышно спешного топота ног, никакого окрика. Внизу видны темные пятна на поверхности воды: он умудрился добраться до стены гораздо быстрее товарищей благодаря веревке, остальные движутся куда медленнее аккуратными гребками.

Вверх. Перевалиться через стену. Взгляд на небосвод. Луна вот-вот появится из-за тучи, но время еще есть. Бегом к башне, кинжал уже в руке. Вот чернеющий провал арки, и он внутри. Прижаться к стене, слившись с ней воедино. Взгляд на проем, ведущий на противоположную сторону. Превратиться в слух.

Легкое позвякивание кольчуги и неторопливые шаги человека, исполняющего опостылевшую повинность. Все же с достатком у местного барона очень прилично, если даже оставшиеся в замке воины облачены в кольчужный доспех. Вот дверной проем стал виден отчетливо – это луна вновь засияла на небосводе, заливая землю бледным светом. В проеме появляется тень, караульный уже внутри. Пора!

Виктор подшагивает за спину воину, левой рукой перехватывает голову, зажав рот, гася в зародыше готовый сорваться вскрик, бьет под колено и полосует кинжалом по горлу. В башне слышится стук упавшего копья, хрип и бульканье. От этих звуков кровь стынет в жилах. Но только не у Виктора. За годы практики успела выработаться привычка к убийству. В конце концов, это его работа.

Опустить тело на каменный пол. Сорвать с себя и со шлема чехлы. Подобрать копье и щит. Унять дрожь, охватившую все тело из-за бушующего в жилах огня. Сделать несколько шагов и появиться с другой стороны башни, изображая из себя караульного.

Едва он оказывается на стене, как его заливает лунный свет, и кольчуга на плечах отвечает на это тусклым блеском. Взгляд на площадку донжона. Прав был командир. Тысячу раз прав. Все же повезло им с Георгом. Хм... Сэром Георгом, бароном Авене. Караульный на самой высокой точке глянул на мерно шагающего по стене товарища и спокойно направился в другую сторону башни. Взгляд под стену. Крыши каких-то построек. Судя по всему, это конюшни, но не суть важно, главное – внутри никого не видно.

Он приблизился к свисающей со стены веревке и дернул, подавая сигнал. Совсем скоро между зубцами проскользнула тень еще одного наемника, который недолго думая столь же бесшумно, как и Виктор, устремляется к другой башне. Вскоре место еще одного часового должен будет занять их товарищ. Пока все идет именно так, как и задумывалось, хоть бы не сглазить. Вот

еще один. Он устремляется в ту же сторону. Вскоре на стене оказывается весь десяток. Дело Виктора – усиленно играть роль караульного, пока все посты не будут сменены. Только после этого из арбалета будет снят тот солдат, что находится на донжоне.

Хлопок прозвучал приглушенно и едва различимо, как и стон на самой высокой точке замка. Звук падающего тела. Значит, с караульными разобрались и теперь пора двигать к караулке. Нужно кончать с остатками охраны и растворить ворота. Пока все идет просто замечательно. Виктор издал крик филина. Это сигнал парням.

У ворот никого нет, да это и не нужно. Вход в замок наглухо закрыт, мост поднят, часовые на своих постах. Держать людей еще и здесь – лишнее. Правда, в караулке никто не спит. Из окошка, забранного слюдой, пробивается свет. Нападающие собрались у узкой двери. Десятник осматривает парней, убеждается, что все готовы, знаками в последний раз показывает, как именно они будут действовать. Виктор легонько тянет дверь на себя, чтобы раньше времени не поднимать тревогу. Нормально, не заперта.

Все происходит настолько же неожиданно, насколько и быстро. Коротая ночь, воины сидят за столом и играют в кости. Внезапно дверь распахивается, и в проеме тут же появляются четверо. Они не вламываются внутрь. Двое стоят на колене, еще двое возвышаются над ними. Резкие хлопки – и четверо отваливаются от стола или падают, пронзенные болтами, которые с такого близкого расстояния не удержит никакой щит. Десятник с ужасом понимает, что случилось что-то невозможное и страшное. Он еще успевает схватить рожок, но больше сделать ничего не получается, ему попросту не дают на это времени.

Мгновение – и вся четверка исчезает из поля зрения. Стоявшие на колене просто уходят в перекат, а на их место тут же встает другая пара. Сдвоенный хлопок – и они отваливают в сторону, а их сменяют другие, с вскинутыми арбалетами, вода ими из стороны в сторону и выскывая тех, кто мог уцелеть. Караулка небольшая, состоит из одного помещения, так что вся на виду. Не просматриваются только небольшие участки с боков от двери. Стрелки все еще стоят с готовыми к бою арбалетами, а вовнутрь перекатом влетают еще двое, с короткими клинками наготове. Но это уже лишнее. Караул прекратил свое существование.

Грохот цепей опускающегося моста. Скрежет распахивающихся створок ворот. Приглушенный топот обернутых шкурами копыт множества лошадей. Эти звуки, распространяющиеся в ночной тишине, казалось, способны разбудить всех обитателей замка. Но ничего подобного не происходит. Может, кто и услышал все это, и даже проснулся, но уж точно не придал происходящему особого значения. Вот если бы зазвучал сигнал тревоги, тогда совсем иное, а так... Мало ли за какой надобностью открывают ворота.

Десяток диверсантов не задержался у ворот ни на мгновение. Их есть кому заменить. Вместо этого они уже во внутреннем дворе. Двое держат под контролем ворота, которые оставались приоткрытыми, опасности ведь никакой. Двое врываются в донжон, доступ в который тоже свободный, часового ведь нужно как-то менять. Вот остальные помещения заперты. Но с этим потом. Главное – убедиться, что все в порядке, и не допустить, чтобы здесь кто-либо заперся, ведь именно эта башня и является их целью. Остальные спецназовцы уже взяли под контроль помещение казармы, но ждут снаружи. Штурм – это уже не их забота. Их задача – создать максимально благоприятные условия для остальных, и они с ней справились блестяще.

Сотня врывается в замок единым порывом. Два десятка распределяются по улицам, их задача – присмотреть за тем, чтобы среди черни не нашлось особых храбрецов, решивших изображать из себя героев. Особое внимание к трактиру, где, несмотря на позднее время, в окна, забранные бычьими пузырями, пробивается свет. Вот дверь распахивается, а затем резко

закрывается, как только выходящий замечает незнакомых всадников.

Проходит совсем немного времени, и на улицу вываливаются четверо воинов, облаченных в кольчуги. По всему виду, товарищи засиделись за кружкой доброго пива. Лучше бы они этого не делали. Но похоже, выпитое туманит рассудок. Из оружия при них – обнаженные мечи и кинжалы. Едва дружинники оказываются на пыльной улице, тут же раздаются хлопки арбалетов. Затем четверо соскальзывают с лошадей, проводят контроль и вламываются в трактир. Появляются они столь же быстро, знаками давая понять десятнику, что опасности нет.

Только через несколько минут один из испуганных посетителей трактира, внезапно протрезвевший, отваживается приоткрыть дверь и выглянуть наружу, где гарцуют всадники, разбившиеся на пары. Никого в трактире больше не трогали. Воинов там нет, а остальные нападавших совершенно не волнуют.

Тем временем остальной отряд проследовал во внутренний двор. От него отделился еще десяток. Им предстоит окружить жилой дом парными постами, но ни в коем случае не входить в него. Георг ни на мгновение не забывал о том, что в замке проживает мастер. Жадность, как известно, порождает бедность. Он уже принял решение обойтись без пленников. Вообще-то все зависит от сокровищницы замка. Если там будет пусто, то, пожалуй, придется рисковать.

Основная часть устремляется к казармам. Здесь должно быть еще порядка трех десятков солдат. Если они успеют прийти в себя, схватка может оказаться весьма жаркой. Не успели. Внутри уже царила суеда, большинство схватились за оружие, но им не дали времени организовать. В распахнутые двери начали вбегать вооруженные люди, вовнутрь полетели горящие факелы. Серьезно загореться и перерасти в пожар не успеет, зато даст хоть какое-то освещение.

Зазвучали резкие хлопки арбалетов, послышались первые крики и стоны, полные боли и страданий. Звон клинков, брань, хрипы, рычание... Нападающие действуют слаженно, разбившись на тройки. Двое орудуют клинками, третий находится за их спинами, перезаряжая арбалет и пуская болты в тех, кто пытается противостоять его товарищам. Схватка длится не больше минуты. Потом контроль. И тишина. Слышны лишь стоны, шаги, бряцание железа и негромкие голоса переговаривающихся между собой захватчиков. Все кончено.

- Дэн, доклад. - Георг находится посреди двора, восседая на коне. Нет необходимости самому махать мечом, когда все работает, как отлично отлаженный механизм.

- Сэр, в десятках с пятого по десятый убитых нет. Четверо легко ранены.

- Виктор?

- Сэр, в спецназе убитых нет, раненых нет. Доступ в донжон контролируем, дальше пока не продвигались.

В этот момент в ворота влетел всадник и, вздыбив лошадь, остановился перед командиром.

- Сэр, третий, четвертый десяток – потерь нет, раненых нет, поселок и ворота контролируем полностью.

- Принял. Возвращайся обратно.

- Слушаюсь, сэр!

- Дэн, выясни, что там с домом, и усили оцепление.

- Слушаюсь, сэр! Шестой десяток, за мной!

Выкрикнув приказ и не дожидаясь реакции подчиненных, старший десятник скорым шагом двинулся в направлении двухэтажного дома. Десяток быстренько собрался и дружной гурьбой пристроился за начальником. Однако практически сразу они перешли на бег. Уже понятно, что возле дома что-то не так. С противоположной стороны, где должен находиться садик, слышится девичий крик. Георг тут же направляет к дому еще один десяток с тем же приказом: в дом не соваться. Мастер – это дело такое... Все может оказаться очень и очень нехорошо.

Возле дома разберутся и без него. Дэн отнюдь не мальчик, да и остальные обладают достаточным опытом, новичков в отряде нет. Нужно заняться донжоном. А вот туда надо бы идти с десятком Виктора. Спецназовцы куда лучше подходят для этой роли. В центральной башне находится лаборатория мастера, и если сам он там... Действовать нужно будет молниеносно, а у этих парней полный порядок как с реакцией, так и с опытом действия в помещениях.

...Барон Гатине не раз сокрушался по поводу дурной привычки Георга время от времени брать его замок штурмом. Захватом же помещений спецназовцы занимались чуть ли не каждый день. Все пошло на пользу. Его личная дружина успела поднатореть в деле охраны и обороны замка, отработать навыки обращения с врагом, когда тот ворвался в помещение. Эта наука впечатывалась в них множеством синяков и ссадин, оставляемых учебным оружием. Но барон жаловался, что совершенно невозможно работать, когда твои раздумья того и гляди прервет внезапное нападение. Да и Волан всякий раз после неурочной побудки ворчал похлеще древнего старца. И что за привычка почти каждый раз затевать штурм столь внезапно! Можно же предупредить хотя бы хозяина.

Даже дневные тренировки, когда по несколько раз отрабатывались действия в помещениях, доставляли массу неудобств. Ну вот как прикажете реагировать, когда вам нужно куда-то отправиться, а в коридоре вовсю рубятся наемники с вашими дружинниками? К тому же Георг сразу оговорил, что во время схваток барон не будет ни во что вмешиваться, разве только захочет взять командование дружиной в свои руки. Было дело, взял. Получил в грудь несколько болтов вместе с синяками и позабыл об этой блажи. А что тут удивительного, если тупые болты пускаются в упор очень даже нормальными арбалетами? Нет, для этих игр он уже несколько староват. А вот его капитану, похоже, нравится...

Вооружившись факелами, парни проследовали в донжон. Георг и четверо спецназовцев остались внизу, а Виктор с остальными поднялись наверх. Пока они будут обследовать верхние этажи, барон пройдет по нижним и по подвалу. Хорошо бы найти ключника, но это вряд ли. Домоправители обычно жили поближе к господам, пользуясь их особым доверием. Впрочем, помещений не особо много. Один наемник вооружился тяжелой секирой – и башня наполнилась звуками ударов.

Нет, они не вламываются во все помещения подряд. Просто незачем. На дверях висят наружные замки, значит, внутри никого нет. А что там за ними, пока неинтересно. Казна должна быть в подвале, и никак иначе. А вот дверь, ведущая на первый этаж, заперта, и замок там внутренний, так что нужно прорубаться. В руках одного из наемников секира, которая тут же вгрызается в дерево.

Сейчас они фактически находятся на втором этаже, именно там имеется единственная дверь наружу, к которой ведет лестница, больше похожая на стремянку. В случае, когда замок падет,

донжону предстоит стать последним оплотом сопротивления. Тогда защитники попросту разрушат не столь уж основательную лестницу, и нападающим будет весьма проблематично добраться до двери.

Первый этаж лишен каких-либо окон – только небольшие отверстия, забранные решетками и расположенные под потолком. Эти помещения обычно используются как кладовые или камеры для содержания наиболее ценных пленников. В подземелье есть и другие камеры, но с комфортом там, прямо скажем, погано, – рядом с ними располагалась пыточная.

Вдруг одна из дверей, на которую парни не обратили внимания, распахнулась, и в коридоре появился светловолосый парень. Ничего примечательного – худощавый, выше среднего роста, в обычных лосинах и камзоле, какие носят зажиточные горожане. В руках никакого оружия, самому на вид не больше восемнадцати, совсем молоденький. Георг хотел было шикнуть на него...

Он и сам не понял, как умудрился почувствовать опасность. Что-то внутри словно забило в набат. Он явственно почувствовал, что кто-то настойчиво отдает ему приказ наброситься на товарищей. Нет, ничего подобного он делать не собирался, но вот чью-то волю почувствовал. А потом ему стало не до того... Один из наемников вдруг без замаха коротким выпадом атаковал его мечом. Колющий удар Георг отразил без труда (недаром в свое время его учитель Джим говорил, что у него незаурядные способности), но сам факт атаки его поразил.

Растерянность длилась недолго. До следующего выпада. Вот только атаковал наемник не Георга, а того, кто был рядом с ним, и на этот раз гораздо удачнее: клинок пробил кольчугу и вошел глубоко в тело. Парень просто не понял, что происходит, а потому не успел среагировать. Барон тут же атаковал взбунтовавшегося и этим спас того, кто сейчас орудовал секирой и не замечал происходящего за спиной.

Сразу вспомнился мастер и его ученик. Этот – скорее всего, ученик. Мастера хотя и могут выглядеть молодыми, но все же предпочитают возраст постарше, а тут явно мальчишка. Времени на осознание происходящего совсем нет. Вдруг юный нахал сможет зачаровать не одного, а нескольких? Сомнительно, все-таки ученик, но кто знает. Урезонить зачарованного невозможно, пока не снимешь с него чары. Выбора нет. Выпад – и клинок входит в тело «бунтаря».

Ученик! Георг отпрыгивает назад, в мгновение заламывает подмастерью руки и подносит к горлу клинок. Вовремя. Наемник, стоявший до этого в стороне и пребывавший в растерянности от происходящего, уже готов атаковать, но вдруг замирает. Его «господин» сейчас в опасности, и любое неверное движение может стоить ему жизни. Стук секиры прекратился. Держащий ее наемник тоже стоит, готовый атаковать своего сотника, но пока не знает, как следует поступить.

Похоже, ученику под силу взять контроль только над двоими, для большего недостаточно знаний, опыта и практики. Не избери он одним из своих орудий Георга – и, скорее всего, сейчас бы праздновал победу. Вряд ли, конечно, он бы сумел разобраться со всем отрядом, но забаррикадироваться в башне и перебить спецназовцев, оставив только двоих подвластных его воле, – очень даже. Думать над тем, почему ему не удалось зачаровать самого барона, некогда.

- Ты, мерзкий червяк, сейчас женими чары с моих людей! Или я вскрою тебе глотку.

- А почему мне знать, что ты не сделаешь этого после?

- Я бы с удовольствием, но, похоже, придется договариваться с твоим учителем, – глянув на

слабо шевелящихся раненых наемников, зло бросил Георг.

- Сэр... - растерянно осматриваясь, недоуменно проговорил тот, что с секирой. Второй был не менее растерян.

- Все потом, парни. Что с раненым? - обратился Георг к подмастерью.

- Я не могу накладывать длительные чары, только управлять парой человек, - буркнул ученик.

- Пока поверю.

Доверять тому, кто только что пытался тебя убить, очень глупо, но у Георга были для этого основания. Периодически во время бесед за бокалом вина Волан ему кое-что рассказывал. Между ними установились хорошие отношения, а может, все дело в бароне Гатине. Полученной информации было достаточно, чтобы понять: подмастерье не врет. Подобные чары даются только в результате упорного, а главное, длительного труда.

Имелось еще одно обстоятельство. Зачарованного легко выявить, если тебе известна одна тонкость. Зрачки пребывающего под чарами неподвижны и никак не реагируют на свет. Достаточно поднести любой источник света к глазам или заставить человека взглянуть на свет, чтобы по неподвижным зрачкам определить, наложены на него чары или нет.

- Что тут происходит? - А вот и Виктор с остальными.

- Виктор, возьми четверых с арбалетами, и держите на прицеле этого червя. Не расслабляться. Это ученик мастера, но зачаровать он может только двоих. Если вдруг почувствуете - что-то не так, убейте его.

- Ясно.

- А ты, червь, займись ранеными, и не дай господь хоть один из них умрет, я тебе сам голову снесу. Глок, что с дверью?

- Дык прорубил.

- Пошли.

Каменная лестница, ведущая вниз. На стенах - кольца с вставленными в них факелами. Сейчас огонь не горит, но это дело поправимое. Становится несколько светлее. Продвигаясь вперед, парни поджигают факелы: это здешний барон пусть экономит, а им ни к чему.

Вот один из обитателей этого этажа. Вжавшись в угол и трясаясь, подобно студню, на них взирает толстый плешивый дядька с бледной кожей. Ясное дело, надсмотрщику, редко покидающему свой пост, неоткуда заполучить загар. Сразу и не поймешь, кто тут настоящий пленник - обитатели камер или он. Рем как-то рассказывал Георгу воровскую хохму. Подзывают сидельцы надсмотрщика и начинают его жалеть. Мол, им-то что - они посидят-посидят да покинут это мрачное место: кто на плаху, кто с клеймом на волю, кто на каторгу. А ему, бедолаге, здесь всю жизнь сидеть.

- Здравствуй, дорогой, - широко улыбнулся Георг.

Нужно ведь как-то вывести человека из ступора, иначе из него информацию клещами тянуть придется, а времени на это нет. Когда же под рукой тот, кто хорошо знаком с данным местом,

дело куда лучше спорится.

- Э-э-здр-равствуйте, г-господин.

- Да ты не трясись так, дружок. Сам посуди, зачем мне тебя убивать? Вот если не станешь помогать, то тогда очень даже. Так как, поможешь?

- Д-да, господин. - Ага, заикается уже поменьше. Вот и ладушки.

- Рассказывай, что на этом этаже?

- Т-там камеры, в них рыцари несвижские сидят. Трое. Барон их в походе захватил.

- Хорошо. Дальше.

- Там - продукты, на случай осады.

- Так. А где казна?

- За этой дверью, - кивнул мужчина на массивную дверь, обитую железом. Тяжко придется, у этого жирдяя ключей точно нет.

- Что ниже?

- Там сидельцы. Двое разбойников, вор и пара недоимщиков.

Хм... а вот эти ему совсем неинтересны, пусть барон с ними сам разбирается.

- Открывай дверь с рыцарями и топай вниз. Сиди там, пока мы не уйдем из замка, и не высывайся.

Знакомиться с освобожденными некогда. Это может подождать. Дел еще очень много. Проходя мимо раненых, выяснил, что положение серьезное. Раны весьма тяжелы, подмастерье смог оказать лишь первую помощь, дальше требуется вмешательство настоящего мастера, да и то без гарантий. Георг приказал вынести наемников к жилому дому. Походя приказал разыскать кузнеца и тащить его с инструментом к нужной двери.

Стало понятно и то, как они смогли проглядеть этого паренька. Оказывается, за одной из дверей находилась лаборатория мастера, запирающаяся на навесной замок. В неровном свете они увидели висящий замок, но не заметили, что засов отодвинут. Простой результат поспешности и невнимательности.

У дома сотника встретил Дэн. Похоже, везение, благодаря которому им удалось так легко завладеть замком, было с привкусом горечи. Двое наемников, направившиеся в сад, обнаружили там молодого баронета в компании девушки. Почуввав неладное и обнаружив парней, молодой человек, вооруженный легким церемониальным мечом (какие обычно носят скорее для статуса), набросился на них. Результат - один тяжелораненый и сам рыцарь при смерти, с болтом в груди. Девушку, несмотря на то что она кричала и царапалась, как кошка, смогли спеленать без ущерба.

- Кто вы такой?! - увидев Георга, вскричала притихшая было пленница.

А хороша! Ее красота видна даже в бледном лунном свете. Темные длинные волосы свободно развеваются на слабом ветерке. Как видно, они были аккуратно уложены и упрятаны под

чепчиком или беретом, но в результате скоротечной и жаркой схватки головной убор потерялся, а прическа приказала долго жить. Огромные темные глазищи взирают так, словно готовы испепелить, в их темных омотах можно утонуть. Аккуратный носик, маленький рот с тонкими губами, правильный овал лица, белоснежная кожа. Лунный свет мог сыграть шутку, но Георг не сомневался, что и при свете дня она прекрасна. Одета в темное платье со светлой вставкой на груди, подчеркивающей изящную фигуру. Нет, не со служанкой уединился в саду молодой рыцарь.

- Аналогичный вопрос, госпожа. С кем имею честь? - сохраняя хладнокровие, поинтересовался он.

- Вы говорите с леди, так что извольте представиться первым! И прикажите развязать мне руки!

- Ошибка. Я говорю с моей пленницей, - все так же спокойно осадил ее Георг. - Ну да бог с вами. Мне сейчас не до вас.

- Да как вы...

- Дэн, отведи этот боевой горн в сторону, мне некогда сейчас с ней ругаться.

- Пройдемте, госпожа.

- Убери руки, бандит!

- Госпожа!

- Не трогай меня! Эй, вы! Если вы рыцарь...

- Дэн! Уведи ее!

- Да, сэр.

Мгновение - и девушка оказалась в крепких руках, а ее ноги вдруг потеряли опору. Она кричала и брыкалась, как разгневанная фурия, но была бессильна против огромного мужчины. Она не прекращала кричать, пока ее уносили в сторонку.

Похоже, одна пленница все же будет, но кто она, пока неясно. Только бы не какая-нибудь приживалка из обедневшего рода. Если так, то она не стоит даже тех трудов, что сейчас на нее затрачивает Дэн, стараясь урезонить.

- Господин мастер! Я хочу говорить с вами! - во всю мощь легких, чтобы его могли слышать в доме, закричал Георг.

- Кто именно хочет со мной говорить? Назовись!

- Я тот, кто захватил замок!

- Это я уже понял! Имя у тебя есть?

- Сейчас это не имеет значения! Достаточно того, что я рыцарь несвижской короны, а не бандит! Не мы начали эту войну, так что я в своем праве! Итак! Трое моих людей получили тяжелые раны, также ранен молодой дворянин! Всем им необходима ваша помощь!

- Баронет жив?

Вот как! Баронет. Нет никаких сомнений – в сокровищнице они найдут лишь малую часть богатств барона. Если он в здравом уме, а это именно так, то основные богатства хранит в каком-нибудь тайнике. Выходит, можно будет подзаработать еще, и немало, наследник дорогого стоит.

- Пока да. Но сколько протянет, я не знаю. Хочу с вами договориться. Вы оказываете помощь моим людям и ему, я возвращаю вашего ученика и сохраняю нетронутой вашу лабораторию.

Вообще-то весьма щедрое предложение. Мастеру нелегко найти себе ученика, и порой в поисках проходят долгие годы. Взять хотя бы отшельника в горах, с которым Георгу пришлось столкнуться несколько лет назад, или Волана, друга и подручного барона Гатине, которому уже далеко за сотню лет, но учеником он так и не обзавелся. Да и сохранение лаборатории тоже дорогого стоит, ведь там находятся многолетние труды мастера.

- Подойдите поближе к дому, а я выйду к вам! Там мы переговорим, мне тяжело каждый раз кричать! Старость, знаете ли!

Как же, старость, хитрован ты эдакий. Но выбора нет. Георг ни за что не бросит своих людей, если есть возможность их спасти. Время безвозвратно убегает, как вода из прохудившегося ведра. Придется рискнуть.

- Дэн!

- Я здесь, сэр! – тут же отозвался вернувшийся старший десятник.

- Я иду к нему.

- Сэр, он может вас зачаровать.

- Может.

Волан что-то напутал в своем скоротечном ритуале, согласно которому Георг, при попытке его зачаровать, должен был умереть мучительной смертью. Вместо этого у парня появилась способность сопротивляться чарам. А может, все дело в слабости подмастерья.

- Но времени препираться с ним нет, – продолжил Георг. – Запоминай. Поставь здесь четверых с арбалетами, заряженными тупыми болтами. Столько же – с дубьем. Когда приближусь к вам, прикажи мне бросить оружие. Как подойду вплотную, прикажи опуститься на колени, поднеси к моим глазам факел. Если зрачки не сузятся – вырубайте. Откажусь подчиняться – то же самое.

- Георг...

- Время, Дэн. После штурмуете дом, разом со всех сторон, полными десятками. Главное – вычислить мастера и убить его. Если кого еще зачарует, просто обездвигьте: через день-два чары спадут сами, без вреда.

- Понял. Все сделаю.

Когда сотник приблизился к дому на пару десятков шагов и остановился, навстречу ему вышел мужчина и впрямь преклонных лет. Впрочем, с мастерами ни в чем нельзя быть уверенным. Во

всяком случае, древнего старца он из себя не изображал: двигался хоть и степенно, но без намека на дряхлость.

Ага. Похоже, неприятности не кончились. В Георга нацелены четыре арбалета. Нацелены его людьми. Когда же ты, гад, успел их зачаровать?! Скольких ты можешь взять под контроль?! Спокойно. Вряд ли он способен на большее, ведь у него не было возможности провести ритуал и привязать их к себе. После такого в случае смерти мастера умирали и зачарованные, а подобные чары на скорую руку могут быть столь же скоро развеяны или истают сами собой через пару суток, все зависит от мастерства.

- Я так понимаю, представляться не будем, сэра, - ухмыльнулся мастер.

Сотник, нахмурившись, глядел на своих людей.

- Вы правильно понимаете, мастер. Прежде чем начнем говорить, прошу вас учесть - зачаровывать меня бесполезно. Мои люди знают, как отличить зачарованного. Ведь для этого достаточно простой горящей лучины, не так ли?

- Вижу, что имею дело со знающим человеком. Итак, к делу. Я не мог заявить это во всеуслышание, но... Ваша цена высока, и вы это знаете, но я не могу пойти на такое. Я уже не одно поколение баронов проживаю в этом замке, так что успел попривыкнуть к данному месту, а потому никак не могу допустить, чтобы баронет остался у вас.

- Или так, или он умрет, потому что я не пущу вас к нему, пока вы не поможете моим людям. Кстати, этих четверых вы немедленно освободите. Не пойдете на мои условия - я начну штурм, зачаруете меня - мои люди сделают это сами.

- Вы же понимаете, какой крови это будет стоить вашему отряду.

- Понимаю, но это меня не остановит.

- Что ж, вижу, вы верите в то, что говорите. Давайте искать компромисс. Итак, вы отдаете нам баронета и баронессу Гринель - я слышал, как она кричала, - а я возвращаю ваших людей, оказываю помощь раненым, и на этом расходимся. Разумеется, мой ученик и лаборатория в списке. Вы явно дорожите своими людьми, так что соглашайтесь. Ведь вы здесь за добычей, а не для того, чтобы разобраться со старым мастером.

Итак, баронесса. Не баронетесса, а баронесса... Никаких сомнений, это она прибыла сюда в сопровождении десятка воинов. А леди достаточно состоятельна!

- Баронета, так и быть, оставлю, все же он может умереть в пути. Касаемо баронессы - она останется, пока я не получу за нее выкуп.

- А если я укажу вам свой тайник, где лежат пятьсот золотых?

- Значит, я смогу получить за нее гораздо больше, - тут же отреагировал Георг, хотя совсем не был уверен в своих словах. Сумма получалась очень солидная - пятнадцать тысяч серебром, это совсем не шутки.

- Тысяча?

- Этот товар пока не продается.

- Ваши люди.
- Мастер, здесь не вы ставите условия. Я и без того иду вам на уступки, не перегибайте палку.
- Хорошо. Несите сюда раненых.

Глава 4

Адель

Бессонная ночь, бешеная скачка в стремлении как можно сильнее запутать следы и при этом выйти к следующей цели – все это не могло не отразиться на самочувствии людей. Но те держались довольно бодро. Скорее всего, это обусловлено тем, что таких хорошо укрепленных замков им брать еще не приходилось. А если учесть тот факт, что они не понесли потерь, сойдясь с мастером и его учеником, то действительно было от чего ощущать душевный подъем.

Как и ожидалось, в сокровищнице нашлось не так много всего. Пять сотен золотых, шесть тысяч серебром, драгоценной утвари на шесть тысяч – разумеется, серебром. Кое-какое оружие, которое удалось уместить на десяток вьючных лошадей. Георгу вовсе не улыбалось сковывать отряд громоздким обозом, даже если это навьюченные лошади. Был такой опыт.

Нет никаких сомнений: в доме они нашли бы одних украшений на куда большую сумму, чем стоит вся их добыча. Но мастер оказался прав – своими людьми Георг дорожил больше, чем добычей. Так что штурм был возможен лишь в крайнем случае, который так и не представился.

Трое освобожденных рыцарей вновь облачились в свои доспехи. Вернее, в доспехи сотника, которые он им одолжил. И восседают они не на своих лошадях. И кони, и доспехи – трофеи молодого барона и его людей. Разумеется, за самих рыцарей Георг ничего не получит, хотя кто знает – вдруг они расщедрятся. Все дешевле выйдет, чем платить выкуп барону. Тот, по счастью, отправив в замок свою добычу, пока не извещал родственников, решив дать им помариноваться в неизвестности, чтобы стали более податливыми. Теперь выкупа ему не видать как своих ушей.

Было жаль расставаться с таким трофеем, как баронет, но жизни тех, кто сейчас хотя и с трудом, но самостоятельно восседают в седлах, барону Авене куда дороже. Такое скорое восстановление стоило каждому из них по десятку лет, отнятых от их жизней, так как мастер задействовал жизненные силы раненых. Но не сказать, что те были в претензии. Наемники вообще не верили, что сумеют дожить до старости, так что, можно сказать, вылечились задаром.

- Так вы назоветесь, в конце концов, или предпочитаете оставаться безымянным разбойником?

Проклятье! Как она тут оказалась? Ведь приказал же! Георг недовольно оглянулся и упер гневный взгляд в тут же понурившегося Брука. Странно, этот балагур никогда не потакал слабому полу. Как же это он поддался ее уговорам и рискнул нарушить приказ? Впрочем, Георг вдруг заметил, что не больно-то гневается на подчиненного, а слушать голосок молоденькой баронессы ему очень приятно. Да и могло ли быть иначе? Его выводы подтвердились – при свете дня она куда красивее, чем при луне, да еще и с аккуратно прибранными волосами.

Георг все же осуждающе покачал головой, чем вызвал еще большее помрачение на челе Брука. Тот еще и в седле заерзал, показывая всем своим видом, насколько он сожалеет о случившемся. Ну, никто тебе не виноват.

- Брук, доложи десятнику: после похода - десять миль в полном снаряжении.
- Слушаюсь, сэр, - тяжело вздохнул ветеран.

В Кармеле за своевольный характер он как-то получил подобное наказание. Потом был их рейд, множество схваток. Наемник не раз отличался и при дележе добычи заслужил двойную долю. Однако от наказания это его не избавило. Он уже был рад отдать свою дополнительную долю, но Георга такой обмен не устроил. Бруку пришлось пробежать всю дистанцию до последнего фута.

Баронесса прекрасно поняла по виду наемника, чего тому стоило исполнение ее просьбы, и тут же попыталась за него вступить:

- Прошу вас, не гневайтесь на моего конвоира. Это в некотором роде моя вина.
- При чем тут вы? Он получил приказ охранять вас и находиться в середине отряда, а вместо этого сопровождал вас сюда.
- Но он просто поддался моим уговорам.
- А не должен был.
- Вы не понимаете. Это все господа рыцари.
- Эти-то что натворили?
- Они просто утомили меня своими ухаживаниями и непонятым соперничеством между собой. А ведь я им не делала никакого намека. Вы даже не представляете, каково это - подвергаться столь настойчивым ухаживаниям.
- Отчего же? Вот ехал я, никого не трогал, думал о своем, а тут вы лезете со своими расспросами.
- Да... Да как вы... Вы решили... Вы говорите с леди!
- Понимаю, что не с мужчиной.
- Вы... Вы... Хам и грубиян!

Леди резко осадилась лошадь, развернулась и поскакала в центр колонны. Брук тут же пристроился рядом, чтобы не упустить из виду подопечную, за которую уже успел огрести наказание. Георг провожал ее не менее возмущенным взором. Нет, нормально?! А кто тебя, собственно, сюда звал? Ехала себе в месте, определенном для добычи, ну и ехала бы. Так нет же, лезет с расспросами, да еще и... Ну, Брук!.. До последнего фута!

Однако возмущение вскоре само собой улеглось, и появилось что-то похожее на сожаление. Вот ведь! Не думал же ни о чем таком, что кружит сейчас головы этим повесам, двое из которых - баронеты, а один - целый виконт. Он вообще воспринимал эту девушку как пленницу, за которую можно получить богатый выкуп, раз уж на месте мастер был готов выложить за нее изрядную сумму. Так что, вполне возможно, самый дорогой трофей - именно она. Но вдруг обнаружил, что думает о ее глазах, мечущих молнии. Боже, что за глаза! Они и впрямь карие, не показалось тогда в лунном свете. В этих бездонных темных озерах можно утонуть безвозвратно.

Стоп! Что это ты расчувствовался? Трофей - и точка! Или у тебя найдется достаточно средств, чтобы выкупить парням? Хм... А это-то что за мысли?! Зачем она ему? Да нет, бред. Мало ли он видел пригожих девиц. Подумаешь, не благородные, так и что с того? Он и сам совсем недавно обзавелся титулом. Конечно, он вроде как... Но об этом и думать нечего. Барон Авене, наемник. Все!

- Интересная девушка, сэр.

- Ты о чем, Дэн?

- Ну, я припомнил один наш разговор. Помните, вы как-то сказали, что быть фермером или крестьянином - это не для вас, а вот если бароном...

- Помню-помню. И что с того?

- Ну так вы барон. Если уж есть одно, то отчего бы не быть и другому? А она вся из себя благообразная.

- Дэн, она наша пленница.

- Ну и что? Уверен, парни с легкостью уступят вам свою долю.

- Дэн!

- Все, молчу, сэр.

Где-то сзади раздался мелодичный девичий смех. Георг вдруг ощутил, как в нем начинается подниматься волна гнева. Нет, ну что ты будешь делать! А может, и впрямь... Нет, не жениться, а просто отпустить ее, пока беды какой не вышло. С парнями расплатится. Уверен? Откуда тысяча золотых? Хм... а почему тысяча? Ведь никто, кроме него, не слышал сумму, которую предлагал мастер. Ну и что? Обманешь раз - обманешь снова. Заслужили парни это? А вообще зачем ты сюда забрался? Может, еще баронство продашь? А вот эта мысль вызвала еще большую волну гнева. Расстаться с тем, что дал ему отец, пусть не признав напрямую, он никак не мог.

Это место Георг выбрал совсем не случайно. Неподалеку отсюда находилась очередная их цель. Она куда скромнее прежней, но зарываться не стоило. Наверняка весть о неизвестном несвижском отряде, действующем на территории Памфии, разносилась по всем окрестностям. Так что теперь можно рассчитывать на захват лишь слабо укрепленных замков. Опасно, не без того, но игра стоит свеч.

Добыча - это хорошо, однако не стоит забывать, что он должен отрабатывать королевское жалованье. Впрочем, он уже осознавал - дело тут вовсе не в чести наемника и не в договоре. Дрался ли он за Несвиж? Вряд ли. Все же, наверное, барон Гатине был прав: в первую очередь он сейчас дерется за родную кровь. За младшего брата, которого никогда не знал и за которого начал ощущать ответственность старшего. Бред! Ну да, бред. Но отчего-то это чувство никак не хотело отпускать. Наоборот, с каждым днем оно становилось все сильнее и сильнее.

Хотя он никогда и не был обделен любовью и лаской, но то, что рос в неполной семье и всегда хотел иметь брата или сестру, как другие, а главное, отца, все же наложило свой отпечаток. И вот у него есть брат, а у того не все ладится, и он нуждается в помощи. Хм... Король нуждается в помощи простого наемника.

- О чем вы думаете? У вас так потешно меняется выражение лица. И не надо искать моего конвоира, вы сами сказали, что я вольна в пределах лагеря.
 - Я и не собирался...
 - Собирались.
 - Хорошо, собирался. Чем обязан?
 - Просто хотела поговорить с вами. Эти господа изрядно утомили меня за день.
 - Не думаю, что смогу развлечь вас лучше.
 - Станный вы.
 - Обычный наемник.
 - Обычный наемник не стал бы отказываться от возможности заполучить добычу куда меньшего объема и большей стоимости, чем все, что у вас во вьюках. Он не стал бы слишком заботиться о сохранении жизни своим людям и рисковать, отправляясь на переговоры с мастером. Он нипочем не обменял бы жизни своих людей на жизнь баронета, за которого можно было бы получить богатый выкуп, ведь мастер все равно помог бы ему. Из плена можно выкупить, с того же света не возвращаются.
 - Но вас-то я не отпустил, хотя мастер и настаивал.
 - Почему же тогда не настояли на том, чтобы оставить и баронета?
 - Переговоры могли затянуться, а время терять было никак нельзя.
 - А вы еще спрашиваете, что в вас странного. Знаете, судя по всему, ваши люди и без того любили вас, но теперь они готовы пойти за вами даже в ад.
 - Как и я за ними.
 - Барон Авене, - словно смакуя, произнесла баронесса нараспев. - Господи, опять это выражение. Да не болтали ваши люди лишнего, успокойтесь. Это господа рыцари.
- Ага. Ну да. Он же им представился, когда их освободили. Правила приличия требовали. Не сказать, что они не удивились, но объяснения их вполне удовлетворили. Правда, гибели короля они откровенно огорчились. Не преминули и высказаться по поводу нового короля. Хм... Оказывается, братец - мужеложец, во всяком случае, рыцари заявили об этом со всей уверенностью. Они были просто убеждены, что такой монарх может привести королевство только к поражению. Ну-ну. Мужеложец он или нет, но там, на поле боя, он доказал, чего стоит на самом деле. Конечно, рыцарей там не было, в это время они либо сражались в полном окружении, либо уже были пленены, но он-то все видел.
- А отчего вы так печетесь о моих людях и всякий раз бросаетесь на их защиту?
 - Не люблю, когда из-за меня страдают другие.
 - А как же ваши люди? Ведь это мы убили их там, в замке.
 - Вы несносны!

Девушка подскочила и в очередной раз покинула своего грубого собеседника, будучи вновь в отнюдь не приподнятом настроении. Не нравится? Ну так и нечего лезть с разговорами. Ты всего лишь пленница, за которую наемники намерены получить богатый выкуп. Но вот что-то заскребло в груди... Да пошло оно все!

Нет, ну что она к нему лезет? Ведь все верно. Это он и его люди убили ее воинов. Вот именно – воинов. Идет война, и он сражается. Что с того, что он наемник и отработывает свое жалованье? Он же не разбойник. Вот если бы сейчас не было войны... Но война идет, и он состоит на службе у короля. Что же касается всего остального... Ну и что тут особенного? Мужчины воюют, убивают друг друга, берут трофеи и преподносят своим дамам драгоценности, которые не купили, а захватили. Так устроен мир, и она не собирается ничего менять, она просто принимает его как данность, вот и все.

Ладно. А зачем ей этот мужлан? Грубиян, каких свет не видывал. То ли дело хотя бы вот эти господа. И родовиты, и богаты, и обходительны, и куда красивее его... Хм... это вряд ли. Нет, они вполне красивы, но этот... Необузданный зверь. Есть в нем что-то дикое и притягательное. О боже, о чем это она?!

Интересно, а почему именно Авене? Безусловно, то, что король был при смерти, когда подписывал указ, объясняет многое. Но почему именно Авене? Почему один из титулов несвижских королей? Ведь не сам же он писал указ. Это на смертном-то одре. Конечно же секретарь, короли вообще редко пишут сами. И что, тот не мог подсказать? Хотя про короля Берарда поговаривали, что он был тот еще правитель. Взять хотя бы ту историю с любовницей, которая во многом и послужила причиной того, что Бесфан решил остаться в стороне от этой войны.

А может, она слишком много думает о нем лишь потому, что не привыкла, чтобы с ней обходились подобным образом? Вокруг нее всегда вились молодые люди, просто переполненные обхождением и приличными манерами. А этот... Ну да. Все именно так и есть. Он просто интересен ей, потому что необычен! Он как диковинный зверь, посаженный на цепь и представленный на обозрение публике.

Помнится, у короля Джефа был такой, его продали горцы за огромные деньги. Они утверждали, будто это одна из тех тварей, которые всякий раз стараются перейти через перевал. Мать убили, а вот детеныша сумели изловить. Ну да, в самом деле. Теперь понятно, отчего она всякий раз старается найти его взглядом, когда он едет впереди, приблизиться к нему и поговорить. Ведь это так необычно и волнительно – пообщаться с диким зверем.

- Леди Адель, этот мужлан вам нагрубил?

- С чего вы взяли, сэр Артур?

- Не старайтесь нас обмануть. Мы ведь не слепые. - Боже, и этот туда же!

- Я благодарен барону за освобождение, но всему есть предел.

Ого, похоже, у барона появилось сразу трое ненавистников. Интересно, а что вы будете делать дальше? Нет, мужчины все же невозможны. Такое впечатление, что они на каком-нибудь балу. Так и есть – дружно направились к костру, возле которого расположился барон Авене, а ведь она ни словом, ни жестом... Хм... любопытно, он будет сражаться сразу с троими или все же по очереди? Сердце отчего-то затрепетало, наполнившись сладкой истомой.

- Сэр, вы непочтительны с леди, грубы и невоспитанны. Я намерен преподать вам урок хорошего тона. Примите мою перчатку. - Сэр Артур, приняв картинную позу, с наименьшей бравадой бросил латную перчатку к ногам ошалевшего от подобного обращения Георга.

- Полностью присоединяюсь к сэру Артуру. - Сэр Гарри ничуть не уступает своему товарищу по несчастью.

- И я! - Ну, сэр Рид всегда был менее многословен, чем эти господа.

Адель даже задержала дыхание, заморожено наблюдая за представшим ее взору действием. Барон Авене сначала растерялся, потом на его лице появилось недоумение, наконец, гнев... И вдруг все прошло. Вот он опять спокоен, на его губах - ироничная улыбка. Боже, как она ему идет! Вот он нашел ее взгляд... Ну же, где тот необузданный зверь, которого она в нем сумела рассмотреть?! Где та дикая ярость?! Покажи, чего стоит настоящий мужчина!

- Мои, - сказал Георг ровным голосом.

В лагере сразу настала такая тишина, что слышно было лишь потрескивание костров.

- Что - ваши? - недоуменно спросил сэр Артур, неформальный лидер этой тройки. - Вы приносите свои извинения?

- Нет, господа. Я хочу сказать, что вы бросаете мне под ноги не свои перчатки, а мои. Кои останутся таковыми до тех пор, пока вы не выкупите свои доспехи, оружие и лошадей. Впрочем, я могу и не пожелать позволить вам их выкупить.

- Какая разница? Это просто символ вызова, и вы прекрасно это поняли.

- Не стоит кипеть, как котел, сэр Артур. Разумеется, я все понял. Просто хотел вам напомнить, что леди Адель, как и эти доспехи, принадлежит мне. Она моя пленница, и я волен поступать с ней так, как мне вздумается. Брук!

- Я, сэр!

- Свяжи пленницу, чтобы не вздумала бежать. И заткни рот кляпом. Ее голос подобен боевому гону, не хватало еще, чтобы она привлекла внимание вражеского отряда.

- Слушаюсь, сэр!

Что?! Да как он смеет! Баронесса Гринель едва сумела удержать себя в руках. Этот хам и мужлан не дождется! Она не станет перед ним унижаться, вымаливая поблажки! И не доставит удовольствия, как тогда ночью, когда ее пленили. Нет, сэр, вы не увидите сладостной для вас картины и ваши уши не услышат столь желанного крика возмущения. С гордо поднятой головой Адель молча позволила связать себе руки, затем - пристроить поудобнее на расстеленном плаще, дала связать ноги и, наконец, водворить на уста кляп.

Брук старался быть как можно более обходительным. Но он ведь простой, грубый и неотесанный воин, поэтому, несмотря на его старания, пару раз ей было по-настоящему больно. Однако она и виду не подала, только не сводила с барона Авене пристального взгляда, полного ненависти. И вдруг эта улыбка... Губы едва дрогнули, но она сумела рассмотреть. Он сожалеет о случившемся? Нет, он явно сожалеет. Боже, как же этому волколаку в человеческом обличье идет улыбка. Гад! Она его не простит!

- Итак, господа. С баронессой Гринель мы все выяснили. Теперь что касается вашего вызова. Более абсурдной причины и придумать невозможно, но вызов есть вызов. Я его принимаю, но драться буду лишь по окончании войны. Да, господа, если вы еще не забыли, идет война, и наш долг - не драться друг с другом, а сражаться с врагами королевства.

- Вы трус и подлец!

- Сэр Артур, поберегите свой пыл для памфийцев. Пусть я трус, но не преступник, каковыми, по сути, являетесь вы трое. Так уж сложилось, что вы оказались в моем отряде и под моей командой, а у нас царит железная дисциплина и любое неповиновение карается смертью. Так что найдете меня после войны в моем баронстве Авене, в графстве Гиннегау.

- Надеетесь, что мы погибнем в войне! - не унимался сэр Артур.

- Спасая ваши жизни, господа. Еще один факт неповиновения или попытка поднять смуту - и я буду вынужден быть менее терпимым. Мы на войне, на вражеской территории, и я не намерен подвергать своих людей опасности из-за троих несдержанных дворян. У вас есть время до утра. Либо вы сражаетесь вместе со мной, либо можете катиться на все четыре стороны. Все. Всем отдыхать.

Кто бы сомневался! Этот разбойник опять сумел все обставить самым лучшим образом. Разумеется, для себя. Вряд ли барон, владелец небольшого замка, даже не окруженного рвом, сможет противостоять наемникам, даже вздумай те атаковать днем. Гарнизон этого неприметного замка состоял лишь из десятка воинов. Этого достаточно, чтобы разогнать шайку разбойников, но явно мало, чтобы противостоять ночной атаке сотни обученных бойцов. Правда, богатыми трофеями на этот раз наемники похвастать не могли.

Вот странное дело. Каждый раз, когда Адель начинала думать об этом человеке, в ее груди закипала злость, ей хотелось плевать и изрыгать проклятия. Разумеется, она сдерживалась, хотя, видит бог, сделать это нелегко. Казалось бы, не думай о нем. Придет время - он получит за тебя выкуп, и ты забудешь о его существовании, так зачем изводить себя и каждый раз накручивать? Нет, не забудет. Еще чего! Она отомстит! Да, именно так. Он пожалеет о своем поведении.

После удачного штурма барон Авене отправил два десятка к месту сбора, о котором было известно лишь его людям. В этот небольшой отряд вошли и все раненые. Им предписывалось доставить в безопасное место караван с добычей, в том числе и пленницу. Кстати, караван несколько разросся, увеличившись еще на десяток вьючных лошадей. Купец, попавшийся на пути наемников, наверняка проклял тот день, когда решил взяться за торговлю. Впрочем, вполне возможно и скорее всего, здесь были далеко не все его средства. Но все равно - убытки очень внушительные, вспомнить хотя бы количество тканей, что перекочевали во вьюки наемников.

Барон справедливо рассудил, что о прибыли теперь можно позабыть, так как большая казна подразумевает под собой крепкий замок. Взятие одного такого укрепления могло обернуться слишком большими потерями, что, соответственно, сразу же сделает невозможным исполнение воли короля. Поэтому он решил довольствоваться мелкими замками и торговыми трактами.

В пути они провели неделю, двигаясь довольно споро, если учесть, что делать это приходилось по ночам. Несмотря на отсутствие рыцарей (все трое предпочли остаться с бароном и сражаться, перешагнув через свое высокомерие), Адель и не думала скучать. Впрочем,

чопорное и навязчивое поведение ее нечаянных воздыхателей навевало на нее скуку, наемники – совсем иное. Да, они грубоваты, хотя и заметно, что всячески стараются за собой следить, но отчего-то общение с ними ей было куда приятнее и интереснее.

Брук, ее неизменный конвоир, как выяснилось, был балагуром и заводилой отряда. Ему нередко доставалось за его длинный язык и неумную натуру. Этот наемник как будто подвизался скрашивать ее плен: шутки и рассказы сыпались из него как из рога изобилия. И хотя он всячески старался сдерживаться, это у него получалось плохо, а потому все повествуемое им было щедро сдобрено крепкими шутками на грани приличий, порой слегка перешагивающих через них. Правда, справедливости ради нужно заметить, что Брук больше крутился вокруг Риммы, служанки баронессы, добровольно отправившейся в плен за своей госпожой.

Адель как-то не задумывалась над этим. Первую ночь ей и вовсе пришлось провести связанной, так что было не до служанки. (Кстати, Римму никто не связывал. Она, получается, сбежать не могла и поднять тревогу была неспособна. Грубый неотесанный болван!) Но, оказывается, девушке удалось без труда заполучить отдельную лошадь, на которую навьючили два плетеных короба с женскими платьями, бельем и прочими мелочами. Так что даже в походных условиях баронессе и ее служанке не грозило превратиться в замухрышек.

Когда Адель поинтересовалась у Риммы, как ей удалось этого добиться, та пожала плечами и заявила, что она ничего и не добивалась, просто подошла к господину барону и попросила. Тот без разговоров предоставил ей все требуемое, как и людей, которые притащили из дома упакованные ею короба.

Значит, господину барону вовсе не безразлично, как она выглядит. И что бы это значило? Да ничего не значит. Сэр Арчи, в доме которого ее принимали, тоже проявил заботу о плененных рыцарях. Они содержались в сухом и чистом помещении, кормили их тем же, чем питались хозяйева замка, им сохранили их одежду и даже предоставили смену белья, обстирывая и позволяя принимать ванну. Они могли гулять в саду и заниматься воинскими упражнениями с учебным оружием. Мало того, дай они слово, что не попытаются бежать и спокойно дождутся выкупа, то жили бы в доме на правах гостей, а не пленников. Нет никакого смысла измываться над пленным, если ты намерен получить выкуп. Точно так же поступал и барон Авене, стараясь создать максимум возможного комфорта.

Разумеется, так поступали со своими пленниками не все. Хватало и тех, кто содержал их в черном теле, но это все же скорее относилось к людям, между которыми существовала давняя вражда. Но в основном благородные держали себя в рамках, ведь может так стать, ты или твои близкие окажетесь в плену, тут ни в чем нельзя быть уверенным, а как известно – что посеешь, то и пожнешь.

Потаенным местом оказалась ферма, скрытая от посторонних глаз в глухом лесу. Здесь уже находилось несколько наемников. Четверо из них были ранены, но уверенно шли на поправку, а шестеро являлись обозниками отряда. Заправлял всем старший обозник, одноногий мужчина средних лет, с седой шевелюрой.

Адель оказалась безраздельной владелицей большой комнаты и смогла принять (о боже!) настоящую ванну. Пусть роль последней исполняла большая лохань, но зато наполненная горячей водой. С этим никак не могло соперничать купание в реке или ручье, чем ей приходилось обходиться во время недельного перехода. К тому же вода все еще была весьма холодной. Оставалось лишь удивляться, как она при всем при этом умудрилась не заболеть.

Потянулись дни вынужденного безделья и сидения в глухом лесу. Пару дней, с небольшими перерывами, лил дождь, что заставило баронессу исполнять роль затворницы. На третий выглянуло солнце, и вместе с этим поднялось ее настроение. Теперь можно пройтись, посидеть в тени деревьев, пообщаться с наемниками. Адель вовсе не смущало то обстоятельство, что эти люди ей не ровня. К сословным различиям она относилась вполне терпимо. Куда страшнее скука, с которой она и боролась доступными ей способами.

Умная и красивая женщина, скромная и с милым голоском, способна развязать язык практически любому мужчине, если только он не тупой, твердолобый вояка со свихнувшимися мозгами. Хм... А ведь он, оказывается, не такой. Наемники говорят о нем с нескрываемым восхищением.

- Да, строгий и жесткий, а иначе ведь с нами нельзя, - пожимая плечами, разглагольствовал Брук. - Если начнешь потакать, мы такое наворотим, мама не горюй. Но зато он за нас горой. Я уже три года с ним хожу, и за это время мы потеряли дай бог пару десятков, а сколько всего натворили - это просто жуть. Одних только замков взяли приступом около дюжины. А сколько народу покروшили! Нет, госпожа, вы не подумайте, сэр Георг никогда без дела простых людишек не бьет. Это я про воинов. Опять же, помнится, двоих наших он приказал повесить за то, что они после штурма решили поразвлечься со служанкой против ее воли.

- Сам казнил своих людей за насилие?

- Ну да. У нас ведь в отряде дисциплина почище, чем в загросских легионах. Сказано - не грабить и не насиловать, значит, так все и будет. Кто против, тем лучше не подписывать договор, потому как потом - либо ногами вперед, либо честно дослуживать оговоренный срок.

- И вы соглашаетесь на такое?

- Мы выбрали такую жизнь, госпожа. А то, что делает сэр Георг, позволяет нам продлить эту самую жизнь. К тому же не все так уж плохо. Мы ведь не все время в походе, отдых тоже бывает, а тогда уж равных нам нет. И монета в кошельке звенит, не в пример многим, и гуляем от души, и шлюхи нам рады. Гхм... Простите, госпожа.

- Брось, Брук. Можно подумать, я не высываю своего носа из замка и понятия не имею, что есть трактиры и все сопутствующее.

- Все одно. Что-то я это... Негоже так-то. Простите.

- А что, барон Авене женат?

- Дык откуда такое счастье-то? Он же еще недавно был простым наемником. Ну, не совсем простым, но все одно. Наемник и семья - это что-то невозможное.

- Ах да, я и забыла. И что, у него вообще никого нет?

- Как же, есть. Матушка у него имеется. Он в ней души не чает. Каждый год на день ангела к ней ездит, даже если в сотнях миль от нее. Ничто его не остановит.

- И скоро этот день?

- Уже скоро, госпожа.

- И что, даже несмотря на войну, отправится?

- Говорю же, его ничто не остановит.

- Счастлива мать, имеющая такого сына. А как ее зовут?

- Ох, что-то я совсем засиделся, делом нужно заняться. Простите, госпожа, пойду я.

Мило. Из Брука, к сожалению, не удалось вытянуть ничего: ни откуда барон родом, ни где проживает его матушка, ни даже ее имя. Оказывается, этот волколак в человеческом облике имеет чуткое сердце, способное беззаветно любить, пусть даже эта любовь относится к матери. Так что же вы за человек такой, сэра Георга барона Авене?

Хм... Кстати, напрасно Брук считает, что ничего не выдал. Так уж случилось, что в ближайшее время отмечается праздник только одной святой, остальные святые - мужчины. Значит, Аглая. Это ни о чем, конечно, не говорит толком. До дня Аглаи еще целая неделя. За этот срок всадник, да еще со сменными лошадьми, может покрыть изрядное расстояние. Впрочем, она и не старалась выведывать что-то специально, а действовала скорее из-за врожденного любопытства. По натуре Адель была далеко не глупой особой.

Сэр Георг появился на ферме уже на пятый день после прибытия их каравана. Люди были сильно измотаны, имелось множество раненых. Отряд потерял убитыми одиннадцать человек, что, как она уже знала, являлось весьма серьезной утратой для этого отряда наемников.

Прислушиваясь к разговорам воинов, она поняла, что сотня дважды попадала в серьезные переделки, лишь чудом и талантом командира сумев избежать полного разгрома, а то и уничтожения. Наемники недоумевали по поводу открывшейся на них охоты, барон же был доволен. Ему удалось выполнить волю короля и заставить памфийцев сильно всполошиться. Затея с походом в Памфию полностью себя оправдала. Слушая это, Адель только улыбалась как человек, которому известно то, что неведомо другим. Никакие действия наемников не вынудили бы короля настолько потерять над собой контроль, даже с учетом вспыльчивого характера Джефа. Хотя им, несомненно, удалось этого добиться. Вот только причина кроется в ином.

Не имея никакого желания подвергать парней излишней опасности, Георг решил отсидеться в глуши. И людям нужен отдых, и о раненых необходимо позаботиться. Тем более что цель рейда достигнута полностью - памфийцы как с цепи сорвались. Большие отряды рыскали по всему графству, разыскивая столь опостылевших наемников. Из лесного лагеря выходил лишь десяток спецназовцев, которые осуществляли разведку местности. Нельзя исключать возможность того, что противнику удастся выследить местоположение наемников.

Сама того не осознавая, Адель вела отсчет проходящим дням, с каждым разом мысленно сужая круг и вычисляя место, где бы могла находиться мать барона Авене. Она и сама не знала, зачем ей это нужно, да и нужно ли вообще.

С возвращением наемников сама собой развеялась и скука, на которую просто не осталось времени. Баронесса, как и ее служанка, подвизалась ухаживать за ранеными, хотя никто ее об этом не просил. Ее поведение было тем более удивительно, что она являлась пленницей этих людей. Именно их, а не лично барона Авене, так как каждый из них имел свою долю в предполагаемом выкупе за баронессу. Казалось бы, она должна их ненавидеть, но отчего-то не могла пройти мимо еще недавно полных сил, а сегодня страдающих мужчин. Странно это все.

Единственное, что доставляло неудобство, - это все продолжавшиеся ухаживания со стороны рыцарей. Они прошли через все стычки, не получив ни царапины, и откровенно сокрушались по этому поводу. Ведь будь иначе - и та, что занимала их мысли, проявляла бы о них заботу так

же, как сейчас заботилась о простых воинах.

Оказывается, за те несколько дней, что рыцари провели бок о бок с бароном, они сумели по достоинству оценить и его характер, и воинское умение, и способности командира. Барон правильно все рассчитал: удалив баронессу, он убил сразу двух зайцев – избавился от камня преткновения и сумел предстать перед рыцарями в ином, выгодном для себя свете. Другими они не стали, но зато господа нашли в себе мужество признать, что барон чего-то стоит и как минимум достоин уважения. Правда, о том, чтобы сделать окончательный шаг к примирению, они не думали. А может, рыцарю просто не подобает идти на попятную. Как бы то ни было, между господами и сотником наметилось перемирие, чему Адель, к своему удивлению, была рада.

Имелось еще кое-что, радовавшее ее. Барон стал более... нет, не почтителен, а терпим, что ли, к своей пленнице. Она больше не слышала от него грубостей, он вообще старался избегать ее общества. Как надеялась Адель, это вызвано опасением в очередной раз не сдержаться. Она не тешила себя иллюзиями. Перемена его поведения вызвана вовсе не изменением его отношения к ней лично. Это скорее необходимость: не стоит провоцировать рыцарей, продолжавших изображать перед ней из себя павлинов. А еще он по-настоящему заботился о своих людях и не мог не оценить заботу Адели о них.

- Баронесса!

- Слушаю вас, сэр! – вытирая руки чистой тряпицей и обратив на него взор своих огромных глаз, тут же откликнулась Адель.

- Я хотел узнать, всего ли у вас в достатке.

- Благодарю. Бинтов, мазей и бальзамов вполне хватает. Ваш Сэм – просто находка. Такое впечатление, что у него имеется все, а чего нет, то он достанет очень быстро.

- Хм... Я имел в виду не это. Всего ли в достатке у вас лично? Может, есть какие пожелания?

- Хочу домой.

- Кхм... Понимаете... Дело в том... Невозможно.

- Боже, я вовсе не имела в виду, чтобы вы отпустили меня просто так. Но ведь вы даже не поинтересовались, куда направить гонца, чтобы начать переговоры по выкупу.

- Сожалею, но и это невозможно. Сейчас совсем неподходящее время. Мы находимся на территории, занятой королем Джефом. Вряд ли решение вопроса о выкупе было бы мудрым. Поэтому я и интересуюсь, можно ли что-то сделать, чтобы скрасить ваш быт.

- Благодарю. Я не такая уж неженка – того, что есть, вполне достаточно.

- Вот и хорошо. Да... Но если что пожелаете... Просто я направляюсь в город, поэтому...

- В Хемрод? В столицу графства?

- Ну да. Здесь в округе только один город. Мне нужно собрать кое-какие сведения. Так вот, если есть пожелания, то я мог бы приобрести...

- Если не составит труда, я хотела бы душистое мыло.

- Ничуть не трудно, - тут же встрепенулся барон.

- Благодарю вас.

Хм... Значит, Хемрод. Вот где проживает ваша матушка, барон Авене. Очень интересно. А вы, получается, ее очень любите. Ситуация становится все интересней. Ой, какой он забавный! Подумать только. Стоял тут, мялся, как прыщавый юнец, едва открывший для себя, что девочки сильно отличаются от мальчиков. На его фоне трое рыцарей смотрелись куда более решительными.

Несмотря на свой относительно юный возраст, а ей едва минуло девятнадцать, Адель уже успела вкусить сладость власти над мужчинами. Она даже могла считаться завзятой сердцеедкой. Но и только. Баронесса позволяла за собой ухаживать, вздыхать по себе, соперничать рыцарям между собой, но даже не думала вселять в кого-то серьезную надежду.

В замке барона Гело она оказалась по настоятельному приглашению его супруги. Так уж случилось, что ее поездка совпала с началом войны. Вернее, это она подгадала таким образом, чтобы эти события совпали. Многие бароны старались заполучить ее в невестки или жены, уж больно завидная партия. Адели стоило больших трудов умудриться обходить расставляемые ловушки.

Барон Гело имел большой вес в Памфии, а потому проигнорировать настойчивые просьбы баронессы погостить у них Адель никак не могла. Она прекрасно понимала, что ее увлекают в очередную ловушку, чтобы поближе познакомиться с молодым баронетом, отсюда подобрано и время поездки. Однако ее расчет оказался неверным.

Едва прознав о том, что баронесса Гринель в гостях, барон Гело тут же направил своего сына домой под благовидным предлогом. После памятного сражения у него в плену оказались три рыцаря: один из них был пленен его сыном, двух других барон выкупил у бедных рыцарей, рассчитывая впоследствии получить вдвое против уплаченного. Вот баронет и отправился в путь, сопровождая законную добычу своего отца в его родовой замок.

Баронет оказался весьма настойчивым и напористым молодым человеком, а потому ему удалось настоять на ночной прогулке в парке. Не сказать, что Адель не смогла устоять перед его обаянием, но баронет, в отличие от других претендентов, сумел-таки вызвать кое-какую симпатию с ее стороны. В конце концов, оставаться в старых девах она не собиралась, в безграничную любовь, воспеваемую в рыцарских романах, не верила и была весьма практична. Барон Гело имел вес и влияние, которые потом перейдут его сыну. Батюшка не станет противиться подобному браку. Наоборот, он будет пребывать в уверенности, что устроил дочери весьма достойную партию.

Двое суток, пока отсутствовал Георг, Адели приходилось стойчески выдерживать все усиливающиеся атаки со стороны своих ухажеров. С каждым разом они становились все настойчивее и навязчивее. Наконец сэр Артур предложил ей руку и сердце. Он заявил, что вопрос с выкупом полностью берет на себя и если она пожелает, то уже через несколько дней его родовой замок распахнет перед ней ворота. Да уж, ни много ни мало - стать супругой виконта с перспективой на титул графини.

Хотя не сказать, что это самое выгодное предложение, сделанное ей. Баронесса не особо верила в любовные бредни, но все равно не могла перешагнуть через себя и связать судьбу с тем, кто ей не очень симпатичен. К виконту она симпатии не испытывала. Он обладает привлекательной внешностью, обходителен, не трусливого десятка, но все же не то. На взгляд

Адели, он уступает даже баронету Гело, не то что...

Нет, она не отказала. Еще чего не хватало – накалять страсти, когда ее собственное положение весьма шатко. Она обещала подумать над предложением виконта, чем тут же вызвала два следующих предложения. Господи, да они что, сговорились?! Ну какого ответа они от нее ждут? Просто бред какой-то!

Вернувшийся из своей отлучки Георг обнаружил, что ситуация резко изменилась. Баронесса ничего ему не рассказала. Она с благодарностью приняла привезенные гостинцы и удалилась к себе. Как показалось барону, девушка чем-то сильно расстроена. Но вот чем? Он всячески пытался понять, что он на этот раз сделал не так, и не находил ответа. О кипящих в лагере страстях ему поведал неизменный Дэн. Он в таких красках расписал происходившее, что у Георга мелькнула мысль: старшему десятнику впору рыцарские романы писать, а не мечом махать на поле боя.

- Этот виконт, чтоб ему трижды опрокинуться, ходит среди парней и втолковывает всем, что готов перекупить у нас пленницу. Причем не скупится, готов уплатить тысячу золотых. Представляешь?

Они беседовали наедине, поэтому по заведенной традиции были на «ты». Этого не смогло изменить и свалившееся на Георга баронство.

Ничего удивительного в рассказанном не было. Вполне обычная практика. Многие проделывают подобное, выкупая пленников, пользуясь самыми различными ситуациями. К примеру, какой-нибудь бедный рыцарь сумел захватить именитого пленника. Казалось бы, вот она, удача. Но ты поди еще получи за него достойную плату. Какая разница, что он дал тебе слово, что не станет пытаться бежать? Он ведь не может поручиться за своих родных, которые вместо того, чтобы готовить выкуп, вполне могут снарядить отряд и вызволить пленника из неволи. Вот и получается: мало, чтобы тебе повезло и ты сумел заполучить такой богатый приз, попробуй еще сбереги его. Так что случаи, когда обедневшие бароны или простые рыцари продавали своих пленников за меньшую, но зато гарантированную сумму, не так редки. К тому же плата следовала гораздо быстрее, ведь переговоры о выкупе могли продлиться и несколько месяцев.

- Тысяча золотых – это хорошая цена. Я бы сказал – очень, – мрачным тоном произнес Георг.

- Ты что, Георг? Неужели подумал, что парни пойдут против тебя? Ты по-прежнему наш командир, и решение принимать тебе.

- Она наша пленница. Каждый из парней имеет право на часть выкупа за нее.

- Хм... Тут, видишь ли, вот какое дело... Нет, виконту никто грубить не стал, все чинно. Но отдавать ее никому и в голову не приходит. Тут это... Ну, я с парнями поговорил... Короче, никто не будет возражать, если ты заберешь ее себе.

- Не понял.

- Ну что ты не понял? Если ты там жениться решишь...

- Что?!

- Ну или отпустить ее с богом, – тут же открестился Дэн. – То они и ухом не поведут.

- А если получу выкуп?
- Тогда они, конечно, от своей доли не откажутся. Но отдавать ее этому виконту или кому другому из них нипочем не хотят. Не нравятся они им.
- А почему это они отпустить ее очень даже не против?
- Нравится она им. И мне нравится. Хорошая девка. Правильная. А главное... Мы... А она за нашими ранеными ходит, ничуть не чурается. И ведь не просил никто.
- Нравится, не нравится... Дэн, меня только два дня не было!
- Ну что поделать. Жизнь - она на месте не стоит. А золото... Всего нам не получить, а на нужное всегда найдем.

Георг сидел за столом и бездумно пялился на огонек свечи. Сомнительно, чтобы он в этот момент осознавал, что? именно перед его взором. Он словно отрешился от этого мира и пребывал в прострации. Спроси кто, чем вызвано подобное состояние, и он не нашелся бы, что ответить. Причина охватившей его хандры ему была неизвестна. Вернее, он понимал, из-за чего это происходит, но никак не мог осознать, отчего это с ним случилось.

Дверь отворилась с привычным уже скрипом, и в комнату вошел один из наемников. Георг вздрогнул и поднял на него взгляд. Однако вошедший хранил молчание. Потом сделал шаг в сторону, и за ним в помещение вошел еще один посетитель. При виде него барон Авене вскочил, и в его руке тут же оказался клинок. А как прикажете реагировать, когда среди ночи к вам входит человек, закутанный до пят в плащ, да еще и с надвинутым на лицо капюшоном, из-под которого не разглядеть лица? К тому же из памяти еще не истерся случай, когда в замке Гело его людей пачками зачаровывали мастер и его ученик.

- Барон, не наделайте глупостей, - неожиданно раздался из-под капюшона знакомый голос.
- Мастер Волан?!
- Да, мой мальчик. Можешь идти обратно на пост, ты меня не видел, забудь. - Это уже наемнику. - Ну здравствуй, Георг. Или правильно будет барон Авене?
- Вам-то чего извращаться?
- Это радует. Как у тебя с вином?
- Есть пара бутылок лонского.
- Не совсем то, чего мне хотелось бы, но подойдет, - откидывая капюшон и присаживаясь напротив, произнес поздний гость.
- Как вы здесь оказались?
- Война привела. Ну и по просьбе Жерара. Раз уж я все равно собирался в эти края, он не смог удержаться, чтобы не отправить тебе весточку.
- Война? Но ведь вы говорили, что мастера стараются не вмешиваться в войны.
- Я говорил о мастерах в общем. Что же касается темных, каковым я являюсь, то они не

чураются ничего для достижения своих целей. Для заключительного этапа моих исследований мне понадобилась война.

- Решили приобрести навыки воина?

- Боже упаси. Терять время на это... Нет. Чтобы постоять за себя, мне достаточно того, что я уже знаю. Пару лет назад по моей просьбе Жерар отловил волколака, обеспечив меня некоторой работой. Так вот, основное закончено. Осталось поставить точку, и работу можно считать завершённой. Но если подобное проделать в мирное время, это будет сопряжено с некоторыми трудностями, а вот в мутной водиче военного положения очень даже можно попробовать, с наименьшим риском.

- Ясно. Вернее, ничего не ясно.

- Ничего, еще поймешь.

- Какие новости на севере?

- Просто замечательные. Относительно, конечно. Наш мужеложец доказал загросцам, что чего-то да стоит.

- Наш?

- Ну коли уж я на стороне Жерара, а он на стороне короля Несвижа... Так вот, генерал Тито никак не ожидал, что ему надерут задницу.

- Тито? Но почему Тито? И кто это?

- Его назначил совет Загроса. Там решили, что Варен становится слишком популярным, а Несвиж им не казался серьезным противником. Ошибочное мнение. Собранная Загросом армия наголову разбита, множество пленных и убитых. Одним словом, как говорят загросцы, - полный триумф. С Загросом уже подписан мир. В настоящий момент Гийом спешно приводит свою армию в порядок и начинает переброску войск на юг, чтобы разобраться с памфийцами. Но ему, как всегда, недостает времени.

- Это я понимаю. Здесь новости тоже неутешительные.

- Знаю. Карсон и Кане пали. Падение Кубеля - вопрос нескольких дней. А значит, Гийому никак не поспеть к тому моменту, когда графство Хемрод полностью окажется во власти Джефа. Но ты вроде решил эту проблему и держишь памфийского короля за причинное место.

- О чем это вы?

- Я о твоём трофее, который буквально выбил короля Джефа из колеи.

- Ничего не понимаю. О каком трофее вы говорите?

- Разумеется, о баронессе Гринель.

- При чем тут баронесса Гринель?

- Ты хочешь сказать, тот поход в Памфию был предпринят не специально для того, чтобы захватить ее?

- Нет. Мне нужна была добыча, чтобы после войны начать обустраивать баронство. Замок Гело вполне подходил для этого.
- То есть ты пошел на захват одной из твердынь севера Памфии лишь ради того, чтобы поправить свои финансы?
- Да.
- Ты не собирался захватывать баронессу Гринель?
- Нет. Я, конечно, рассчитывал в случае удачи захватить пленников, но штурмовать дом, где находится мастер, не рискнул. Людей можно было положить изрядно.
- А баронесса?
- Да сдалась она вам! Она вообще случайно попала к нам в руки.
- Пустить стрелу наугад и попасть в яблочко. Это на тебя похоже. Ты действительно не знаешь? Нет, он не знает. Он точно не знает.
- Да чего я не знаю?!
- Леди Адель, баронесса Гринель, - дочь короля Джефа. Разумеется, незаконнорожденная. Он, в отличие от Берарда, не признал отцовство, но она его дочь, в которой он души не чает, как и кронпринц.
- Она...
- Ну да.
- Так вот отчего памфийцы как с цепи сорвались!
- Ага. Жерар просил передать, чтобы ты немедленно переправил ее в графство Гиннегау. Это заставит короля несколько пересмотреть свои планы, а Гийому позволит успеть подвести армию.
- Ее здесь нет.
- Кого нет?
- Леди Адели здесь нет.
- И куда ты ее отправил?
- В Хемрод.
- Там же... Ох, парень, повезло тебе, что сюда не заявился лично барон Гатине. Клянусь, он бы тебя высек, несмотря ни на что. Поверь, его никогда не останавливала даже королевская кровь, когда нужно кому-то вправить мозги. Но тебе повезло, потому что вместо него тут я.
- А вам плевать?
- Именно. Слушай, а это лонское очень даже ничего. Не знаешь, какого года урожай?

- Что? Нет, не знаю.

- Разрази меня гром, Георг. Ты влюбился. Не отнекивайся. Как мальчишка. Уж я-то знаю в этом толк.

- Ну и что?

- Да нет, ничего. Замечательно. А она ответила взаимностью? Все, молчи, сам знаю. Попал ты, парень.

- Да я в общем-то ни на что не надеялся. Я простой наемник, получивший титул в награду за храбрость, а она... Хм... Получается, птица еще более высокого полета.

- Вообще-то...

- Ну и кто об этом знает?

- А хочется, чтобы узнали?

- Нет. Пусть идет как идет. За прошедшее время я уже привык думать о себе как об опоре брата. Вредить ему, даже поневоле, не хочу и не буду. На мне долг крови, даже если об этом знают лишь трое.

- Жерар будет тобой гордиться.

- А вы? - Георг помимо воли грустно улыбнулся и взглянул Волану в глаза.

- Прости, но я уже говорил, для меня Несвиж - ничто. Я дорожу только Жераром. Но если хочешь знать мнение стороннего, то я тебя одобряю. У человека должна быть большая цель. Для меня это искусство, для Жерара - Несвиж, для тебя - частично обретенная семья.

- Спасибо. Теперь бы еще придумать, как сдержать памфийцев.

- Ну, здесь, возможно, я смогу как-то помочь. Не зря же я сюда прибыл.

Дверь опять скрипнула, и в проеме показался Брук. Ни для кого не было секретом, что этот балагур и грубиян запал на служанку баронессы. Крепко запал, так что спать не мог, проводя ночи в общении со своей избранницей. Он уже получил согласие баронессы на брак, как и обещание Георга сразу после окончания кампании расторгнуть договор по обоюдному согласию. Кто бы мог подумать!

- Сэр, все исполнено. Леди Адель доставлена в Хемрод.

- Без происшествий?

- Все сделали в лучшем виде.

- Вот и ладно. Отдыхай.

- Слушаюсь, сэр.

- Да, Брук... Передай десятнику: я снимаю с тебя взыскание.

- Да, сэр.

Ага. На лице сразу же – облегчение. Ничего удивительного, десять миль в полном снаряжении – это не горшочек с медом умять. Может, ну его? Расторгнуть договор прямо сейчас. Кто знает, как оно все обернется, не хватало еще... Нет. Сейчас на это не пойдет и сам Брук. Они ведь сражаются не только за золото и уж точно не за Несвиж, они сражаются друг за друга, и оставить товарищей в такой ситуации он не сможет.

– Нет, все же любовь – это тяжелейшая форма заболевания. – Сделав изрядный глоток вина, Волан с видом человека, знающего цену своим словам, уставился на Георга.

– Ну так и занялись бы этим недугом. Вы ведь любите разные загадки, да посложнее.

– Я еще не сошел с ума – взваливать на себя неразрешимое. Нет, был один мастер, который захотел вывести формулу любви, вот только не ту цель в жизни он выбрал.

– Адель! Милая моя баронесса! Как я рад видеть вас в добром здравии. – Джеф Первый церемонно припал к ручке баронессы Гринель.

Со стороны могло показаться, что король проявляет дань уважения по отношению к женщине из благородного сословия, но Адель почувствовала, как подрагивает его рука, как вздрогнули губы, коснувшиеся ее запястья. Он по-настоящему волновался за нее. Нет, не так. Он боялся за судьбу своей дочери, он был вне себя от ярости. Все так, вот только назвать ее дочерью и проявить отцовские чувства король не мог себе позволить даже в узком кругу или наедине. И это при том, что он бросил армию и примчался в Хемрод, едва до него дошла весть о том, что она находится здесь.

Но он не навестил Адель в гостинице, где остановилась баронесса. Нет. Подобное недостойно короля и никак не отвечает интересам короны. Сейчас он находился в ратуше, прибыв якобы по делам, куда и вызвал ее. И снова она была не первой, кого принял король. Ей даже пришлось какое-то время обождать в приемной, пока его величество принимал членов городского совета.

Кстати, первым, кто выразил свои поздравления по случаю избавления от плена, был барон Клод. Он же задал кое-какие вопросы. Оказывается, им уже известно, кто именно командует отрядом, доставившим столько неприятностей памфийской армии. Слова Адели только подтвердили этот факт.

– Благодарю, ваше величество, все просто замечательно, – сделав учтивый поклон, ответила баронесса.

– Это радует. Я приношу вам свои извинения за то, что вы оказались в такой незавидной ситуации, но клянусь, обидчик поплатится за свое деяние.

– Но со мной не произошло ничего страшного. Мало того, обо мне проявляли заботу и предоставили максимально комфортные условия, какие только возможны в походных условиях. Кроме того, меня сопроводили в Хемрод, не требуя какого-либо выкупа.

– Это учтут, когда будут судить этого негодяя.

– Но он рыцарь и барон, воин, состоящий на службе короля Несвижа.

– Высочка и негодяй. Не стоит больше о нем вспоминать. Очень рад, что с вами все в порядке. Кстати, завтра в столицу отбывает один отряд, так что, я думаю, они смогут взять о вас заботу и препроводить домой. Барон Клод, это не вызовет сложностей?

«Проклятый лицемер! Ну почему ты не можешь обратиться ко мне запросто? Почему при всем трепетном отношении ко мне ты должен прятаться за этой маской, даже когда мы одни? К чему эта игра, если все вокруг все знают? Про барона вообще лучше не вспоминать, уж ему-то известно такое, о чем иные и не догадываются. Почему не сказать, что это эскорт, который отправится не по каким-то там делам, а будет сопровождать именно меня?!» Адель злилась на этого человека и в то же время любила его. Господи, как же сложна жизнь!

- Никаких трудностей, ваше величество, – тут же заверил короля барон.

- Баронесса подтвердила личность разбойника?

- Ваше величество, он не разбойник, – попыталась восстановить справедливость Адель.

- Да, ваше величество, – все так же бесстрастно произнес главный королевский шпион. – Это барон Авене, произведенный в рыцарское звание и получивший титул по последнему указу короля Берарда.

- Вот и хорошо. Баронесса, больше не смею вас задерживать.

- Ваше величество, я весьма признательна за то, что вы проявляете такую заботу, но, к сожалению, вынуждена отказаться от вашего предложения. Хемрод – замечательный город, и я хотела бы задержаться здесь ненадолго.

- Не думаю, что это правильное решение, баронесса, – построжавшим голосом произнес король.

- Вы приказываете мне уехать?

- Нет, я не приказываю. Но думаю, что на территории Памфии вы будете в большей безопасности.

- А разве Хемрод – не часть Памфии?

- Баронесса!

- Ваше величество, коль скоро вы мне не приказываете, то я все же хотела бы задержаться в городе. Новые впечатления – это всегда так увлекательно. С вашего позволения, ваше величество.

- Да. Вы можете идти. Барон Клод! – Когда дверь за девушкой закрылась, король обратил взор на своего поверенного.

- Я обо всем позабочусь, ваше величество.

- Хорошо. Тебе удалось выяснить еще что-нибудь об этом наемнике?

- Пока не все, но уверяю вас, уже совсем скоро я смогу представить его вам. Живого или мертвого.

- Живого, барон. Только живого.

- Слушаюсь, ваше величество.

Сразу покинуть ратушу у Адели не получилось. Едва она вышла из комнаты, занятой королем,

как к ней подошел один из рыцарей и со всей учтивостью попросил проследовать за ним. Она прекрасно знала этого молодого человека, поэтому пошла следом без капли сомнений. Путь предстоял недолгий. Вскоре она оказалась у двери, на которую любезно указал рыцарь. Сам он встал рядом с видом человека, готового преградить путь любому, кто пожелает пройти следом за ней.

- Адель, сестренка!

Едва войдя в полутемное, из-за зашторенных портьер, помещение, она тут же оказалась в крепких и таких родных объятиях. Кронпринц Джон, в отличие от их отца, не стеснялся проявлять свою любовь по отношению к сестре. Правда, только наедине. Но и на людях он вел себя с ней настолько любезно, что каждому было понятно: эта девушка ему безмерно дорога.

Их дружба и родственные узы имели глубокие корни. Будучи старше на несколько лет, Джон всегда опекал младшую сестру, хотя она и была результатом внебрачной связи короля и замковой служанки. Никто и никогда не смел обижать маленькую Адель, если поблизости оказывался малолетний принц, так как он всегда наказывал обидчиков с детской непосредственностью и пылом. Многие дети придворных щеголяли синяками, поставленными дланью кронпринца.

Разумеется, подобное поведение не могло найти одобрения со стороны короля, и принца Джона нередко наказывали за это. Но мальчик упорно проявлял характер, не желая мириться с тем, что ему надлежит игнорировать сестру. Как и любой ребенок, он мечтал о братьях и сестрах, однако, к сожалению, рос один. Из всех детей короля выжил лишь Джон, королева же теперь была бесплодной. Однако отцу все же удалось добиться того, что вскоре после появления при дворе Адели мальчик стал более сдержанным, во всяком случае на людях. Шли годы, и дети все больше сближались. Эта маленькая бестия смогла проложить дорогу и к сердцу самого короля, хотя он по-прежнему проявлял некоторое отчуждение. Удивительное дело, но даже королева относилась к незаконнорожденной с долей ласки. Она не ненавидела ее и не старалась всякий раз унижить или оттолкнуть, хотя имела на это право.

Вообще появление Адели на свет случилось только из-за недогляда самого короля. Ее мать, хоть и простолюдинка, была очень привлекательной. Однажды, будучи в возбужденном состоянии, король просто завалил ее в постель, не в состоянии совладать с собой при виде прибирающейся в его спальне девушки. Потом он просто забыл о данном происшествии. Служанку удалили со двора, когда скрывать ее положение стало уже невозможно. О том, кто является отцом будущего ребенка, ее не спрашивали, а она предпочитала помалкивать, боясь навлечь на себя гнев. Знай Джеф Первый об этом - и плод непременно вытравили бы, но он пребывал в неведении. Когда же девочка родилась, у него не поднялась рука на свою кровь.

Малышку и ее мать поселили в деревне, где они жили в полной безвестности. Однако политика - грязное дело. В Памфии назревал заговор, и девочку решили похитить. Как заговорщики собирались использовать незаконнорожденную при живом кронпринце, было абсолютно непонятно. Некоторые полагали, что все это происки загросцев, те любили подлые интриги, для плетения которых не помешает даже такой незначительный козырь. Другие считали, что к данному происшествию имеет отношение Несвижский Пес, барон Гатине. Во время похищения ее матушка погибла. Саму девочку удалось вызволить из рук похитителей, но докопаться до имени того, кто все это организовал, все же не получилось.

Вот так и вышло, что Адель оказалась при дворе - это было самое безопасное место. Когда она вошла в девичий возраст, король с согласия королевы дал ей титул баронессы, но она по-прежнему оставалась при дворе. Правда, при этом вела более или менее свободный образ

жизни, имея возможность наносить визиты. В результате одного из таких она и угодила в руки несвижского барона.

- Джон, ты меня задушишь!

- Прости, милая! Я так переживал.

- Я тоже рада тебя видеть, братец! - Уж с ним-то не нужно сдерживаться. В глазах девушки заблестели слезы, и она тут же поспешила спрятать лицо на крепкой груди Джона.

- Не обижайся, пожалуйста, что не встретился с тобой раньше. Просто боялся, что не сдержусь, а отец... Ну, ты же знаешь отца.

- Я все понимаю.

- Адель... Этот разбойник... Ты в порядке?

- Господи, Джон, он не разбойник! Он такой же рыцарь, как и любой другой. Он служит своему королю.

- Но при этом действует неподобающим настоящему рыцарю образом.

- Он просто сражается за свою родину, вот и все.

- Он простой наемник и сражается за золото.

- С некоторых пор он несвижский барон и вассал короля Несвижа.

- Возможно, но крови он нам попил изрядно. При штурме двух укрепленных замков мы не понесли таких потерь, какие нанес нам он. Да еще и забрался так далеко от границы.

- А ведь ты восхищаешься им, братец. Ну признай, ну же!

- Хорошо. Признаю. Но это все равно не избавит его от участи, уготованной ему королем.

- Вы сначала возьмите его.

- Сестренка!

- Да?

- Что я слышу?

- Что?

- Этот Авене - он красавчик?

- Волколак в человеческом облике.

- Но милый волколак.

- Джон...

- Не пытайся меня обмануть, Адель, я слишком хорошо тебя знаю. Еще ни о ком ты не говорила так и ни за кого так не вступалась, как за него... Да еще и после того, что он сделал...

Ну же!

- Я не знаю.

- Вот пока не знаешь, запомни одно: он человек, вышедший из черни. Он не пара тебе, и лучше бы ты это уяснила сразу. Этот новоявленный барон - не пара тебе, - глядя сестре в глаза и слегка тряхнув ее за плечи, твердо повторил он.

- Мне - это кому? Мне - полукровке? Мне - незаконнорожденной? Я тоже из черни и родилась не в замковой опочивальне, а в лачуге, - с вызовом ответила девушка, вскинув подбородок и вперив в брата упрямый взор.

- Не забывай, кто твой отец.

- А он помнит о том, что я его дочь?

- Адель, Адель, сестренка, не надо так. Ведь я помню о том, кто ты.

- Помнишь ты и помнят все ухажеры, что вьются вокруг меня, надеясь составить выгодную партию. А он - нет.

- Брось. Неужели ты думаешь, он примчался сюда, оставив армию накануне штурма, только ради того, чтобы выяснить, как обстоят дела в Хемроде?

- А сказать об этом нельзя? Одной лишь мне. Я не прошу большего. Назвать дочкой, хотя бы когда никто нас не слышит. Но нет. Это не подобает королю.

- Адель, ну ты же понимаешь...

- Нет. Этого я не понимаю. Я ничего не требую, я ни на что не претендую. Разве я хочу так много?

- Для него это непомерная цена.

- Прости, братец. Я пойду. На меня столько в последнее время навалилось. Я хочу отдохнуть.

Как всегда бывает в таких случаях, отдохнуть так и не получилось. Впрочем, по большому счету, это была просто отговорка. Конечно, Адель перенервничала, но не произошло ничего такого, с чем бы она не могла справиться без особого труда. Рана эта была застарелой, а боль - привычной. По возвращении в гостиницу ее встретила служанка Римма и сообщила, что ей легко удалось выяснить, где проживает матушка сэра Георга и кто она такая.

В отличие от людей барона Клода, которые исходили из того, что никому не известный наемник имеет столь же неизвестных родных, если они вообще есть, Римма рассудила иначе. Она решила, что матушка такого человека наверняка известна каждому встречному-поперечному. Ну что тут скажешь - рассуждение, притянутое за уши. Тем не менее она оказалась более удачливой. А может, все дело в том, что люди барона рыли не в том направлении, да и не факт, что они вообще знали о слабости барона Авене.

Если коротко, то, едва задав вопрос гостиничной служанке, Римма тут же получила желаемый ответ. Правда, та ничего не знала о наличии у матушки Аглаи детей, вернее, своих детей, потому как дети вокруг нее вились постоянно. Поход к трактиру, где проживала женщина, и острый слух Риммы сделали свое дело, пока служанка бродила по улицам.

На улицах просто не могли не говорить о сэре Георге, который, несмотря на войну, все равно извернулся и навестил матушку в день ее ангела. Мальчишки на дорогах играли в «наемника сэра Георга», крушившего памфийцев направо и налево. Что с того, что половина мальчишек и сами памфийцы? Они далеки от политики. Георг вышел с их улицы – значит, свой; остальные чужие – а значит, враги. Прямолинейная детская логика.

Узнав новости, баронесса Гринель не смогла усидеть в гостинице, благо в ее распоряжении имелись и карета, и десяток гвардейцев. Тут король и не думал сдерживать свою родительскую опеку, и все выглядело натурально: официально Адель являлась королевской воспитанницей и находилась под опекой короля, как и другие девушки или женщины.

Существовала такая практика. Если отсутствовал прямой наследник по мужской линии и о женщине некому было позаботиться, то король брал над ней опеку. Он устраивал ее дальнейшую судьбу, выступая в роли свахи. Женщина, а главное, ее владения выступали в роли заслуженной награды за верную службу. Мнение подопечных в этой ситуации не учитывалось, однако неволить Адель король не хотел.

К изумлению баронессы, появление кареты в сопровождении десятка солдат под командованием настоящего рыцаря не произвело особого впечатления на обитателей квартала. Потом она припомнила то, что рассказала ей Римма, и пришла к выводу, что подобным зрелищем местных, пожалуй, не удивить. Кто только не приезжал за помощью к матушке Аглае! Насмотреться они уже всякого успели.

- Здравствуйте, госпожа. Чем могу быть полезен? – поспешил навстречу баронессе хозяин, едва ее нога переступила порог трактира.

Хм... А ничего так. Чистенько. Она не так мало путешествовала, поэтому могла сравнить с другими подобными заведениями, где ей приходилось останавливаться в пути. Этот трактир вполне мог соперничать с той престижной гостиницей, где она остановилась. Даже неистребимый кислый запах вина и пива здесь сильно приглушен, а завсегдатаев-выпивох просто нет. Сам хозяин тоже одет в чистое, словно специально поджидал появления высокородных гостей. И это в таком квартале! Чудны дела твои, Господи.

- Трактирщик, здесь ли проживает лекарка Аглая?

- Здесь, ваша милость, – тут же отозвался Адам.

- Позови, – пристраиваясь на чистую лавку за чисто же отскобленным столом, потребовала она.

- Дык нету ее, госпожа.

- Тогда отправь за ней.

- Прошу меня простить, госпожа, но она сама решает, когда ей возвращаться домой. Я ей не указ. Но если вас привела сюда беда, то не извольте беспокоиться, она сама очень скоро вернется.

- С чего ты взял, что меня привела сюда беда?

- Дык матушку Аглаю по другому поводу благородные и не разыскивают, только когда хворь одолевает, вот я и решил...

- Я похожа на больную? Нет, трактирщик, я здорова, так что отправь человека разыскать ее и привести.

Боже, только этого не хватало! Матушку Аглаю решила навестить какая-то благородная девчонка из чистого любопытства. Ну и что прикажете делать?! Нет, Адам, конечно, отправит Грегора, вот только предугадать, куда направится матушка Аглая, просто невозможно. Она вполне могла изменить прежний маршрут и пойти вообще в другую сторону. А если она с детворой направилась на речку за городские стены... Искать ее можно бесконечно долго. Адам и раньше сталкивался с подобным, но одно дело - когда у людей горе, тогда избежать гнева высокородного куда проще. Да и матушка Аглая всегда чувствовала, что в трактире появился больной, а потому сама спешила домой, гася своим появлением признаки недовольства. А как это сделать сейчас? К тому же на улице десяток воинов. Странно, что она вообще вошла сюда одна.

Адам отправил вышибалу, даже не рассчитывая на успех. Если Грегор и найдет матушку Аглаю, то поди еще объясни, что ее хочет видеть какая-то там госпожа. А силой Грегор ее не потащит, и сам бы Адам не потащил. Никому бы и в голову не пришло пытаться заставить эту женщину сделать что-либо против воли. Вот же незадача!

Желая скоротать время, посетительница подозвала к себе трактирщика и стала расспрашивать о его странной постоялице. Адам был рад этому обстоятельству. Рассказывать он мог долго и увлекательно, а там глядишь - все само собой устроится, матушка Аглая вернется. Поэтому красавица выслушала всю историю этой странной женщины, которая, оказывается, безумна и в то же время наделена божьим даром. Адам ничего не скрывал. А зачем? Эта история и без того известна всем окрест и даже за пределами Хемрода.

Переживал Адам зря. Грегор все еще не появился, а он сам только закончил свой рассказ, когда матушка Аглая переступила порог трактира, направившись напрямиком к молодой баронессе. И вот что странно. В этот момент она совсем не походила на безумную. И выглядела не так, как выглядела обычно при нахождении в трактире больного. Адам не смог бы описать отличия, но они имелись. Уж за столько-то лет он научился различать настроения матушки. Такой возбужденной и радостной она бывала лишь в те дни, когда встречала Георга, своего родного сына.

- Доченька! Приехала! Как я рада. Ну что ты вскочила - присядь. Рассказывай, как там сыночек. Все ли у него ладно?

Адам только и смог, что, открыв от удивления рот, бухнуться на скамью. Все именно так. Именно так матушка Аглая всегда встречала Георга. Это что же значит?.. Георг... Да нет же. Он был здесь совсем недавно и ни о каких таких планах не говорил. Оказаться родной дочерью матушки эта девушка не могла, у той был только один ребенок, сын. Предположить, что у нее имеется еще один, просто нереально, ведь видно, насколько незнакомка молода. Это что же получается... Ага. И когда же новоявленный барон мог жениться, да еще и без благословения матушки? Бред.

Адель и сама не могла понять, отчего она повела себя подобным образом. Абсолютно незнакомая женщина - а она сразу потянулась к ней. На вид эта женщина с приветливой улыбкой не особо старая, хотя ее голова покрыта сединой, а лицо испещрено морщинами. Возраст легко угадывается - едва ли больше пятидесяти. Что-то в ней есть притягательное и родное. Девушка словно взглянула в лицо своей матушке, которую помнила очень смутно.

Отчего-то появилось неодолимое желание познакомиться с ней поближе. Сначала они разговаривали за столом в зале, потом прошли в комнату, занимаемую матушкой Аглаей, и проболтали там всю ночь. Говорили обо всем и ни о чем. На рассвете Аглаю все же свалила усталость, и она улеглась спать, держа руку девушки в своей. Адель просидела рядом с ней еще пару часов, всматриваясь в светлый лик и думая о чем-то своем. О чем? Она и сама не знала. Мысли текли сами собой, не задерживаясь в памяти ни на мгновение. Потом она аккуратно высвободила свою ладонь и тихонько, на цыпочках, чтобы не привести господь, не потревожить сон спящей женщины, выскользнула из комнаты.

Зачем же она так стремилась найти ее? Ах да! Она хотела отплатить этому грубияну и невежде. Хм... А ведь не такой уж и грубиян. Нет, вначале... Но потом... А эта улыбка... А то, как он мялся, словно безусый юнец... Боже, каким забавным может быть этот волколак в человеческом облике. Как там сказал братец – «милый волколак». А что, очень милый. А его матушка... Да к такой женщине примчишься, даже если тебя будут отделять от нее тысячи миль. Отомстить обидчику, навредив ей... Нет, этого она сделать не могла.

Впрочем, как оказалось, у Адели и обиды-то не осталось, лишь сожаление. Она всячески старалась разыскать в себе следы неприязни, но не находила, потому что вместо этого ее мысли заполняли сладостные воспоминания и облик Георга. И почему он ее отпустил? Испугался гнева короля, когда узнал, кем она является? Нет. Он точно не знал, кто она, отправляя ее в Хемрод. Решил избавиться от яблока раздора, чтобы утихомирить рыцарей? Тогда проще было отправить ее в другое место или избавиться от рыцарей. А может, он просто испугался, что она отдаст предпочтение кому-то из этих надутых павлинов, наперебой предлагавших ей руку и сердце? А что, очень даже может быть. Мужчины – просто сущие дети!

Несмотря на бессонную ночь, усталости как не бывало. Адель совершила утренний туалет, позавтракала и чувствовала себя полной сил. Что ж, похоже, они ей понадобятся. Она не ожидала, что произойдет именно так, но это случилось. Сразу после завтрака появился посыльный с приказом короля. Леди Адели баронессе Гринель предписывалось немедленно отбыть в столицу. Джеф Первый никогда не злоупотреблял своей властью по отношению к дочери, но тут, похоже, масла в огонь подлил братец. Ее выслали, несмотря на ее пожелания. Не подчиниться воле короля не было никакой возможности.

Небольшой эскорт, состоящий из кареты и пяти десятков гвардейцев, покинул пределы Хемрода еще до обеда. Путь Адели лежал в Клеве, столицу королевства Памфия.

- Ваше величество, примите мои искренние поздравления по поводу падения последнего оплота несвижского сопротивления, – поклонился барон Клод.

- Он далеко не последний. Взятие Кубеля всего лишь позволяет полностью принять под контроль графство Хемрод. Судя по твоим докладам, на этом трудности еще не заканчиваются.

- К сожалению, это так. Все сильно недооценивали Гийома. Этот мужеложец оказался талантливым полководцем. Кто бы мог подумать – в его-то годы да при таких наклонностях...

- Урок на будущее, барон, – никогда не делай скоропалительных выводов.

- Я обязательно это учту. Каковы ваши дальнейшие планы?

- Разумеется, выдвинуться к границе и укрепиться там. Нам еще предстоит сражение с Гийомом. Как только мы его разобьем, можно начать переговоры о мире. Учитывая, что загросцы потерпели поражение, приходится рассчитывать разве что на захват графства

Хемрод.

- Я бы сказал - не «захват», а «возвращение законных владений».

- Вот когда ты прав, Клод, тогда прав. Странное дело, ты уже второй, кто осмеливается мне напоминать о том, что Хемрод - это Памфия.

- И кто был первым?

- Баронесса Гринель. Кстати, что там по этому разбойнику? Когда ты наконец доставишь его ко мне?

- Думаю, уже совсем скоро. Благодаря баронессе Гринель мне стали известны некоторые обстоятельства, которые будут способствовать его поимке. А вернее, он сам прибудет к нам, по доброй воле. Я недавно получил известия из Хемрода, позволяющие думать именно так.

- Ты говоришь загадками. Как баронесса могла тебе помочь? И отчего этот наемник сам отдастся в твои руки?

- У этого неуловимого Авене, как и у любого другого человека, есть слабое место. Он безгранично любит и почитает свою мать.

- Тебе удалось обнаружить ее?

- Не мне, баронессе Гринель. Я даже предположить не мог, что он сын особы, столь известной в Хемроде и за его пределами. Я уже отправил ему весточку, пустив слух о том, что его матушка в наших руках. Он сам явится к нам, стремясь оградить ее от неприятностей.

- Надеюсь, она уже в заточении.

- Хм... Видите ли, ваше величество...

- Она еще не арестована? Отвечай.

- Его мать - небезызвестная матушка Аглая. Ее арест может пагубно сказаться на настроениях горожан, которые почитают ее чуть ли не за святую. Во избежание открытого бунта, думаю, достаточно просто дать понять барону Авене, что она в опасности. Тогда он сам сдастся. Еще не мешало бы направить в Хемрод дополнительные силы. Этот наемник весьма непредсказуем, решителен и опасен. Как бы он не надумал воспользоваться беспорядками в городе, если таковые возникнут.

- Ты это серьезно, барон? Ты действительно считаешь, что город, добровольно вернувшийся под мою законную руку, взбунтуется из-за какой-то там женщины, а ее сынок с сотней бойцов сумеют его захватить? Здоров ли ты, Клод?

- Ваше величество, в Хемроде всего две сотни ваших солдат. Этого вполне достаточно для организации совместной с ополчением обороны, если несвижцы захотят захватить город. Однако этого явно недостаточно, если взбунтуются сами горожане. Всего пять сотен солдат, направленных в Хемрод, склонят чашу весов в нашу пользу.

- Я ожидаю прибытия Гийома с его армией. Мы понесли значительные потери. И ты просишь направить в город, расположенный в нашем глубоком тылу, пять сотен солдат?

- Чтобы перебросить армию, Гийому понадобится три недели, вопрос с бароном Авене можно

разрешить куда быстрее.

- Ты шпион, а не воин, поэтому тебе простительно твое заблуждение. Гийом может реквизируют речные суда и, используя флотилию, сплавиться сначала по Суне, а затем по Беллоне, затратив на переход значительно меньше времени. До его появления я должен разрешить проблему с приграничными замками и утвердиться в графстве.

- Для этого вам вполне достаточно имеющихся сил. Как только вопрос разрешится, высвободившиеся войска можно будет отправить обратно. Я не арестовал матушку Аглаю, но она находится под неусыпным надзором. Это, конечно, может послужить причиной недовольства горожан, но не перерастет в открытый бунт. В то же время покажет барону Авене серьезность наших намерений.

- Иными словами, ты надеешься все провернуть тихо.

- Именно, ваше величество.

- Действуй.

Глава 5

В плену интриг

Замок Кари не мог похвастать удобствами, тем более сейчас, когда здесь собралось около трех сотен воинов. Его владелец, от греха подальше, уже отправил свою семью к родне. Разумное решение. Замок располагался на границе графства Гиннегау и всегда входил в пограничную линию охраны. Однако с тех пор, как замок утратил прежнее значение, прошло лет тридцать. Но молодому барону пришлось вспомнить то занятие, которое являлось частью жизни его предков.

Кари нельзя назвать такой уж твердыней, но и не сказать, что он никудышный в плане обороноспособности. Вполне крепкий орешек, способный некоторое время сдерживать армию противника. А вот выстоит он или нет, зависит от того, насколько быстро появится помощь.

Барон Гатине направился сюда, как только ему стало известно о том, что Георгу удалось захватить дочь короля Джефа. Если с умом разыграть эту партию, можно добиться очень многого, даже несмотря на то, что Джеф Первый всячески старался держать дистанцию между собой и дочерью. Вернее, он старался показать всем, в том числе и ей самой, то, чего нет и в помине. Однако этот мальчишка все испортил. Одним мановением руки он разрушил интригу, которая так толком и не успела начаться.

Жерар недобрым словом поминал покойного Берарда, от которого Георг унаследовал эту проклятую черту. Влюбиться в свою пленницу, да еще и представительницу вражеского государства! Пойти на поводу у своих чувств, позабыв об интересах страны! Это было вполне в духе Берарда. Барон Гатине сильно сомневался, что Георг поступил бы иначе, даже зная о том, кем на самом деле является баронесса Гринель. Хорошо хоть Гийом оказался человеком долга и готов жертвовать ради королевства буквально всем, в том числе и собой.

Казалось бы, партия проиграна, но барон продолжал оставаться в Кари, подобно рыбаку, ожидающему поклевки. Разумеется, у него хватало проблем, и для разрешения множества вопросов ему следовало бы находиться в более удобном месте, но он по-прежнему сидел в пограничном замке. Сейчас самое главное – это война с Памфией, которая столь неудачно началась для Несвижа.

И вот его ожидание вознаграждено. Вернее, не совсем так. Этот хитрец Клод, которому уже удалось однажды его обойти, был весьма осторожен. Для поимки командира наемников, изрядно попившего кровь памфийцам, он запустил интригу с немалыми шансами на успех. Повсюду разнесся слух о том, что матушка Аглая может поплатиться за грехи своего сына, если тот не отдаст себя в руки памфийцев. Зная Георга, а также помня о том, чья кровь течет в его жилах... Гатине мог предсказать, что парень вполне способен на глупость.

Только будучи в очень радужном настроении, происходящее можно назвать наградой. Однако Жерар не отличался щепетильностью в достижении поставленной цели. Интрига началась. Теперь нужно сделать так, чтобы при, казалось бы, благоприятном раскладе для Клода каверза сыграла на руку Гатине. Если Георг узнает, то просто убьет Жерара, но иного выхода он не видит. Барон Клод предоставил ему возможность выиграть, и он решил ею воспользоваться.

- Мм... виренское! Откуда такая роскошь, мой мальчик?

Вообще-то выражение «мой мальчик», звучащее из уст одного из собеседников, расположившихся в довольно скромном помещении обычной фермы, звучало комично. Ну а как иначе, если за грубо сколоченным столом сидели двое молодых людей лет двадцати пяти? Однако правда заключалась в том, что один из них как раз имел все основания для подобного обращения, будучи раз в пять старше своего собеседника.

- Рад, что сумел угодить, мастер Волан.

- Угодить? Ты, видно, шутишь. Это же великолепно! Я не пил ничего подобного с тех пор, как покинул замок дражайшего Гатине. Так все же - откуда?

- Ну, нам с парнями сегодня повезло нарваться на купеческий караван.

- Насколько я заметил, вы вернулись налегке.

- Просто я поставил купца перед выбором: караван или виренское. Он, глупец, отчего-то выбрал второе. Именно поэтому вы можете наслаждаться прекрасным вкусом.

- Георг, а там было только две бутылки?

- Вы же знаете, насколько тяжело достать настоящее виренское.

- Тогда будь добр, смотри в другую сторону.

- Как скажете, мастер Волан, - не удержавшись от улыбки, согласился Георг.

- Отчего же ты не ограбил караван? Тебе больше не нужны деньги?

- Нужны. Вот только потрошить купцов на территории Несвижа, да еще будучи на службе у короля... Не думаю, что это поспособствует росту торговли в будущем.

- Ты рассуждаешь прямо как король.

- Не король, но владетель. Ведь может так случиться, что вскорости мне понадобится помощь торговцев при восстановлении баронства, так что лучше уж показать им себя с выгодной стороны.

- Ага, еще и дальновидный. Но вообще-то виренское стоит весьма дорого, и не надо говорить,

что ты заплатил за него.

- Нет. Но это куда-а дешевле всего каравана. А потом я просто не знал, как вас отблагодарить за то, что вы сделали.

Действительно, благодарить было за что. Всего лишь за пару дней Волан умудрился поставить на ноги всех раненых наемников, и те должны были окончательно прийти в себя уже на следующий день. Вообще-то Волан считал, что парни решили уплатить слишком высокую цену. Задействовав жизненные силы, мастер излечил раны, лишив своих подопечных разных сроков жизни, от пяти до десяти лет, все зависело от степени тяжести ранения. Но наемники считали иначе. Что значат десять лет, отнятые от старости, до которой ты не рассчитываешь дожить?

- Сдается мне, придет время, когда некоторые из этих парней, что так довольны мною сейчас, помянут меня недобрый словом. Я заметил, один из них недавно уже потерял десяток лет. Это в Гело?

- Да.

- Вот и нет двадцатки. Человеческая жизнь слишком коротка, чтобы так разбрасываться.

Все верно. И хотя Георг испытывал необходимость в бойцах, он и не думал в чем-либо винить себя. Решение было за самими наемниками. Они вполне могли продолжать излечение, при этом их доля ничуть не уменьшилась бы, а даже, наоборот, за серьезное ранение полагалась премия в виде половины доли. Но те решили поступить по своему усмотрению, а их командир не видел причин этому противиться.

Но зато теперь у него опять практически полноценная сотня бойцов. И это не могло не радовать, потому как предстояло проделать слишком много работы, чтобы суметь сдержать памфийцев. Правда, тут существовали кое-какие трудности - он не знал, с какого конца взяться за это дело. Пока держался последний замок, все было понятно, но теперь, после его падения... Он просто не представлял, как можно добиться желаемого всего лишь с сотней бойцов.

Еще есть Волан. Нет, он неспособен, подобно сказочным колдунам, метать молнии и поднимать смерчи, сметающие целые армии, но кое-что все же может. В первый вечер своего нахождения в лагере, выслушав рассказ Георга о том, что мастер, обитающий в замке Гело, мог зачаровывать людей, не глядя им в глаза, Волан пришел в возбуждение и потребовал подробного рассказа.

Оказывается, не глядя в глаза, человека можно заставить двигаться, даже нанести удар в живот самому себе, но при этом он будет четко осознавать, что происходит. Действуя таким образом, мастер может взять под контроль тело, но не разум. Стоит отвлечь мастера, как человек тут же выходит из-под действия чар. Чтобы полностью завладеть сознанием, нужны глаза жертвы. Но, как видно, мастеру из замка удалось понять, как добиться наложения полноценных чар, избегая встречи с взглядом жертвы. Мало того, оказывается, механизм не так уж сложен, если подобным владел даже его молодой ученик.

Сам Волан довольно давно работал над данным вопросом, именно этим и вызван его интерес к волколакам. Как утверждал Волан, эти полуразумные животные могут контролировать сознание сотни волков, при этом даже не видя их, а просто чувствуя в определенном радиусе от себя и посылая призыв. На сегодняшний день у него уже наметился определенный прогресс.

В тот вечер он вывел Георга за пределы лагеря и преподнес ему самый настоящий сюрприз.

Вскоре после того, как они остановились, молодой человек вдруг увидел, как к ним стремительно приближаются два зловещих красных огонька. Реакция воина была мгновенной. Меч словно сам собой оказался в руках, а ноги, все так же на одних рефлексках, отшагнули в сторону, занимая позицию у дерева.

- Спокойно, Георг. Это друг.

Друг?! Волколак?! Только когда зверюга приблизилась вплотную, Георг сумел рассмотреть огромного волка. Тот, видя реакцию человека, смотрел на него злым взглядом, скаля огромные клыки. Волан без страха подошел к страшилищу и опустил руку на его холку.

- Тихо, Торк, тихо. Все нормально. Это друг. Он просто тебя испугался.

Зверюга словно понимала мастера. Бросив последний взгляд на Георга, волколак перестал скалиться и, извернув морду... лизнул руку Волана! Даже в самых необычных сказках Георгу не приходилось слышать о прирученных волколаках.

- Что ты! Волколака невозможно приручить, - поспешил отмахнуться от высказанного сомнения Волан. - С ним можно только подружиться, причем по-настоящему, лишь так можно наладить контакт.

- Значит, у вас появился еще один друг.

- Так уж получилось. Я пытался понять природу способностей волколака, чтобы использовать ее, но вместо этого как-то незаметно для нас обоих мы стали дружны. По сути, мне не нужно говорить, чтобы общаться с ним, это скорее по привычке и для тебя.

- Так вот о каких испытаниях вы говорили!

- Да. Это будет скорее испытание нашей дружбы. Не так ли, дружище Торк?

Ответ волколака выразился в том, что он лизнул руку мастера, а затем легонько толкнул его в грудь. Георгу оставалось только спрятать оружие и взирать на представшую картину замороженным взглядом.

Вот и выходит: не обладая способностью извергать молнии, Волан мог наслать на памфийцев стаю в полторы сотни волков, не ведающих страха, переполненных одним желанием убивать. Благодаря длительному общению Волану удалось развить способности своего друга, хотя до конца понять их природу ему все же не удалось. Как только стая будет перебита, через некоторое время Торк наберет новую, и все можно повторить. Тут только одна проблема: в округе может не остаться ни одного волка, но вряд ли местных жителей это обстоятельство сильно расстроит.

Впрочем, эти действия могли создать некую помеху в продвижении памфийской армии, но никак не задержать ее на сколь-нибудь долгий срок. Так что вопрос о том, как противодействовать памфийцам, оставался открытым. Георг не жалел о том, что выпустил из рук такой козырь, как дочь короля. Несмотря на предположения барона Гатине, он был уверен, что это не оказало бы серьезного эффекта. Разве что отвлекло бы часть сил памфийской армии. Но разве он не добился этого своими действиями? Тут нужно что-то иное. Но что? Как заставить короля Джефа остановить продвижение своей армии на север?

Волан уже приканчивал одну бутылку вина, припрятав вторую на будущее. Если верить ему, то пристрастие к вину вовсе не было проявлением пьянства. Все мастера пили, даже если не

испытывали от этого удовольствия. Просто вино способствовало ускоренному восстановлению сил. Правда, стоит заметить, что у Волана это было небольшой слабостью, которой он с удовольствием потакал. Хотя почему бы и нет, если ты можешь контролировать процесс опьянения, вне зависимости от количества выпитого.

В этот момент в помещение вошел Дэн. Увидев постороннего, он вытянулся в струнку и, хлопнув кулаком правой руки по левому плечу, доложил:

- Сэр, караульными доставлен человек, который просит препроводить его к вам. Он говорит, что его послал Рем.

- Рем? Что могло... Давай его сюда! - Молодой барон тут же побледнел, а в его глазах появился страх.

- Да, сэр.

Посыльным оказался грязный и потасканный оборванец, с лицом и телом, испещренными язвами. Видок у него был не из лучших, сразу понятно - путешествие измотало его изрядно. Впрочем, могло ли быть иначе? Коли Рем решил отправить посланца к Георгу, значит, приключилась беда с матушкой. Именно на такой случай Георг и рассказал одному из воровских заправил Хемрода, а по совместительству другу детства, как именно можно будет найти его в случае крайней нужды.

- Кто ты? - Как ни возбужден был Георг, но он не забывал об осторожности.

Все же памфийцы отнюдь не дураки, они могли устроить ему западню. Зачем гоняться за дичью и пытаться взять ее там, где ей знаком каждый уголок, когда можно вывести туда, где есть возможность без труда захлопнуть ловушку?

- Вы разве не помните меня, сэр? Я сын башмачника Якоба, Джеб. Вы, правда, постарше были.

- Все, вспомнил. Говори.

- Дык матушка Аглая в беде.

- Ты толком говори. Что случилось?

- Дык пока-то ничего. Как жила в трактире у Адама, так и живет. Но слушок по городу нехороший пошел. Мол, барон Клод... Это шпион главный памфийский, значит. Так вот, рассказывают, будто он ведает, что матушка Аглая - ваша матушка, и что коли вы не сдадитесь, то он ее в кандалы - и на судилище.

- Не посмеет, - убежденно произнес Георг. При этом было непонятно, к себе он обращается или к окружающим.

- Дык, может, и не посмеет, только окрест трактира теперь два десятка солдат ошивается. Как матушка Аглая куда идет - они следом. Трогать не трогают, но и из виду не упускают. Матерые бойцы, ветераны. Народ заволновался было, но как глянули, что никто ее не трогает, так вроде поспокойней стали.

- Мастер Волан, можно вас попросить?..

- Ладно уж. Дружочек, а теперь скажи, все ли ты сказал и где обманул.

- Все как есть, и не обманываю я. Все, что слышал и что Рем сказал, передал. Разве только он еще сказал, что если господин барон пожелает в город войти, то пусть идет через восточные ворота, на главных памфийские солдаты стоят.
- Он не врет, - заключил Волан, когда нищий вышел из помещения. - Во всяком случае, верит в то, что говорит правду. Насколько ты можешь доверять этому Рему? Если кто и врет, то именно он, или его используют втемную.
- До сих пор сомневаться в нем не было причины. Да и не один он там заправляет всем. А потом, восточные ворота... Там открытая местность, и они находятся неподалеку от квартала, откуда я родом. Вряд ли это ловушка.
- Что думаешь делать?
- Ну, сдаваться пока рано. Матушка частенько с ребятней выходит к речке погулять, а еще можно ей намекнуть насчет такой прогулки. Может, и не послушает, а может, и сработает, особенно если погода солнечной будет. Если мы с парнями устроим там засаду, то быстренько разберемся с этими двумя десятками. А там и матушку заберу.
- Отчего же раньше не забрал?
- Так не послушала бы.
- А теперь?
- А теперь и спрашивать не стану.
- Ну что ж, это дело твое. Кстати, я тоже отправлюсь в путь. Пора бы уже и о себе подумать.
- Хотите в одиночку напасть на памфийцев?
- У меня нет выхода. Если я буду действовать вместе с тобой, то тебя еще и с сатаной увяжут. Помнишь, чьими порождениями считают волков? То-то и оно.
- Но я вроде вам не друг. Отчего такая забота?
- Не друг. Но злоумышлять против королевской крови я не могу, только с их согласия. Не пытайся понять, тут все слишком сложно.

В окрестностях Хемрода наемники были уже к концу дня. Пренебрегая осторожностью, Георг гнал своих людей самой кратчайшей дорогой, озаботившись лишь охранением. Однако на протяжении всего пути они не встретили ни одного воинского отряда. Только единожды попался купеческий караван, охрана которого при виде сотни тут же изготовилась к бою, но те проигнорировали данное обстоятельство и промчались мимо.

Позиция на берегу речушки, катившей свои воды в Гуру, была просто идеальной для устройства засады. Противоположный от города берег густо порос кустарником и невысокими деревцами, позволяя спрятать здесь без труда всю сотню. До противоположного берега - не больше тридцати шагов. Прозрачная вода, струящаяся по мелкой гальке, едва доходит до колен, а течение очень слабое. В принципе именно по причине полной безобидности речки и удобства для купания горожане не боялись отпускать сюда детей с матушкой Аглаей. К тому же это недалеко от стен города, всего-то шагов пятьсот.

Едва достигли этого кустарника, как нищий по имени Джеб тут же направился за стены. Нужно как-нибудь подкинуть матушке идею отправиться на речку. Дело вроде к вечеру близится, но для нее времени суток как такового не существует. К тому же если придет, то без деток, и это к лучшему.

Джеб так и не появился. Вместо него из восточных ворот вышел Рем. Георг сразу же узнал его. Воровской заправила тут же направился к месту, где укрылась сотня, и без труда вышел на нее.

- Ты что это сам-то? Где матушка? - набросился Георг с вопросами на друга детства.

- Плохо дело, дружище, - отведя в сторону барона, начал объяснять Рем. - Сегодня днем прибыл гонец от короля, и по его приказу матушку Аглаю арестовали.

- Как - арестовали? Что за...

Вид у Георга был такой, словно он готов разорвать всех голыми руками, и наличие доспехов вряд ли стало бы помехой в этом.

- Кабы люди знали, что да как, да кабы дело было в городе, то, скорее всего, бунт поднялся бы сразу. А ее тут, на берегу, взяли. Да потом кругом обвели и через главные ворота - в город, а дальше в замок наместника. Народ ярится, поднеси искру - полыхнет так, что держись. На центральной площади уже толпа собралась. И люди все подходят.

Спокойно. Отдать себя в руки памфийцев, чтобы спасти матушку, не получится. Как-то Рем сказал, что Георгу пора завязывать со своим рискованнм занятием: если он погибнет, то и матушке Аглае не жить. Все именно так и есть. Если такое случится, то она себя изведет. Что творится в ее голове и какими путями блуждает ее разум, лишь Господу ведомо. Выходит, отдать себя взамен матушки никак нельзя.

- Матушку где держат?

- Где точно, я не знаю. Известно, что в замке. Все памфийцы сейчас собрались там да в надвратной башне северных ворот.

- Значит, ждут подкрепления и им нужна возможность ввести войска в город.

- Скорее всего. Только непонятно... Король Джеф совсем дурак? Неужели не понимает, что значит матушка Аглая для горожан?

- А что стража?

- Те, что на службе, на постах стоят, а остальные - все на площади, даже патрули. Глава совета сейчас пытается с комендантом договориться, а страже пока велел народ сдерживать, чтобы смертоубийства не приключилось. Только стражники - они ведь тоже из Хемрода, и среди них немало тех, что мальцами за матушкой Аглаей бегали. Народ-то поберегут, но если с комендантом не договорятся, то с народом пойдут. Ох и кровищи будет!

Это точно. Хотя горожане и участвовали в ополченских учениях, но держать стены и брать их - это совсем не одно и то же. Тут совсем иная выучка нужна. Жертв будет очень много, и не факт, что штурм удастся. Скорее всего, как раз наоборот.

- Мы в город войти сможем? - поинтересовался Георг у Рема.

- Да без проблем. Признаться, народ все чаще тебя поминает – мол, вот если бы наш Георг тут появился, он бы точно знал, что делать.

- Ага, знал бы. У меня ведь мудрости на всех хватит. Дэн, ну что стоишь и делаешь вид, будто ничего не слышишь?

- Ну слышу.

- И что думаешь?

- Мое дело – мечом махать, думать у тебя лучше получается.

- Только не сейчас, – в очередной раз проскрежетав зубами, возразил Георг.

- С чего бы это?

- С того, что матушка в заточении.

- Так представь, что ты в бою, сразу и полегчает. Есть город, и нужно его взять, чтобы ее освободить.

- В бою, говоришь?

- В бою, дружище.

Сотня вошла в город, не скрываясь. Правда, перед этим сам Георг подъехал к воротам, чтобы стража не дай бог не решила, что это какой вражеский отряд. Сейчас постовые готовы были закрыть ворота перед всеми, в том числе и перед королевскими войсками.

Быстро двигаться по улицам, запруженным народом, никак не получалось. Сотрясая воздух воинственными призывами, мужчины и женщины направлялись к центральной площади, вооружившись чем ни попадя: были тут и дубье, и ножи, и топоры, и молоты, а то и просто булыжники, сжимаемые в мозолистых руках. Рем абсолютно прав: еще самая малость – и полыхнет. Вот только крови будет много, а толку – чуть.

Городской совет пока не спешил открывать арсенал. Гийом в свое время изрядно его подрастряс, но король Джеф озаботился его пополнением, набив трофеями, взятыми в боях. Так что вооружить людей есть чем. Однако попробуй сделать это – и горожан, ощутивших в руках тяжесть настоящего оружия, уже не удержать. Кровь польется рекой. Георг, пробиваясь по знакомым с детства улицам, буквально ощущал, как нарастает напряжение.

- Что это?

- Послание от коменданта Хемрода, – с нескрываемым недовольством глядя на короля, ответил барон Клод.

- Я это понял, барон. О выполнении какого из моих распоряжений он докладывает?

- Но вы ведь приказали арестовать матушку Аглаю.

- У меня есть необходимость проделывать это за твоей спиной? Я не могу изъять свою волю прямо?

- Гатине, - с видом человека, которого только что обвели вокруг пальца, произнес барон Клод.
- Ты думаешь, он отправил подложный приказ об аресте этой сумасшедшей?
- Несвижцам во что бы то ни стало необходимо задержать вас, ваше величество. Наличие в тылу города, который вернулся под руку короля Несвижа, - неплохая возможность.
- Мы можем еще что-то предпринять? Может, отправить туда те пять сотен, о которых ты просил?
- В этом нет смысла. Если бунт еще не начался, достаточно направить всего лишь посланца с приказом немедленно отпустить эту женщину. Если уже начался, то нужно вести всю армию. Теперь полумерами не обойтись.
- Барон, тебя опять обставили. Господи, ну почему у Гийома есть Гатине, а у меня - этот неумеха?! Перо и бумагу!

Барон молча протянул королю походный секретер с уже подготовленными писчими принадлежностями. При этом он был абсолютно бесстрастен и внешне выглядел спокойным... Но чего ему это стоило! Значит, он - неумеха?! Он, который, предвидя развитие ситуации, предлагал приемлемый выход? Если бы сейчас в Хемроде было достаточное количество войск, ситуацию можно было бы легко удержать под контролем.

Справедливости ради нужно заметить, что малой страховки оказалось бы достаточно. Хватило бы четкого указания коменданту не предпринимать никаких действий без личного присутствия Клода. Знай барон, что Несвижский Пес поблизости - он бы многократно подстраховался. Но ведь того не было рядом! На это явственно указывало то обстоятельство, что барон Авене так легко отпустил баронессу Гринель, не зная, кто она на самом деле. Барон Гатине обязательно разыграл бы этот козырь с большой пользой для Несвижа.

Король, вооружившись пером, начал быстро писать новый приказ коменданту Хемрода. До города около семидесяти миль, так что посланник со сменными лошадьми должен добраться достаточно быстро. Шанс все исправить еще есть, если не терять попусту время.

Перво-наперво Георг направился на центральную площадь с десятком бойцов. Нужно во что бы то ни стало предотвратить бесполезное кровопролитие. Теперь на стороне горожан почти целая сотня проверенных и подготовленных бойцов, которым и надлежало сыграть в этом деле главную роль.

Ему было нелегко взять себя в руки и мыслить здраво, но он все же сумел это сделать, воспользовавшись советом друга и начав думать о происходящем как о бое. Необычном, тяжком, в невыгодных условиях (ошибка могла повлечь смерть матушки), но бое. Это помогало сдерживать рвущееся наружу нетерпение и унимать клокотавшую в груди ярость. За последние годы он сильно изменился. Взваленная на плечи ответственность за судьбы других людей оказала свое влияние. Он стал более холоден и расчетлив.

Урезонить бушующую толпу полностью, разумеется, не удалось, зато получилось несколько сбить боевой пыл и убедить людей не действовать сгоряча. Полностью гасить огонь недовольства в его планы никак не входило. Конечно, все его люди - в городе и готовы драться, но памфийцев больше, и они стоят на крепостных стенах. Без поддержки народа никак не обойтись, а планы у Георга большие. Он вдруг понял, как использовать сложившуюся ситуацию с двойной выгодой - и матушку вызволить, и брату помочь.

Выкликнув имена всех плотников, он отвел их к северным воротам, надвратная башня которых была занята полусотней солдат. Сейчас самое главное – выбить их отсюда, чтобы горожане могли полностью контролировать все стены. Когда же это случится, даже подход всей армии короля Джефа не сможет ничего изменить. Ситуация лишь усугубится. Горожанам станет очевидно, что прощения за бунт им не получить. Возможно, король не станет действовать чересчур жестко, но уж точно начнет расследование и суды. Остается одно – обороняться и ждать подхода короля Гийома. Им еще неизвестно о победе молодого монарха, но это дело поправимое.

Когда те, кого осадили в замке наместника, поймут, что полностью находятся во власти жителей Хемрода, с ними можно вступить в переговоры. Может, все еще разрешится без жертв. Правда, в это верилось с трудом. Все же они находятся в хорошо укрепленном месте. Хотя ров уже давным-давно засыпан (иметь подобную роскошь в пределах стесненного пространства города никак не получалось), но оставались высокие стены, тоже серьезное препятствие, если учесть тот факт, что на них находятся отнюдь не ополченцы. Но это все потом. Сейчас главное – захватить контроль над воротами.

На пролетах стен, примыкающих к надвратной башне, быстро стали вырастать деревянные щиты. Рабочих пытались обстреливать из множества бойниц, но результат оказался нулевым. Поначалу плотников прикрывали щитами наемники; потом, когда щиты были готовы, горожане смогли укрыться за ними и приступить к работе в полной безопасности. Георг решил изготовить два наспех сколоченных тарана. Этого было вполне достаточно, чтобы вынести дубовые двери, а затем ворваться в башню. Уж в чем в чем, но в деле захвата помещений у его людей хорошая подготовка.

Единственное место, откуда осажденные могли достать плотников, – это верхняя площадка башни. Но сделать это памфийским стрелкам не давали наемники, засевшие на соседних башнях и посылавшие болты, заведя малейшее движение. Практика у них богатая, арбалеты лучше, а мастерство выше – поэтому они без труда подавляли любое противодействие осажденных. Время от времени они даже пускали болты в узкие бойницы нижних ярусов башни, и не всегда безрезультатно. Залетающие вовнутрь снаряды находили своих жертв, уменьшая количество защитников укрепления.

Имелась в сотне дюжина бойцов, которых Сэм окрестил снайперами. Кто-то из этих парней в прошлом был браконьером, кто-то выказал недюжинные способности к владению этим оружием, но это действительно самые лучшие стрелки. Мало того, у них и наиболее тщательно изготовленные арбалеты. Приклады значительно отличались от обычных: проигрывая им в прочности, они куда удобнее в использовании. Рука ложилась в вырез приклада на удобную рукоять. Если при стрельбе из обычного арбалета целиться приходилось по болту, то здесь имелись прицельные приспособления, которые нужно выставлять в зависимости от дистанции.

Наличие такого оружия обеспечило бы куда более точную стрельбу и для менее умелых стрелков, но Георг решил, что не стоит вооружать так всех. Дело вовсе не в том, что подобное оружие дороже и изготовить его сложнее. И даже не в том, что каждый болт тщательно сбалансирован, отшлифован и выверен по весу, с заботливо исполненным оперением. Все это вносило неудобство, но не было непреодолимым. Главное – в том, что эти арбалеты требовали более бережного обращения. Можно создать условия, чтобы подобную заботу проявляла дюжина бойцов, но как быть, если так будут вооружены все?

Снайперы сказали свое веское слово, и вскоре памфийцы боялись высунуть свой нос даже в узкие бойницы. Это позволило плотникам работать в менее нервной обстановке. Ведь если ты не воин и не свыкся с мыслью о том, что смерть – это всего лишь противная и ворчливая

соседка, то летящие мимо или бьющие в дерево болты будут заставлять тебя думать о чем угодно, но только не о работе.

Уже через час с небольшим все было готово к штурму. Желая избежать ненужного кровопролития, Георг предложил осажденным сдаться, но те отказались. По большому счету, это глупо. На что они рассчитывают, непонятно. Ведь осаждающие имеют прямой доступ к дверям, и понять, что именно они соорудили на стене, несложно. Однако выбор сделан и время сейчас работает на них, поэтому барон Авене решил не откладывать.

Все произошло весьма быстро. Тараны, прикрытые деревянными щитами, предохраняющими от обстрела, в одно мгновение вынесли двери, несмотря на то что последние были укреплены изнутри. Едва это произошло, как в дверные проемы, теперь уже свободные, начали вламываться люди Георга. Защитники ничего не смогли противопоставить тактике, применяемой наемниками. Те действовали с неумолимостью самой смерти.

Двое нападают, третий за их спинами с арбалетом, изготовленным к стрельбе, выжидает удобного момента, чтобы не задеть своих, и пускает болт в едва образовавшийся просвет. С данной дистанции, когда до цели меньше полудюжины шагов, болт с легкостью прошивает и щит, и доспех, добираясь до плоти. При этом выпущенный в упор снаряд обладает такой силой, что еще и отбрасывает противника назад. Разряженный арбалет – назад, следующему за тобой товарищу; взведенный – в руки, и снова разить врага. Разумеется, когда речь идет о стрельбе даже на семьдесят шагов, лучше иметь под рукой свое оружие, к которому уже успел привыкнуть и узнать его особенности. Но когда стреляешь вот так, да еще приходится заботиться лишь о том, чтобы не попасть в своих, находящихся в паре шагов, тут впору думать, как не задеть их распрямляющимися дугами, а не о том, как не всадить болт, – подойдет любой.

- Ты что-то почувствовал, дружище? Эх, Торк, мне бы твои уши и нюх.

Вообще-то глупо говорить с существом, для общения с которым достаточно простой мысли. Ну, не такой уж и простой, но если есть способность и нужные навыки, а также сам волколак захочет этого общения... Но мастер все же предпочитал проговаривать слова, так гораздо привычнее.

Волан потрепал волколака по огромной голове между ушами, не забыв при этом их немного помять. Свирепый зверь, которым пугали не только детей, на подобное вольное обращение слегка приподнял верхнюю губу, обнажив страшные клыки, и слегка прищурил глаза. Любопытный увидевший эту картину безошибочно определил бы, что этот самый Торк, лохматый ужас, испытывает удовольствие от действий темного мастера. Мужчина тоже это заметил, а потому удвоил усилия, и вскоре зверь сначала пригнул голову к самой земле, а затем повалился на бок, начав барахтаться в шутиливой борьбе. Вот только человеку следует соблюдать осторожность даже в подобной возне. Волколак без страха выходит против взрослого медведя, и у того нет никаких шансов уцелеть в этой борьбе. Сила его велика, и одно неосторожное движение может дорого обойтись. Но, как видно, Волану было сейчас не до игр.

- Ну что ты разрезвился, как щенок? Сначала дело, потом отдых. Ты готов? Вот молодец.

К этому моменту Волан уже заметил около двух десятков всадников, мчавшихся по дороге. Не иначе как по какому горячему делу, вон как лошадей нахлестывают. Просто идеально для его целей. Как себя поведет волколак, когда нужно будет отправить волков на верную смерть, непонятно, все же они сородичи, а вот с таким отрядом стая в полторы сотни голов вполне

способна справиться.

При виде всадников Волану даже стало немного завидно. К сожалению, он лишен возможности пользоваться живым транспортом. Тут дело даже не в Торке. Волколак прекрасно понимал, когда можно трогать добычу, а когда лучше не надо. Ему ничего не стоило держать в узде и всю свою стаю. Но ты поди объясни лошади, чуть ли не самому пугливому существу на свете, что ей ничегошеньки не угрожает.

Поняв, что никто с ним заигрывать не будет, Торк поднялся и с нескрываемой досадой ткнул своего двуногого друга в грудь. Потом с ленцой зевнул, широко раскрыв пасть и явив свету страшную коллекцию зубов, нежно-розовый язык и черное небо. Закрыв пасть с отчетливым клацаньем, он в последний раз бросил взгляд на Волана и скользнул через кустарник в высокую траву, по которой уже стелилось множество волчьих спин.

Вообще-то Торк вполне мог руководить атакой, находясь в стороне, но вожак должен быть со стаей, чтобы не утратить уважения. Впрочем, в отношении волколака такое утверждение было бы не совсем точным. Ведь он вел стаю не потому, что был первым среди равных, – он контролировал каждого члена стаи, заставляя всех безоговорочно ему повиноваться. Скорее дело в том, что ему самому нужна встряска, и Волан отчетливо почувствовал это, когда до него донеслись мысленные команды вожака. Ну прямо полководец, и никак иначе!

Атака хищников для всадников была полной неожиданностью. Высокая трава достаточно долгое время скрывала стаю. Даже когда лошади вдруг начали хрипеть и биться под седоками, те не сразу сообразили, что случилось. Обезумевшие животные рванулись вперед по дороге и в сторону, по целине, но путь им преградили другие хищники. Всадники всячески пытались взять лошадей под контроль и в то же время отражать внезапную атаку, но и то и другое у них получалось плохо. Казалось бы – кони, специально подготовленные для боя. Наверняка они участвовали не в одной схватке, дробя противника своими коваными копытами, должны быть привычны ко всему. Но вот стоило почуять извечного врага, как животный страх вырвался наружу.

Не сказать, что все лошади обезумели от страха. Были и такие, что смело вступили в схватку, но их было три или четыре, да и те все же прекратили свой бег, сосредоточив внимание на хищниках. С дороги послышались крики, ржание, хрипы и, наконец, скулеж волков, получивших увечье. Торк, наконец выпрямившийся, возвышался над высокой травой, сосредоточенно следя за ходом схватки.

Вот один из всадников, сообразив, что волков слишком много и отбиться не получится, решил спастись бегством. У него для этого были все шансы, потому как лошадь под ним не взбесилась и сейчас отбивалась от наседавших на нее хищников. Дав шпоры, всадник направил своего боевого товарища по дороге в направлении Хемрода. Однако Торк, ни на секунду не терявший бдительности, вовремя увидел это движение и к тому моменту, когда человек вырвался из волчьего кольца, уже набрал скорость, несясь смельчаку наперерез. Волки сначала бросились было в погоню за беглецом, но затем, получив приказ вожака, вернулись, чтобы добить немногих оставшихся в живых. Огромная и стремительная тень взмыла в воздух и серой стрелой ударила воина в бок. Удар был настолько силен, что закованного в доспехи всадника попросту выбросило из седла. Оставшаяся без седока лошадь продолжила свой бег. Будь на месте волколака обычный волк, и скакун, скорее всего, вернулся бы к хозяину, чтобы мужественно его защищать. Но этот зверь вселял ужас в храброе сердце, не спасовавшее даже перед большой стаей. Перехватить горло бесчувственной жертве не составило никакого труда: одно движение челюстями – и все закончилось.

Прошла едва ли пара минут с начала атаки, как все уже было кончено. Испуганные и непострадавшие лошади разбежались в разные стороны, их никто не преследовал. Нет никакого смысла. Павших вполне достаточно, чтобы утолить голод. Вот если пытавшиеся бежать были с всадниками, тогда совсем другое дело.

Одна из лошадей проскакала рядом с Воланом. На пару футов в сторону – и она стоптала бы его. Темный мастер даже попытался отпугнуть животное, когда понял, что оно несется напрямик на него. Но беглянка настолько обезумела от запаха крови и от испытанного ужаса, что даже не заметила потуг человека.

Интересно, что это был за отряд? Может, какой барон со своей дружиной? Очень вероятно. С другой стороны, они так погоняли коней... Может, спешили в Хемрод со срочным донесением? Вполне возможно. До города совсем недалеко, а дорога напрямик ведет к нему. Собственно, по этой причине Волан и избрал ее для засады. Вероятность повстречать военный отряд именно здесь была наивысшей. Иными словами, самое оно для продолжения эксперимента и проверки дружеских уз.

К месту, где засел темный, потянулись волки, получившие ранения. Торк, усевшись на задние лапы и облизывая покрытую кровью морду, внимательно смотрел на своего друга. Что ж, все верно, дружба не может быть односторонней. Мастер начал наскоро осматривать подползающих к нему хищников, оказывая им первую помощь. Большого не нужно. Эти зверюги достаточно живучи. Стоит только дать им толчок, остальным займется их природа.

Дюжине волков потребовалась помощь мастера, прочие отделались легким испугом. Три десятка были либо убиты, либо получили настолько сильные раны, что из милосердия были добиты своими же. Уже через час поредевшая, но все еще опасная стая двинулась в путь. Волан пока не знал, кто будет его следующей целью, но ясно одно – в его распоряжении серьезная сила. Лишь одно обстоятельство не давало покоя. Все же нужно приобрести жеребенка и начать растить его в общении с Торком, а желательнее не одного. Путешествие на своих двоих сильно изматывает.

Как и ожидалось, взятие ворот не составило особого труда. Двое наемников получили легкие ранения, тогда как большинство обороняющихся либо пали, либо получили серьезные увечья. Прочие, поняв тщетность дальнейшего сопротивления, предпочли сдаться. Отряд сдался, когда их командир, один из десятников, получил тяжелую рану и скатился под ноги наседающим наемникам. Возможно, будь их командиром рыцарь, исполненный чувства долга, все пошло бы иначе. Но такового не нашлось.

Теперь городские стены были полностью под контролем городской стражи, все еще пребывающей в непонятном состоянии. С одной стороны, большинство из них были сильно возмущены действиями короля, с другой – город вроде как добровольно перешел под его руку. От короля Несвижа нет никаких известий. И что прикажете делать? Сражаться против Джефа, не имея никакой надежды на помощь? То, что произошло здесь, в надвратной башне, еще не означает сожжение мостов, ведь в штурме принимали участие лишь наемники Георга. Решимость, еще недавно переполнявшая их, начала ослабевать.

С самими горожанами тоже не все слава богу. Многие негодуют, кто-то выкрикивает призывы порвать проклятых солдат короля Памфии, посмеявших поднять руку на матушку Аглаю. Но опять-таки кричать и действовать – это совсем не одно и то же. Народ волнуется, шумит, но люди пока не готовы к решительному шагу.

Комендант и городской совет заняли правильную позицию. Первый приказал своим людям сесть в глухую осаду и ни при каких обстоятельствах не трогать толпу за стенами. Арбалеты и луки давно снаряжены для боя, но никто не спешит использовать оружие без приказа командира. Члены совета, используя все свое влияние и авторитет, оттягивают момент раздачи оружия и всячески стараются увещевать народ, твердя о том, что королю Джефу направлено послание с просьбой освободить матушку Аглаю. Нужно немного потерпеть, они не сомневаются в том, что тот примет правильное решение.

Отсутствие определенных действий со стороны одних и уговоры других заставляют горожан сомневаться. Люди не расходятся, они шумят, но продолжают топтаться на месте, не имея лидера, способного зажечь их сердца.

Прежний Георг, молодой и бесшабашный, уже давно бы бросился на штурм стен, даже при необходимости драться в одиночку. Другой – тот, что прошел сквозь горнила не одного сражения и научившийся думать не только о текущем моменте, но и заглядывать в завтра, – дождался бы приказа короля об освобождении матушки. Этот приказ неизбежен. Король Джеф не может не знать, что Гийом разбил загросцев и начал перебрасывать армию на юг. В этой ситуации взбунтовавшийся город в тылу представлял для памфийцев опасность. После освобождения матушки Георгу оставалось только увезти ее отсюда. Если потребуется, то и силой.

Но сегодняшний Георг не мог поступить ни одним, ни вторым способом. Да, матушка – это все, что у него есть, но так было до того дня, пока он не узнал о существовании других членов его семьи. Он успел обрести и потерять отца, который хотя и косвенно, но признал его. Он обрел брата, который не знает о его существовании и, как и матушка, нуждается в помощи. И пусть чаяния Гийома направлены на Несвиж, к которому Георг пока не испытывает такой же любви, новоявленный барон Авене готов сражаться за родную кровь.

А матушка... Сейчас она взаперти, но напрямую ей ничто не угрожает. Он уверен, что даже в случае удачного штурма комендант постарается использовать ее как щит, но убивать не станет, – это будет смертным приговором для него и его людей.

Укрываясь в переулках, наемники начали готовиться к предстоящему штурму. Они не сомневаются, что тот последует, и их не пугает предстоящая драка с превосходящими силами противника. В конце концов, они имеют то, чему осажденные не способны противостоять, – особую тактику, дающую уверенность в предстоящем успехе. Надо лишь оказаться на стенах. Но это вовсе не невыполнимая задача. Как раз к этому они сейчас и готовятся, собирая длинные жерди, с помощью которых на стены в одно мгновение будут доставлены бойцы.

Пока одна часть плотников сооружала тараны на стенах, другая занималась изготовлением этих жердей. Кузнецы в спешном порядке изготавливали железные втулки, с их помощью жерди длиной в двенадцать футов соединялись между собой. Наемники уже отработывали подобное на тренировках, раз за разом штурмуя сначала невысокие стенки, а затем и стены замка Гатине. Мало того, в их обозе, оставшемся на лесной ферме, имелся комплект из таких вот жердей, разбиравшихся и без труда транспортированных в повозках.

Их командир такой затейник и столько всего умудряется придумать, что просто диву даешься. Они удивились бы куда сильнее, узнав, что все эти новшества – плод вовсе не его воображения или гения. Ему только доставало мудрости не отбрасывать как бред сумасшедшего идеи, высказанные трусоватым одноногим Сэмом, старшим обозником сотни. В уме ему не откажешь, очень предприимчивый и оборотистый мужик, но чтобы такой что-либо смыслил в воинском искусстве...

На крышах зданий вокруг замка начали занимать позиции снайперы. Дистанция довольно велика, в некоторых местах доходит до ста шагов, хотя в основном не превышает семидесяти. В общем, не то расстояние, чтобы арбалетчики чувствовали себя уверенно, мечи болты по противнику, использующему прикрытия. Но это смотря для каких стрелков. Снайперы чувствуют себя вполне бодро и сейчас деловито обустраивают свои рубежи, чтобы, когда дойдет до дела, вести стрельбу с максимальной скоростью и точностью.

- Сэр Айвен! К вам обращается рыцарь несвижской короны барон Авене!

Георг стоял перед воротами, задрал голову и высматривая в просветах между зубцами того, к кому обращался. Доля риска присутствовала: он мог оказаться легкой добычей как для арбалетов, так и для длинных луков, излюбленного оружия памфийцев. При нем нет щита, голову не венчает шлем, кольчуга на таком расстоянии не сможет сдержать бронебойную стрелу. Но опасность не особо велика, ведь он обращается к рыцарю. Понятия о чести не позволят сэру Айвену убить того, кто вышел на переговоры.

Рыцарю мог прийти в голову еще один вариант: убить барона, из-за которого все началось, а затем сразу выпустить матушку Аглаю. Эдак и приказ короля будет выполнен, и толпа останется умиротворенной. Но тут уж без гарантий.

- Слушаю вас, барон.

- Сэр Айвен, хочу сообщить, что надвратная башня нами захвачена и стены полностью контролируются стражей Хемрода! - Сказав это, Георг махнул рукой, и из толпы вывели десяток пленных солдат, конвоируемых наемниками. - Есть еще пленные, но им сейчас оказывают помощь. Как вы понимаете, на скорую поддержку со стороны короля вам рассчитывать не приходится.

- Ну и чего вы хотите?

- Странный вопрос, тем более что ответ вам известен.

- Хорошо, я отпущу пленницу. Но только при условии, что вы заберете ее и покинете Хемрод.

Вот молодец. Понимает, что пахнет жареным. Он отдает себе отчет в том, что за потерю важного заложника ему грозит гневный выговор, а вот потеря города может стоить куда дороже. А так отпустит женщину, ставшую причиной недовольства, - и горожане успокоятся. Однако было уже поздно. Если бы он высказал это до прихода Георга или хотя бы до того, как тот вышел на площадь, шанс на успех имелся бы, а сейчас он его лишился.

Казалось бы, хороший расклад. Забирай матушку и уходи. Но вот поступить так Георг не мог. Теперь не мог. Потому что есть еще брат, который будет рисковать, рвать жилы ради того, чтобы сохранить королевство в целостности.

Можно поступить и иначе. Вызволить матушку и оставить все как есть. Но и тут он связан. Ведь ему придется дать слово чести. А это уже не слово наемника, тут ступень выше: коли ввязался - будь добр соответствовать. Начинать свой путь в качестве рыцаря и барона с бесчестья никак не хотелось, этому противилась вся его натура. Была и еще одна причина - люди, стоящие за его спиной. Они открыто выказали неповиновение королю, вступившись за матушку Аглаю.

- Нет, сэр Айвен. На такое я пойти не могу.

- Отчего же? Вам не дорога жизнь вашей матери?

Вот странное дело. Парламентера не тронь – это противно чести. Слово свое не нарушай – это противно чести. А угрожать жизни невинной старушки – это нормально. Все-то у этих благородных не как у людей.

- Я дорожу матушкой. Но мне небезразличны и все эти люди, что сейчас находятся за моей спиной. Вступившись за нее, они поставили себя вне закона.

Вот так вот, и никак не меньше. Все собравшиеся на площади слышат его громкий голос, так что до них сейчас доходит смысл содеянного ими.

- Вы лично можете поручиться своей честью, – продолжал Георг, – что король не станет устраивать расследований, судить и карать жителей города за содеянное? Что же вы молчите? Не знаете, что ответить? Тогда отвечу я. Даже если он не устроит разбирательств немедленно, то сделает это позже. Виселицы на этой площади не будут пустовать, а рука палача устанет отсекавать головы осужденных.

За спиной барона зашумела толпа. Люди лишь сейчас до конца осознали, что они на самом деле натворили.

- Мое предложение. Вы покинете город вместе со своими людьми, я отдам вам тех, кто попал в плен в надвратной башне. Все вы уйдете с оружием и с тем, что сумеете унести на себе. С этого дня Хемрод возвращается под руку короля Несвижа Гийома Второго, который разбил загросцев на севере и уже движется на юг. Я даю вам ровно час. После этого я возьму замок штурмом. И пусть его высокие стены вас не успокаивают – мне и моим людям не впервой брать такие укрепления. Что же касается моей матушки – если с ее головы упадет хотя бы волос, я убью вас и всех ваших людей. До единого. Включая и тех, кто сейчас у меня в плену. Я приду к вам домой и вырежу всю вашу родню, как близкую, так и дальнюю. Вы уже знаете, я брал замок Гело, сомневаюсь, что ваш дом – такая же твердыня. Время пошло.

Вообще-то могло показаться глупым то, что он дал столько времени на раздумье. До наступления темноты оставалось всего лишь два с небольшим часа. Ночной же штурм довольно сложен. Они делают большую ставку на арбалетчиков – это неизбежно, учитывая численный перевес обороняющихся. Только так можно получить преимущество. Темнота же резко снижает эффективность стрелков.

Но иного выхода нет. Необходимо время, чтобы закончить подготовку штурма. Нужно до конца убедить горожан, что у них нет иного выхода, кроме как перейти на сторону Гийома Второго, способного по достоинству оценить этот шаг. Дать понять членам городского совета, что им лучше выдержать осаду, дожидаясь несвижцев, а не надеяться на свое положение и на то, что удастся избежать личной ответственности. На такое количество дел часа еще и мало, но время сейчас работает против Георга.

- Сэр Георг, а что это вы сейчас говорили?..

- Что там с королем Гийомом?..

- Почему король Джеф станет нас судить?.. – раздались голоса горожан.

- Тихо! Слушайте меня, жители Хемрода! – взбежав на ступени ратуши и повысив голос, заговорил Георг.

Со стен замка его все еще можно достать, поэтому рядом тут же возникло полдюжины наемников, прикрывающих своего командира от возможной опасности.

- Правда в том, что ни один правитель никогда не простит измены. Король Гийом понимал, что вы стоите перед тяжелым выбором, а потому позволил вам самим принять решение, остаться с Несвижем или покориться Памфии. Именно поэтому вы не нарушили присягу, данную королю Несвижа. Но королю Джефу вы изменили, подняв этот бунт. Так что когда он войдет за стены Хемрода, начнутся суды и казни. Иначе быть не может, и так будет. Я мог бы просто забрать матушку и уйти, сэр Айвен прямо указал на это, но я не могу бросить вас на растерзание Джефу Первому. Именно поэтому я сейчас рискую жизнью той, кто мне дороже всех на свете. Всю свою жизнь она раздаривала себя вам, и я не могу предать ее, бросив вас в столь тяжкий момент. - Дьявол! Вот оно! Несвиж, брат, матушка - все верно, но главное - он не мог предать вот этих людей. - Гийом Второй наголову разбил загросцев на севере, и сейчас с ними уже подписан мир. Его армия направляется сюда, чтобы прогнать того, кто принес смерть и разорение в эти земли, того, кто готов опустить свою карающую длань на вас. Нет у нас выбора! Только сражаться на стенах города, пока не появится король Гийом!

- А он появится?

- Даже не сомневайтесь. Он отличный полководец. Я видел, как он сумел спасти остатки армии от полного разгрома в сражении у реки Гуры, когда казалось, что несвижцев уже ничто не спасет. В очень сложный момент командование перешло к нему, но он справился так, как дано далеко не каждому умудренному опытом командующему. Идите в арсенал, вооружайтесь, расходитесь по отрядам, в которые приписаны. Ваша жизнь сейчас только в ваших руках.

- Но кто будет нами командовать?!

- В городе нет несвижских рыцарей!

- Как это - нет?! А мы что же, просто вышли на прогулку?!

Все трое рыцарей, несмотря на затаенную обиду, все же присоединились к Георгу и сейчас находились в городе. То, что произошло между ними, - это личное; то, что происходит сейчас, - это исполнение долга рыцаря короны и вассала короля. Вот разберутся с ситуацией, а там можно и по счетам спрашивать.

Толпа вновь заволновалась, пришла в движение, послышались выкрики. Стало очевидно: народ постепенно смещается к арсеналу. Это не могло не радовать, теперь дело оставалось за малым - заставить совет отдать приказ открыть арсеналы, все еще охраняемые стражей, пока не принявшей окончательно ничью сторону.

- Что все это значит? На что вы толкаете людей?! - Едва Георг и рыцари оказались в зале совета, как на него тут же набросился глава совета, находившегося здесь в полном составе.

- Господин Марк, господа члены совета, я вассал короля Гийома Второго, барон Авене, и являюсь представителем короны. Все, что сейчас я говорю, я говорю от имени короля. Думаю, мне нет необходимости повторять сказанное на ступенях ратуши. Для вас хочу добавить, что решение, принятое королем пару месяцев назад, было не актом трусости или нерешительности, а актом милосердия, заботы о Хемроде. Но сегодня ситуация меняется. Нужно ли объяснять, что на самом деле означает поражение Загроса? Бесфан уже давно собрал свои полки, но из-за порочной политики покойного государя пребывает в нерешительности. Как думаете, чью сторону примут они после того, как Несвиж разобьет Памфию? Станет ли действовать король Джеф так же, как поступил в свое время Гийом,

предполагая возвращение города под свою руку? Как поступит король Гийом, когда вы, имея возможность дожидаться его прихода, опять откроете ворота памфийцам?

- Сначала нужно разбить памфийцев, чтобы бесфанцы пришли на помощь несвижцам, иначе они и пальцем не пошевелят, - покачав головой, возразил глава совета. - Отсюда и вся ошибочность ваших рассуждений. Что же касается разбирательства по поводу бунта, то король Джеф может явить милость, и у нас есть основания так думать. Забирайте матушку, господин барон, и уходите. Мне кажется, это будет лучшим выходом.

- Да как вы смеете?! Вы давали присягу королю Несвижа!..

- Успокойтесь, сэр Рид, - оборвал самого молодого из рыцарей сэр Артур. - Король сам освободил их от присяги.

- Именно. Перед королем Гийомом мы чисты. С королем Джефом ситуация иная.

- Не все так просто, господин Марк. Вы сомневаетесь в победе несвижцев, и вас можно понять. Но ведь вы неглупый человек. Насколько увеличится шанс на победу Гийома, если в тылу у Джефа окажется представляющий опасность город? Как вы думаете, будет ли король благодарен за такую услугу? Ведь он уже показал, что не обделен здравомыслием. Не где-то там и когда-то, а недавно - и именно на жителях Хемрода. Город может получить льготы и привилегии. Риск, конечно, есть, но он не так велик, как может показаться. У короля Джефа имеются под рукой осадные машины, но их применение означает потерю времени, которого у него нет. Остается лишь штурм с ходу. Ну, может быть, с использованием подвижных башен. Но два-три штурма мы точно отобьем - вы сами знаете, в каком состоянии находятся укрепления города и насколько подготовлено ополчение. А там и Гийом подойдет.

- Господа, я считаю, доводы господина барона вполне убедительны, но хотелось бы выслушать ваше мнение.

Зал тут же наполнился тихими голосами переговаривающихся между собой членов совета. Но Георг уже знал, что решение будет принято верное. Он знал это с самого начала. В зале имела охрана из десятка стражников, но противостоять шестерым наемникам, вошедшим вместе с Георгом, и четырем рыцарям они не могли, не та подготовка. По сути, он изначально давил на совет силой, но давал им возможность сохранить лицо и оставлял единственное направление, в котором они могли отступить. Сэр Артур это хорошо прочувствовал, поддерживая игру своего временного командира.

...Кто бы сомневался, что совет примет правильное решение. В арсенал тут же помчался посыльный с приказом открыть ворота и начать раздачу оружия. Город готовился к осаде. Рыцари прямо в зале совета получили свои назначения на командование отрядами и убыли к месту сборов в полном одиночестве. Георгу нужен каждый из его людей, и он не собирался ими разбрасываться. Ему еще предстояло разобраться с противником, засевшим в замке. В том, что памфийцы не сдадутся, он не сомневался ни на мгновение. Выдвинутый ультиматум нужен был скорее ему, чтобы выиграть время и расставить все фигуры по своим местам.

Возможно, сэр Айвен все это прекрасно понимал, но предпринять что-либо был не в состоянии. Вывести своих людей из замка и напасть на горожан он не мог: тогда толпа получила бы тот самый толчок, которого ей не хватало для решительных действий. Без сомнений, потери среди бунтовщиков были бы огромные, но они однозначно задавили бы солдат. Айвен вынужден был обороняться и наблюдать за происходящим вокруг.

Вообще-то это была его ошибка. Если бы он начал обстрел толпы, то, несомненно, вызвал бы

стихийный штурм, во время которого сумел бы нанести серьезный урон, а главное – выиграть время до темноты. Подобным стихийным буйством просто невозможно руководить, а значит, рассчитывать на успех не приходится. Тогда Георгу пришлось бы отложить штурм до рассвета, и это время работало бы на сэра Айвена.

Срок ультиматума истек. Памфийцы ожидаемо ответили отказом. Но это неважно. Отряды ополчения уже начали формироваться на пунктах сбора. Король Джеф все еще не появился, успеть можно многое. Сейчас основная задача – удачно провести штурм. На все про все чуть больше часа. Начали!

На площади появляются повозки с наращенными с одной стороны бортами и необычно длинными оглоблями. За этим своеобразным прикрытием тут же занимают позиции наемники с арбалетами в руках. Осажденные начинают их обстреливать, но пока безрезультатно. Расстояние – около пятидесяти шагов. Основное метательное оружие обороняющихся не отличается большой точностью и не так удобно, как арбалет. К тому же нападающие не идут на штурм плотными рядами. Их вообще не так много, как можно было ожидать, здесь нет ни одного горожанина.

Немалую роль в снижении эффективности обстрела сыграли снайперы. Как только прозвучал сигнал горна, возвестивший о начале штурма, засевшие на удобных позициях стрелки начали методичный, поражающий своей точностью отстрел обороняющихся. Любой рискнувший показаться в поле их зрения тут же получал болт. Кто-то падал замертво, кто-то получал ранение, но все это вело к уменьшению количества защитников замка. С такой опустошительной стрельбой памфийцам пока сталкиваться не приходилось.

Вносили свою лепту и те, кто занял позицию за повозками. Тут, конечно, нередки были промахи, но точность стрельбы говорила об изрядной практике арбалетчиков. Или не арбалетчиков? Кого вообще из своих людей сотворил сэр Георг, этот странный наемник, заставивший весь свет говорить о своей сотне?!

Наконец наступает момент, когда хлопки арбалетов и звон тетивы луков слышатся все реже и реже. Памфийцы предпочитают лишний раз не высовываться – вероятность получить болт очень высока. Наемники не пускают болты попусту, а делают это, только когда уверены в точности выстрела. Все говорит о том, что штурм будет осуществлен со стороны главных ворот замка и сейчас осаждающие стараются прижать обороняющихся убийственно точной стрельбой.

Сэр Айвен сосредоточивает здесь основные силы. Люди не подставляются почем зря, но готовы к тому, что противник пойдет на штурм. Тогда они сойдутся в рукопашной, где арбалеты наемников уже будут бесполезны.

И вдруг доклад о том, что на противоположной стороне, в переулках, замечено небольшое количество вооруженных людей, старающихся остаться незамеченными. Также обнаружена пара штурмовых лестниц. Да, немного, но кто сказал, что их действительно мало? Ясно, что противник старается скрытно подготовиться к штурму с противоположной стороны силами ополчения, пока наиболее опытные наемники своим присутствием и обстрелом отвлекают гарнизон замка.

Проклятье! Конечно же отвлекают, ведь здесь не видно ни одной лестницы. Они что, собираются взлететь на стены, как птицы? Или лестницы находятся в переулках? Но это глупо. Зачем ненужный риск с метанием туда-сюда и вероятностью попасть под обстрел?.. В переулках сосредоточены отряды ополченцев? Вряд ли, у них всегда плохо с дисциплиной. Они

бы уже как-нибудь себя проявили, как это произошло совсем недавно.

Времени просто в обрез. Сэр Айвен отдал приказ о перераспределении гарнизона. Теперь основная часть направлена на противоположную сторону. Только бы успеть до начала штурма. Только бы успеть! Но страхи оказываются напрасными. Он успевает перебросить силы. Конечно, от обстрела они понесли значительные потери, но это пока не критично. У них вполне достаточно сил, чтобы остановить слабо обученную и слабо организованную толпу городского ополчения. Этот сэр Георг перехитрил сам себя. Сделать основную ставку не на своих проверенных и закаленных в боях воинов, а на этот сброд. Глупец!

Что за дьявольщина?! Что этот новоявленный барон еще удумал?! Из-за повозок вдруг появились четыре странные группы с теми самыми несуразно длинными и тонкими оглоблями. Один держит оглоблю за передний конец, другой конец поддерживают сразу трое. К этому моменту повозки уже примерно в двадцати шагах, с этого расстояния до них по-прежнему не добраться из машикулей. При такой длине шестов наемники, располагающиеся впереди, оказались менее чем в десятке шагов от стены. Пробежав это расстояние в шаге от стены, они подпрыгнули и, толкаемые при помощи шестов своими товарищами, в одно мгновение взлетели на вершину стены и оказались между зубцами справа от надвратной башни. Некоторое препятствие представляют собой машикули, но шесты сделаны с запасом, поэтому бегущие по стене без особого труда взбираются на эту своеобразную ступень, слегка подпрыгнув. Не ожидавшие ничего подобного памфийцы еще не пришли в себя, а на них уже обрушились удары мечей, выхватываемых из-за спин нападающих.

Бойцы с шестами отбегают назад, и едва первая четверка оказывается на боевой площадке стены, как наверх доставляется следующая партия, потом еще и еще. Поняв наконец, что именно происходит, памфийцы пытаются начать обстреливать штурмующих, им даже удается подстрелить одного из них, но это единственный положительный результат. Стрелки, стерегущие каждое движение между зубцами стены и башен, точными выстрелами разят тех, кто пытается выглянуть из-за зубцов. Из машикулей можно поразить лишь тех, кто непосредственно под стеной, но в этом месте наемники движутся слишком стремительно.

Двум десяткам бойцов, заброшенным наверх, удается завладеть башней, забаррикадироваться и открыть ворота, в которые тут же хлынула почти вся сотня. Памфийцы попытались добраться до дверей башни, но у них не было времени на изготовление тарана, и не нашлось под рукой даже элементарного бревна. На улице, выходящей на площадь, напротив центральных ворот видна толпа ополченцев, сбивших что-то похожее на строй и кое-как прикрывшихся щитами. Вояки еще те, но ничто не помешает им ворваться в распахнутые ворота, к которым наемники не подпускают памфийцев, и задавить противника массой. Тут уж потери будут явно меньшими, чем при штурме стен.

Однако Георг не торопится отдавать приказ на начало штурма. Вместо этого он выбрасывает белый флаг, призывая к переговорам, хотя до наступления темноты остается едва ли полчаса. Призыв не остается незамеченным. Сэр Айвен приближается к башне, сопровождаемый солдатом, на копье которого болтается кусок светло-серой ткани (может, она когда-то была белой, кто знает).

- Сэр, я по-прежнему предлагаю вам и вашим людям выйти из города на тех же условиях. Учитывая то, что ворота полностью контролируются моими людьми, это щедрое предложение. И не надо прикрываться моей матушкой, не плодите грешные души, переполненные жаждой мщения. Ваше решение.

- Мне нужно подумать.

- У вас было достаточно времени на это. Ваше решение - здесь и сейчас.

- Хорошо. Я согласен.

- Отлично. Прикажите вашим людям собирать все свои пожитки и выходить на замковую площадь. Через пять минут первые должны быть уже там, через десять - все.

- Но у нас раненые.

- Я предлагал обойтись без этого, вы отказались. Вопрос закрыт. Вы теряете время, а отсчет уже пошел.

- Мы еще сочтемся, барон Авене.

- Всегда к вашим услугам, сэра Айвен барон Грос.

Памфийцы почти уложились в отведенное время. Георг не стал заострять на этом внимание, главное, что первые солдаты уже начали выходить на площадь, а значит, о том, чтобы продолжить сопротивление, не может быть и речи. Когда последний солдат покинул пределы замка, бывший гарнизон города двинулся к воротам, сопровождаемый ополченческими отрядами. У ворот к ним присоединились плененные ранее, и наконец последний памфийский солдат был препровожден за стены города, который уже вовсю готовился к предстоящей осаде под руководством троих рыцарей.

Каким бы ни было отношение бывших пленников барона Гело к Георгу, они прекрасно понимали, что им выпал редкий шанс отличиться перед королем. Поэтому со всем пылом, присущим молодости, они принялись за исполнение своих обязанностей, прикладывая максимум усилий и припоминая все, чему их когда-либо учили и что им удалось увидеть за свою жизнь. Оказаться на слуху короля - это замечательно, но куда лучше предстать в качестве тех, кому удалось удержать осажденный город под его властью.

Георг во всем этом пока не принимал участия. Он спешил на встречу с матушкой. Как сообщил памфиец, ее содержали на первом этаже донжона. Туда-то он и направился, едва последний солдат покинул пределы замка.

- Прошу вас, господин барон. Прошу сюда. Не извольте беспокоиться, я как мог поудобнее расположил матушку. У нее все самое чистое, еда и вода свежие. Если бы не эта заваруха, было бы еще свежее, но я не мог покинуть пределы замка.

Бедолага надсмотрщик, разумеется, никуда не мог деться от своих камер и заключенных. Он, как и замок, перешел сначала в руки памфийцев, а затем опять к несвижцам. Прямо как в той байке, что рассказывал Рем. Георг выслушивал лебезящую скороговорку с толикой презрения, уж больно отталкивающая личность, да еще и сама обстановка. Тюрьма - и его матушка... Это просто не укладывалось в голове.

Проходя мимо столика, за которым сидел надсмотрщик, и обратив внимание на ту бурду, что была в его миске, а также на ту грязь, что царил вокруг, он решил, что понятия о чистоте и свежести у всех разные. Но как же Георг был удивлен, когда дверь камеры, где содержалась Аглая, отворилась. Нет, какое бы понятие этот жирный слизняк ни вкладывал в слова «чистота» и «свежесть», здесь он и впрямь превзошел сам себя.

Камера действительно была чисто прибрана. Тут не просто чисто подмели, но еще поработали и мокрой тряпкой. Каменный пол не был таким с самого строительства. Постели не

наблюдалось, но имелся большой ворох свежей соломы и набитый ею же матрац, вдобавок ко всему застеленный белой простыней. Сверху лежала мягкая подушка, прикрытая теплым одеялом. Сама камера – сухая, воздух в ней незатхлый. Как видно, ее проветрили, прежде чем определить сюда пленницу. На чисто выскобленном столе стоит светильник, освещающий снесь, которая совсем не похожа на ту, что была на столе самого тюремщика. Еда, конечно, не первой свежести, но, скорее всего, вчерашняя, закупленная еще до осады.

Георг отмечает обстановку лишь краем сознания. Все его внимание сосредоточено на женщине, сидящей на импровизированной постели с большим матерым котярой на руках. Кот блаженно щерится под ласковыми поглаживаниями. Аглая не сводила взгляда с зарешеченного окошечка, из которого видно уже посеревшее сумеречное небо. Наконец она переводит взгляд на дверь и встречается взглядом с сыном, который не в состоянии произнести ни слова из-за спазма, сдавившего горло.

- Георг. Приехал. Как я рада! Ты заберешь меня отсюда?

Не выдержав, парень рухнул перед женщиной на колени и зарылся лицом в подол ее платья, из-под которого тут же раздался его приглушенный плач.

- Сыночек, ты почему плачешь?

- Прости меня, матушка. Прости, что не сумел тебя защитить.

- Мне не сделали ничего плохого. Сначала я не хотела идти в гости. Но потом Брэн и Лана так хорошо меня приняли, что я не смогла им отказать и согласилась немного погостить. Они хорошие и заботливые, но знаешь... Я хочу домой. Брэн, мальчик мой, ты не обидишься?

- Нет-нет, что вы, матушка Аглая. Как можно. Дома – оно всегда лучше.

- Не обессудьте, если что не так, матушка Аглая. Мы честь по чести старались, чтобы вам было хорошо.

А это еще что такое? Георг оторвался от подола матери, справился с охватившими его чувствами, утер слезы и обернулся к двери. Там стояла толстая бабища, такого же затрапезного вида, как и надсмотрщик, и столь же «привлекательная». К ее юбке жмутся двое мальчиков лет четырех-пяти, но чистые и пригожие, в отличие от родителей. Все понятно. Наверняка у них на территории замка имеется каморка, где они обретаются, но, предвидя штурм, надсмотрщик решил укрыть семью в самом безопасном месте – в тюрьме. Так вот чьими заботами его матушку устроили со всеми возможными удобствами. Даже кота где-то раздобыли, чтобы крысы не досаждали заключенной.

- Лана, вижу, деток ты помыла и придела, а сама что же?

- Я не успела, матушка Аглая, но я обязательно. И Брэна – обязательно.

- Смотри у меня. Я вас еще навещу.

- Брэн, спасибо за заботу о матушке. Я этого не забуду, – когда Аглая направилась к выходу, произнес Георг.

- Как можно, ваша милость! Разве я родом не из Хемрода? Дык я за матушку Аглаю... Я тут уж думал... Тут один сиделец, он из верховных воров... Если бы... Дык я думал, его того... За стены, а там они что-нибудь удумали бы... А я... Я не... Ну, в общем...

- Спасибо.

- Дык завсегда с радостью.

Барон Авене брел по вечерней улице, возвышаясь, как башня, над щуплой Аглаей и слушая ее беспрерывный щебет. Она в обычной своей манере говорила обо всем и ни о чем, перепрыгивая с одного на другое без какого-либо порядка. Время от времени ее отвлекали подходящие горожане, которые, едва рассмотрев, кто именно идет по улице в сопровождении десятка солдат, тут же спешили засвидетельствовать ей свое почтение.

- А меня на днях дочка навещала, - вдруг ни с того ни с сего выдала матушка, разом позабыв про кота, о котором только что вещала.

- У тебя много дочерей, матушка.

- Нет, такая одна. Она роднее. Она такая... Такая... Хорошая. Вот только я проснулась, а Адели уже нет. Ты разыщешь ее?

Адель? Конечно, это могла быть и другая девушка, ну мало ли какая Адель забрела к знаменитой целительнице за помощью? Да нет же, точно другая. Что баронессе Гринель делать в ремесленном квартале? Проблем, заставивших обратиться к дару матушки, у нее вроде не наблюдалось. Но вот отчего-то сердце екнуло так, что все эти мысли были отмечены в сторону. А как она могла узнать, кто именно его матушка? Кто-то проговорился? Тогда получается, что она сообщила о матушке этому змею, барону Клоду. Нет. Не может быть. А почему, собственно говоря, не может? Ведь она ненавидит его. Волколаком называла. Но вот отчего-то разозлиться на нее по-настоящему не получалось.

- Кхм... Я обязательно разыщу ее, матушка. Не сомневайся.

- Обязательно разыщи. Мне с ней так было хорошо. Я по ней уже скучаю.

- Как такое могло случиться, барон?! Разве ты не получил мой приказ об освобождении этой умалишенной?

- Нет, ваше величество. Был только приказ об ее аресте.

- Кстати, он, надеюсь, с тобой?

- Да, ваше величество. Вот он.

Сэр Айвен протянул свиток с висящей на нем восковой печатью красного цвета. Подобным образом мог быть отмечен только документ за королевской подписью. Джеф Первый мельком взглянул на пергамент, после чего передал его барону Клоду, стоявшему за его спиной. Тот уделил свитку куда больше внимания, а затем, не сдержав вдоха, произнес:

- Подделка.

- Я это и без тебя знаю, Клод, - резко бросил король.

- Но очень хорошая подделка, ваше величество. Любой принял бы этот указ за чистую монету. Только знающий тонкости нашел бы отличия в печати и вашей подписи. Трудно ожидать подобного от барона Гроса.

- Но что же стало с посланцем? Ведь его сопровождали два десятка солдат. Он должен был успеть.
- Разрешите, ваше величество? – осмелился вклиниться сэр Айвен.
- Что еще, барон?
- По пути сюда мы обнаружили перебитый отряд примерно из двух десятков всадников. С трупов ничего не взято, а судя по ранам, на них напала стая волков.
- Стая волков? Волколак? – недоуменно поинтересовался барон Клод.
- Это мне неизвестно.
- Можете идти, барон, – отпустил вассала король, а затем обернулся к своему главному шпиону. – Клод, одна ошибка за другой. Твои промахи могут стоить мне победы в этой войне. Как ты мог, предвидя все это, проморгать такой поворот?
- Всего предусмотреть невозможно, ваше величество...
- Мне не нужны твои жалкие оправдания, мне нужен результат. Пока же ты только проигрываешь, а из-за этого могу проиграть и я. Ты понимаешь это?
- Понимаю, ваше величество.
- Понимает он. И что теперь делать? Я слушаю, барон.
- Боюсь, теперь мало что зависит от меня. Сейчас все в руках вашего величества и ваших солдат. Хемрод будет обороняться, и все зависит от того, насколько быстро вы сможете его взять и какие при этом понесете потери.
- Значит, опять мне подтирать за тобой, Клод.
- Нужно торопиться. Если это дело рук барона Гатине, то следует ожидать, что он снимет солдат из пограничных замков и направит в Хемрод. Много ему не набрать, но даже три сотни сильно склонят чашу в сторону Несвижа. Если это произойдет, то я вижу только один выход – начинать переговоры о мире.
- Ты издеваешься, Клод? Моя армия значительно превосходит армию этого молокососа. И я должен начать переговоры?
- Ваше величество, это вынужденная мера, но необходимая. Штурм города, где найдется несколько сотен проверенных бойцов и где сосредоточено многотысячное ополчение, сильно ослабит наши силы. К тому же весь расчет делался на то, что Бесфан останется в стороне. Однако в свете последних событий у меня возникают серьезные опасения по поводу нейтралитета бесфанских баронов.
- Поди прочь, Клод, пока я тебя не прибил.

Барону оставалось лишь отвесить поклон и ретироваться, так как король явно был на взводе. А как он мог оставаться спокойным, когда так удачно начавшаяся кампания трещала по всем швам? Где они откопали этого наемника?! Во многом именно действиям этого отряда наемников король Джеф обязан своими неприятностями. Сначала этот наглец умудрился нанести большие потери в короткий срок. Потом предпринял рейд в глубь Памфии и

всполошил практически все королевство. Но он не остановился на достигнутом, а пошел дальше – выследил и захватил его дочь. Этим он окончательно вывел короля из равновесия и заставил отвлечь значительные силы, а самое главное, потерять драгоценное время. Под конец он украл у него город.

Король едва сдерживался, чтобы не отдать приказ об аресте своего подручного по тайным делам. Во многом именно благодаря тому, что барон позволил Несвижскому Псу обойти себя, ситуация складывалась далеко не в пользу Памфии. Трудно винить Клода в том, что он поддался барону Гатине. Тот обладал десятилетиями опыта в подобных делах и был по-настоящему серьезным противником даже для загоросцев, признанных лидеров в шпионском деле.

Клод весьма хорош, но все же уступает этому старому лису. Он совершенно точно просчитал возможные последствия ареста этой умалишенной и предостерег своего короля от необдуманных действий. Он не учел одного: возможности того, что Гатине бросится со всех ног в эти края, хотя по всему выходило, что он должен был приложить все усилия, чтобы обезопасить королевство на севере.

Не снимал король ответственности и с себя. Он позволил чувствам возобладать над разумом, когда в опасности оказалась Адель. Глупость и блажь, непозволительные для монарха. Но ведь она его дочь, она королевской крови, пусть даже и незаконнорожденная. Самое противное то, что этот барон Авене до последнего не знал, кого именно захватил в плен. Слово Господь выступал на его стороне, направляя в нужную сторону.

Именно король начал возню с этим наемником, а ведь должен был просто отмахнуться, как от назойливой мухи, и продолжать кампанию. Не заостри он внимание на этом выскочке – и сейчас Хемрод продолжал бы оставаться под его рукой, а армия, вместо того чтобы отступить, продвигалась бы вперед, к старым рубежам, восстанавливая прежние границы королевства и окончательно отсекая Бесфан от Несвижа. Но случилось то, что случилось. Все эти ошибки, сливаясь в одно, вели к неминуемому поражению.

- Что ты об этом думаешь, Джон? – тяжело опершись на походный столик и глядя в пустоту, спросил король у кронпринца, все это время находившегося в дальнем углу шатра.

- Думаю, барон Клод прав, отец. Мы должны немедленно выдвигаться к Хемроду. И если там появились сколь-нибудь значительные подкрепления, надо начинать мирные переговоры. Я, конечно, не сомневаюсь, что нам удастся разбить Гийома, но у бесфанских баронов такой уверенности нет. Они, скорее всего, выступят на стороне своего союзника. Своевременно нанесенного совместного удара нам не выдержать.

- Что ж, так и поступим. Отдавай приказ на выдвижение к Хемроду.

Терять время на седлание коня было бессмысленно. За это время Георг вполне мог добежать до восточных ворот и самостоятельно. От трактира, где он решил переночевать, чтобы быть поближе к матери, до восточного выхода не слишком далеко. Вот он и припустил бегом, вместе с оруженосцем. Остальные сопровождавшие его оседлают лошадей и подъедут следом.

Можно было особо и не спешить. Раз уж отправили посыльного с вестью о приближении воинского отряда, значит, там все в порядке и служба несется исправно. Штурм прямо с марша противник не начнет, так что время есть. Но хотелось побыстрее взглянуть на происходящее, оценить ситуацию и иметь хотя бы лишнюю минуту на осмысление. Последние события показали, что времени всегда не хватает и даже минимальный запас лишним не будет.

Когда Георг взбежал на надвратную башню, то столкнулся с сэром Ридом, который командовал обороной на этом участке. А точнее, напоролся на его осуждающий взгляд. Ну и что такого недостойного в поведении командующего обороной города увидел этот молодой человек? Господи, сам мальчишка мальчишкой, а туда же!

- Сэр, ничего страшного не произошло. Разве посыльный не известил вас о том, что появился незначительный воинский отряд? - приблизившись вплотную, так чтобы не слышали подчиненные, с явным осуждением произнес парень.

- Именно это он и сообщил.

- Так что же вы бегаєте по улицам, словно случилось что-то немыслимое? Эдак люди, глядя на вас, в панику ударятся, чего доброго.

Слова самого молодого из рыцарей заставили Георга покраснеть. А что тут скажешь, если парень прав. Бросив короткий взгляд в сторону улицы, по которой только что пробежал как ошпаренный, он увидел людей, высыпавших из домов. В основном это были всполошившиеся мамы: они созывали детей и, тревожно озираясь, загоняли их в дом. Практически все мужское население сейчас в ополчении и находится либо на стенах, либо квартирует неподалеку от участков, где им предстоит сражаться, проводя основное время в тренировках.

Хм... Что-то он погорячился. Особую досаду вызывал тот факт, что замечание ему сделал мальчишка, который не видел и сотой доли того, что успел повидать Георг. Впрочем, и ответственность, подобную этой, он на свои плечи еще ни разу не взваливал. Шутка ли - судьба всего города, а главное, его жителей.

- Докладывайте, сэр Рид, - решив не заострять на произошедшем внимания и сделав себе зарубку в памяти, произнес барон Авене.

- Собственно, пока не о чем докладывать, сэр. Как изволите видеть, появился конный отряд примерно в пять сотен копий. Судя по всему, они одни.

Тут он прав. Георг уже внимательно вглядывался в приближающуюся колонну. Всадникам нужно пройти еще примерно с милю, прежде чем удастся распознать принадлежность войск. Но несвижцам тут делать нечего, так что ответ вроде очевиден. Хотя решительно непонятно, отчего воины приближаются с востока, тогда как им положено появиться с севера.

Наконец от основной колонны отделилась группа примерно в два десятка всадников с развевающимся над ними белым полотнищем. Что ж, переговоры - это хорошо, потому как внесут какую-то ясность. Вот воины приблизились настолько, что внимательно всматривающийся в них Георг удивленно вскинул брови. И было чему удивиться. Человек таких героических пропорций - довольно редкое явление. Неужели... Отряд приблизился, и Георг в недоумении обратил взгляд на ничего не понимающего и вопросительно смотрящего на него рыцаря:

- Вы что-нибудь понимаете, сэр Рид?

- Признаться, не очень. У вас такой вид, будто вы кого-то узнали и крайне удивлены этим.

- И вы правы. Тот рыцарь, что возглавляет отряд парламентаров, - барон Гатине.

- Несвижский Пес?

- Только не говорите это при нем. Он гордится своим прозвищем, но не любит, когда его поминают на всех углах. Прикажите подготовить подъемник, чтобы доставить его на стену.

- Разве мы не откроем ворота? Это же...

- Вот видите, все же была причина поспешить, сэр Рид. Вы бы открыли ворота, чтобы его впустить?

- Ну, не знаю... Наверное, да. Это же барон Гатине, перед ним всегда и в любое время открываются все ворота в королевстве.

- И были бы неправы. Мастера стараются не лезть в дела людей, но есть такие - их прозывают темными, - которые за плату могут сделать многое. В частности, зачаровать кого-то, перед кем, так или иначе, открываются все ворота. Не все, что видят наши глаза, является таковым и в действительности. Запомните это, сэр Рид.

- Я барон Гатине! Желая говорить с вашим командиром! - послышался голос Жерара из-под стены.

- Приветствую вас, барон!

- Георг?! Это ты?!

- Барон Авене к вашим услугам.

- Тогда, может, откроешь ворота ипустишь меня?

- Мост опустим, а вот с воротами немного обождем.

Со стены спустили веревку с доской, укрепленной таким образом, что она походила на лавку. Глянув на эту конструкцию, а затем бросив взор на стену, откуда за ним наблюдали защитники города, барон ухмыльнулся и начал прилаживаться к неудобному сиденью.

- Ну и зачем нужно это кривляние?

- Хочу взглянуть в ваши честные глаза, господин барон. В прямом смысле этого слова.

- Хм... Ясно. Гляди.

- Сэр Рид, прикажите открыть ворота ипустить солдат короля Гийома, - убедившись, что имеет дело не с зачарованным, приказал Георг. - Сколько вас, барон?

- Пять сотен. Все, что смог наскрести на границе за имеющееся время. Но, думаю, этого хватит с лихвой.

- Пожалуй, что и так.

Пока они спускались со стены, улицы начали наполняться ликующими криками, которые разносились в разные стороны по улицам и переулкам, неся всем жителям радостную весть. Король Гийом не забыл о них! Он прислал подкрепление! Скоро он и сам будет здесь! Они не одиноки! Да здравствует король Гийом!

Кони были уже у выхода из башни, так что воинам оставалось только взгромоздиться в седла и направиться в замок, где вскоре должны были собраться и все остальные командующие

воинскими соединениями. Появились новые силы, новые лица, имеющие куда больший опыт в воинском деле, а потому перемещение лиц по должностям было неизбежным, как ни обидно могло это быть для тех, кто, собственно говоря, отбил город у короля Джефа.

Совещание продлилось до обеда. Как и ожидал Георг, командующим гарнизоном Хемрода остаться ему было не суждено. Впрочем, он не больно-то расстроился по этому поводу. Он был хорош в нападении, в организации засады, в командовании своей сотней, а осада и оборона имели столько тонкостей, которым ему еще нужно учиться и учиться.

Ему не давало покоя другое. С момента появления барона он все время думал о происходящем и никак не мог найти ответ, который бы пролил свет на события. Помощь подошла как нельзя кстати. Но такого просто не могло быть. Неужели...

- Ну что, мой мальчик, надеюсь, ты не обиделся? - дружески хлопнув Георга по плечу, поинтересовался барон Гатине.

- Нет, все справедливо. Мы можем говорить открыто?

- Мои люди контролируют этот зал, но голос лучше все же не повышать.

- Ясно. Барон, а как вы так скоро оказались здесь?

- Ты забыл, кто я, мой мальчик, - с довольной улыбкой произнес Жерар.

- Отчего же, очень даже помню. Но даже вам не под силу за столь короткий срок собрать пять сотен конных бойцов на границе графства Гиннегау, где каждый воин на вес золота. И уж тем более - успеть совершить марш на такое расстояние, да еще и без сменных лошадей. Я никогда не командовал слишком большими силами, но представление о переходах и трудностях, связанных с этим, имею. Подобное возможно лишь при одном условии... Вам было известно о намечающихся событиях раньше, чем они начались.

- Георг...

- Ты сделал мою матушку разменной монетой в своих играх. Я ведь говорил, чтобы ты не смел к ней приближаться.

На барона Гатине сейчас взирали глаза, полные ненависти. В этих глазах сейчас отчетливо был виден истерзанный труп Несвижского Пса. Не сказать, что Жерар испугался, - как ни крути, но он тоже чего-то да стоил, даже с учетом талантов Георга. Но вот драться ему категорически не хотелось. Мало того, он желал сохранить дружеские отношения с Георгом. Сомнительно, что из этого что-то получится, но попытаться все же стоит.

- Не лапай меч, парень. Если тебе так уж хочется, то я тебе обещаю, что мы с тобой сойдемся в поединке и на том оружии, которое выберешь ты. Но сначала мы поговорим. Если пойдем друг друга - хорошо. Нет - тебе придется подождать до конца кампании.

- Думаешь обвести меня вокруг пальца? Считаешь себя самым умным?

- Помилуй бог. Если бы я был самым умным, то этот пройдоха Клод не обошел бы меня на кривой кобыле, а ты никогда не догадался бы, что все это моих рук дело.

- Значит, все же ты?

- Пустой вопрос. Ты и так знаешь, что я. Остается только выяснить почему.

- И почему же?

- Потому что это была уникальная возможность переломить ход всей кампании одним махом. Но если ты думаешь, что это я подбросил барону Клоду сведения о твоей матушке, то ошибаешься. Я просто воспользовался ситуацией.

- Если не ты, то кто?

- Баронесса Гринель. Нет, Георг, она не хотела этого. Мало того, она никому и слова не сказала о том, где и с кем провела ночь. Она просто не подумала, что ее ни под каким предлогом не оставят без наблюдения. Остальное все случилось само собой. Я надеялся, что дальше события будут развиваться так, как я и предполагал. Как только выяснилось, что о матушке Аглае стало известно памфийцам, я начал собирать силы. Но Клод оказался умным сукиным сыном – он не стал ее арестовывать, ограничившись тем, что взял ее под плотное наблюдение, дабы выманить тебя. Они надеялись, что им удастся держать ситуацию под контролем, даже если ты захочешь ее выкрасть. Но я знал, что им тебя не остановить. Ты увез бы мать и смог бы уйти от погони. Тогда я спровоцировал ее арест. Не смотри на меня так. Памфийцы не дураки, чтобы дурно с ней обращаться. Георг, пусть она не помнит своего прошлого, но она не перестает быть потомком древнего рода, веками служившего Несвижу. Она вдова короля, и ее долг – жертвовать всем во благо своего народа.

- Ты-ы!..

- А ты?! Чем ты лучше меня? Ведь сэр Айвен предлагал тебе выпустить Аглаю и проваливать на все четыре стороны. Почему ты не поступил так? Молчишь? Ну так я отвечу. Кровные узы, сыновний долг – это серьезно. Но ты не смог взвалить на свои плечи и плечи своей матушки груз ответственности за ту кровь, которая непременно пролилась бы с пришествием короля Джефа за измену, учиненную жителями этого города. Ты не смог бросить тех людей, которые пошли на открытое неповиновение, вступившись за дорогого им и тебе человека. Судьба распорядилась так, что ты встал на службу этим людям, и твой долг – остаться и защищать их. Не Несвиж, не короля, не матушку, а горожан. Так что ты ничем не лучше и не хуже меня, мы одинаковы. Просто ты еще не научился думать обо всей стране. Но придет время, и это в тебе проснется. Не может не проснуться, оно уже просыпается, потому что это твой долг по рождению, и ничего ты с этим не поделаешь.

Глава 6

Родовое гнездо

Авене. Положа руку на сердце новый барон признался сам себе, что ожидал чего-то большего. Нет, он, конечно, понимал, что баронство находится в упадочном состоянии, что ему понадобятся средства как для восстановления самого замка, так и для налаживания хозяйства. Но он даже предположить не мог, что эта земля по-настоящему скудна. Единственное, что могло привлечь в баронстве, – это выгодное местоположение, да и то привлекло бы оно не самого владельца.

По сути, земли баронства представляли собой обширную горную долину в пойме реки Вейна, берущей свое начало в графстве Хемрод и впадающей в Беллону уже на территории Памфии. Протекая по данной местности, она как бы разделяет две горные гряды. Южная гряда отстояла от берега на две-три мили, а северная приближалась практически вплотную.

Река, будучи вполне судоходной, не являлась водной артерией, так как имела слишком малую протяженность и неудобное направление. Конечно, некоторые торговцы пользовались ею, но это капля по сравнению с оборотом, имеющимся на других реках. Владетель не мог взимать плату за проход по реке, так как этим занимался королевский мытарь. Тот вместе с четырьмя солдатами, древними ветеранами, располагался на небольшом посту, оборудованном причалом. Больше народу содержать просто не имело смысла, слишком уж скудный ручеек тек отсюда в казну.

Единственное, что оставалось барону, - это его земли и люди. Разумеется, он мог установить плату за стоянку на его землях для купцов, но те предпочитали проходить мимо. Народу здесь мало, все бедны как церковные мыши, а на стоянку можно встать и дальше, нужно только правильно подгадать время, чтобы проскочить этот убогий район.

Вдоль южного берега Вейны местность имела довольно обширные равнинные участки, но беда в том, что плодоносный слой здесь очень тонкий. Уже на глубине фута начинались камни, что делало землю непригодной для пахоты.

Имелись участки, где булыжники валялись прямо на поверхности, - нельзя было устроить даже сенокосы. Большие каменные курганы из уже покрывшихся древним мхом булыжников указывали на то, что здесь когда-то пытались бороться с этим явлением, но человек проиграл битву: земля всякий раз исторгала из себя новые камни. Казалось бы, при таком раскладе камнями должно быть завалено все пространство, но не тут-то было. Эти булыжники лежали, словно редко просыпанный горох, не препятствуя буйному росту травы, но начини их убирать - на следующий год появятся новые, причем в том же количестве. Правда, места, богатые разнотравьем, в качестве пастбищ очень хороши.

Налиествовала и земля, пригодная для пашни. Располагалась она по южному берегу Вейны и имела весьма незначительную площадь. По прикидкам, ее вполне могли обрабатывать всего два десятка семей. Но это не являлось проблемой - в настоящий момент здесь не было и этого количества народу. Маленькая деревенька, всего-то на десяток дворов и сорок пять душ, принадлежавших барону, - вот и все население на весьма обширные угодья.

Но замок представлял собой настоящее укрепление. По сути, это была крепость, расположенная на берегу реки и рассчитанная на гарнизон в сотню воинов. Эта сотня здесь, кстати, имелась. Постоянного управляющего не было. Его обязанности выполнял командир гарнизона - как правило, какой-нибудь безземельный рыцарь, находящийся на службе у короля.

Ни взимаемых налогов с торговли, ни немногочисленных крестьян не хватало для того, чтобы полностью содержать такое большое количество войск. Это бремя на себя целиком взвалила корона, которой необходимо было иметь здесь столь сильный гарнизон. Все дело в долине и реке - по сути, это удобный путь для проникновения памфийских войск в глубь графств Гиннегау и Хемрод.

Второй такой путь лежал через баронство Кастро, гораздо более богатое. С чего это королю вздумалось облагодетельствовать Георга именно этим захудалым владением, а не тем, вторым, тоже принадлежащим королевскому роду?

Эти два баронства являлись воротами Гиннегау, остальные гористые участки преодолимы только для одиноких путников, не боящихся свернуть себе шею. Несмотря на относительно небольшую высоту, эти две горные гряды весьма коварны. И если Кастро - центральные ворота, с большой и удобной водной артерией, то Авене - черный ход, так сказать.

Вот такой вот подарочек. Хоть бери и быстренько возвращай прежнему хозяину. Тут ведь какое дело. Теперь защита рубежей королевства целиком становится заботой барона, вассала короля Гийома Второго. В этом и состоит его служба и долг перед сюзереном. В его обязанность не входило предоставлять воинов для армии короля, даже если начнется война, за исключением тех случаев, когда это коснется непосредственно баронства. Но поди еще управься с охраной границы.

Сразу по окончании гор начиналась низменность с плодородными и возделанными землями. Лакомый кусочек для того, кто захочет совершить набег. Разумеется, случись такое – в дело сразу вступят дипломаты, глядишь, и ответный выпад последует. Все это не такая редкость в приграничных областях. А уж если соседи – давние враги... К тому же в подобных рейдах бароны враждебных государств стараются не отсвечивать собственными гербами, чтобы не создавать лишних трудностей для короля. Но с барона, допустившего прорыв грабителей через свои земли, тоже будет спрос.

Все указывало на то, что придется содержать изрядную дружину, дабы надежно перекрыть путь памфийским баронам. Ну и как это сделать? Ведь новоявленный барон Авене не имеет королевской казны. Да, сейчас средств вполне достаточно, чтобы содержать его сотню, но эти деньги очень быстро истают. И что делать через год? Доставшиеся ему крестьяне не способны даже прокормить всю эту ораву. О том, чтобы взимаемого с них хватило на жалованье наемникам, нечего и говорить. Тем более что с появлением барона скудный ручеек налогов с торговцев тут же был перенаправлен прямиком в графскую, считай королевскую, казну. Вот как хочешь, так и выполняй долг вассала перед сюзереном.

Здесь имелся лишь один плюс. Немаловажный, но один. Эта земля была его. Теперь Георг имел свой дом. А уж каким он получится, будет зависеть от него. Впрочем, едва осознав, какое именно богатство попало в его руки, Георг сильно засомневался в том, что у него что-либо получится. Да всех его денег не хватит, чтобы наладить здесь хозяйство в кратчайшие сроки, при этом не потеряв свой отряд.

Война для него закончилась очень удачно. Памфийцы подступили к Хемроду и даже предприняли штурм, но быстро убедились в том, что поспешные решения редко бывают верными. Только после того, как они понесли изрядные потери из-за неподготовленной атаки, барон Гатине сделал так, что король Джеф узнал о нахождении здесь шести сотен подготовленных бойцов. Началась планомерная осада. Но и тут памфийцам не повезло. Гийом оказался весьма деятельным полководцем и довольно быстро появился у стен мятежного города. Сказали свое слово и политики. Армия Бесфана сосредоточилась на границе, готовая двинуться на соединение с армией Несвижа. Кое-какую роль в этом сыграли и посланцы Лангтона. Жаклин, дочь тамошнего короля, являлась супругой Гийома. Одно дело – иметь в соседях дружественное королевство и совсем другое – враждебное, к тому же еще и усилившееся.

Понимая, что дальнейшее продолжение войны чревато лишними потерями и, что немаловажно, затратами, король Джеф решил пойти на мирные переговоры. Казалось бы, Несвиж находится в таком состоянии, что самое время добивать противника, но барон Гатине не зря утверждал, что из Гийома выйдет умный и деятельный правитель. Королевство уже понесло изрядные потери как на юге, так и на севере. Половина графства Хемрод находилась под пятой захватчиков, и не нужно быть гением, чтобы понять: уходя, памфийцы оставят после себя разруху и пепел. Этого пока не происходило, поскольку король Джеф вполне серьезно намеревался вернуть себе графство, а кто же будет грабить и разорять свои же земли?!

Когда воцарился мир, Георгу за все его деяния перепали щедрые премиальные. Очень большие

деньги, причем не только для наемника. Учитывая средства, что были у него до войны, а также те, что ему удалось добыть в ходе нее, он оказался весьма состоятельным человеком. Однако этого явно недостаточно для решения стоящих перед ним задач. Баронство нужно поднимать с нуля. Даже замок больше похож на большую и грязную казарму, нежели на дом владельца.

По прибытии Георг три дня занимался тем, что выслушивал наставления коменданта гарнизона, прослужившего здесь пять лет и знающего каждый уголок. Не сказать, что рыцарь был доволен сменой своего положения. С одной стороны, он вроде как покидал это захолустье, но с другой – уже успел тут обжиться и попривыкнуть. Он чувствовал себя тут безраздельным владельцем. То, что этот безземельный рыцарь увозил с собой три повозки, груженные различным добром, говорило о том, что время здесь он провел не зря.

Все эти дни Георг занимался объездом территории баронства, знакомясь с его сильными и слабыми местами, отмечая для себя порядок действий на случай возникновения опасности, причем не только со стороны Памфии. Кто сказал, что если у него выйдет сделать эти земли достаточно процветающими (а именно эту мечту он собирался воплотить в жизнь), то соседи из несвижцев не захотят его слегка пощипать?

Но вот с вопросами, касающимися безопасности и службы, покончено. Пора приступать к делам хозяйственным. И тут вдруг выясняется, что это-то как раз – самое сложное. Он даже не представлял, с какого бока братья за все это, поскольку просто не имел подобного опыта.

Объезд баронства показал, что земли здесь достаточно скудны, а жизнь сытой не может быть по определению. Ну и как тут быть? Подобно горцам, жить грабежом? А ведь именно этим, похоже, грешил прежний владелец этих земель. Нет, не король, а тот, кто владел баронством до того, как оно отошло короне.

– Сэр, разрешите? – В комнату, которую Георг пока определил как свой рабочий кабинет, заглянул мужчина, бодро ковыляющий на деревяшке.

– Заходи, Сэм. Какие-то вопросы по обозу?

– С обозом все в порядке.

– Тогда получается – хочешь отправиться в торговый поход?

– Хорошо бы, но еще рано. Я уточнить хотел. Раз уж теперь вы владелец и находитесь у себя дома, то с походной жизнью пока покончено. Потому мне стало интересно – кем теперь буду я?

– Смеешься? Сотня не распущена, без обоза ей не обойтись. Так что ты тот, кто и есть.

– Если позволите, то я не соглашусь.

– Сэм, а не много ли я тебе стал позволять?

– Но пока моя дерзость всегда шла вам на пользу, – все же отшагнув назад, слегка дрогнувшим голосом произнес старший обозник. Смелостью он никогда не отличался.

– С этим спорить трудно. Ладно, рассказывай, что надумал. Ведь вижу, что не с пустыми руками пришел.

– Ваша милость, думаю, с наемничеством сотне пора прекращать.

- Ну и как ты предлагаешь мне содержать столько бойцов, если мы откажемся от прежнего занятия? Надолго моей казны не хватит, - раздраженно бросил Георг. - Да не трясись ты каждый раз как осиновый лист. Не на тебя злюсь, а на себя. Тут впору продать это баронство и возвращаться к прежнему занятию, пока не поздно.

- Ваша милость, вы все время двигались вперед, и это баронство - очередной шаг, и немаловажный. Теперь у вас есть дом. Остается обустроить его.

- Я могу вложить в эти земли все свои деньги и проиграть. Жить грабежом? Но такое долго продолжаться не может. Короля не устроит барон, который вечно доставляет неприятности.

- Значит, нужно будет поднимать хозяйство. Сажать на землю крестьян...

- Сэм, ты понимаешь, что говоришь? Каких крестьян? Арендаторы сюда не пойдут - слишком скудные земли. Выкупать сервов - тут никакой казны не хватит.

- Если идти по этому пути, то вы правы. Но ведь можно пойти и по другому.

- Думаешь, до тебя тут были глупцы? Ты видел те каменные курганы? Знаешь, что это? Эту землю уже пытались возделывать, вложили много труда, но в конце концов все пришло в упадок.

- Именно по этой причине я и предлагаю идти иным путем, а не тем, который однажды не принес положительного результата, - упрямо гнул свое Сэм, хотя и старался держаться поближе к двери. С того момента, когда Георг ступил на свои земли, он был весьма раздражителен.

- А ну-ка, присядь и рассказывай.

Сэм был очень необычным человеком. Не воин, не купец, не ремесленник - но сколько всего полезного и разумного он уже успел поведать своему господину! Георг всегда отличался тем, что умел услышать этого калеку. Его задумки, воплощенные в жизнь как Георгом, так и самим Сэмом, всегда на поверку оказывались очень полезными. Многие из его предложений касательно воинского дела нашли воплощение на поле боя, и эффект от них просто поражал. Его небольшая торговая деятельность была прибыльной настолько, что вполне компенсировала затраты на фураж для всей сотни, то есть не так уж и мало. А если вспомнить тот факт, что, имея под рукой пятерых неумех в ремеслах, он умудрился наладить изготовление великолепных легких арбалетов, с которыми не могли сравниться другие подобные образцы... В общем, послушать этого человека всегда имело смысл, и барон приготовился сделать это в очередной раз, набравшись терпения и спрятав подальше свое раздражение.

- Любое владение может стать прибыльным, просто нужно понять, в чем будет польза, а в чем вред. То, что здесь делали раньше, хорошо для тех мест, где много плодородной земли, поэтому тут от подобного проку мало.

- Конкретно есть что сказать?

- Есть. Здесь очень мало пахотной земли, зато богатые пастбища и превосходные сенокосы, полные разнотравья. Много леса, причем не абы какого, а самого настоящего строительного.

- Мясо, как и лес, ничего не стоит.

- Мясо - это так, только чтобы разнообразить стол. Но если сделать основной упор на овец, а

не на коров и быков, это совсем другое дело.

- Шерсть? Конечно, здесь от этого пользы будет побольше, чем от пашни, но опять-таки дешево.

- А сукно?

- Мне все из тебя тянуть клещами?

- Простите, ваша милость. Я предлагаю закупить и развести овец. Я тут со старостой проехался по округе. Можно построить пять ферм, на каждой из которых смогут находиться по две тысячи овец. Там имеется в достатке и пастбищ и сенокосов.

- Ты еще и в скотине разбираешься?

- Я? Нет, я в этом ничего не понимаю, а вот староста - тот да.

- Так он и считать-то не умеет.

- Конечно, не умеет. Но ведь они держат овец. Я спрашиваю, сколько овец можно держать на этом пастбище, он прикидывает и говорит - десять раз по столько, сколько у нас. А в вашей деревушке держат две сотни. Они регулярно поставляли мясо в гарнизон.

- Ладно, дальше.

- Вы ведь знаете, что я всегда не просто закупал товар, но еще и интересовался, как и что делается. Смотрел я и ткацкие станки. Ничего особенного. Я смогу сделать лучше. Безусловно, это будет не механический станок... Ага. Не обращайтесь внимания, опять заговорился. В общем, полотно будет ткаться куда быстрее. Посадим ткачей - вот и сукно, которое стоит очень даже хороших денег. А если сможем закупить у горцев хотя бы немного их горных овец...

- Стой. Ты предлагаешь призвать сюда ткачей. Дело хорошее, но зачем им сюда ехать?

- А за лучшей долей.

- Это на границу-то? Все вольные ткачи живут в городах, под защитой стен - зачем им ехать туда, где довольно опасно? У них есть крыша над головой - с какой стати им ехать в чистое поле? Или я что-то не понимаю?

- Насчет защиты. Скажите, много найдется баронов, которые захотят беспокоить сотника Георга, который стал бароном, сделав наемников из той сотни своими дружинниками? С этим ясно. Насчет ткачей и домов. Подумайте, а нужны ли нам именно ткачи? Нам подойдут любые люди, которые пожелают осесть на новом месте и заняться ткачеством.

- То есть ты предлагаешь собрать неумех и научить их ткацкому делу? Сделать так же, как в случае с изготовлением арбалетов?

- Не совсем так же, но примерно. А чтобы привлечь их, вы пообещаете им дома. Просторные, светлые и теплые дома, причем им это не будет стоить ни серебряника, они просто приедут и поселятся. Мало того, им не нужно будет покупать или мастерить станки, им их предоставят бесплатно.

- Ты издеваешься?

- Нет. Вы сами говорите, что лес почти ничего не стоит. Деревянные дома куда дешевле каменных, и в то же время они теплые. Вам ведь главное – привлечь сюда людей. Да, поначалу вы потеряете, но потом получите несомненную пользу.

- А что ты там удумал насчет бесплатных станков?

- А вот это самое любопытное. Это называется мануфактура. Станки не будут находиться у ткачей дома. Они будут установлены в одном большом помещении, где все ткачи станут работать, а за это – получать жалованье. Все сукно будет вашим. Если захотят установить станки и у себя дома – нет проблем, они смогут это сделать, и совсем недорого. Мы их сами будем мастерить. Это чтобы женщины, у которых малые детки, тоже могли работать. Так они смогут и по хозяйству управляться, и заработок иметь. А еще – тоже для дополнительного приработка – мы поставим им механические прялки. Ага. Опять. Ну, такие прялки, которые будут выдавать гораздо больше пряжи, чем ручная прялка. Я тут подумаю и выдам. Ничего сложного, у моей бабушки была, так что вспомню, не вопрос. А пряжи на мануфактуру нужно будет много.

- Но ведь твои парни, да и ты сам, – не мои сервы. Значит, и вам нужен прибыток. Так какой вам будет смысл задешево делать станки? Ведь если ты откроешь мастерскую, то с тебя я буду взимать налог.

- Мастерскую открою не я, а Алан.

- Какой Алан? Не помню такого среди твоих обозников.

- Десятник Алан.

- Десятник Алан?

- Ну да. Он как раз подумывал осесть, да еще после такой удачной кампании. Вот и решил. У него получится, он когда-то плотником был, что-то я подскажу. Станки будут стоить вдвое меньше от нормальной цены, вторую половину уплатите вы.

- Я?

- Ну да. Да не смотрите на меня так. Ведь эти станки будут уже не на вашей мануфактуре, а у них дома. Значит, они должны платить налоги. Произведенное сукно они смогут продавать как им угодно и кому угодно. Могут вам, по не такой уж высокой цене, а могут купцам, тут уж как договорятся.

- Здесь купцы не задерживаются.

- Потому что им тут делать нечего. А как появится причина, то причалят. Вот и налог с торговли образуется. Но лучше бы и дальше не задерживались. Торговлю нужно брать в свои руки, хотя бы вначале, эдак выгода куда больше получится. Дальше. Бен может наладить производство арбалетов. Сейчас обозники у вас на жалованье, но это неправильно. Сделайте Бена своим компаньоном. Вы предоставляете все инструменты и помещение, взамен он отдает вам половину прибыли. Поверьте, арбалеты станут разлетаться, как горячие пирожки, потому что стоить будут дешевле.

- А как же быть с крестьянами? Ведь есть пахотная земля, немного, но есть.

- Призовите арендаторов. Также пообещайте дома, живность, семена, а главное – инвентарь, и

не абы какой, а самый лучший.

- Опять вполщены?

- Именно. И оплата не сразу, а постепенно. Скажем, в течение пяти лет. Все окупится, поверьте. Конечно, на все баронство зерна не хватит, но чтобы обеспечить лично вас и дружину, а также кое-что положить в закрома - вполне. Остальное будет привозным.

- Так я из воина превращусь в бог знает кого.

- В барона и владельца, ваша милость. Пора уже подниматься на следующую ступень. Но только покоя я вам не обещаю. Уже через год все это начнет приносить прибыль, а через два, я думаю, вы сможете вернуть все вложенное, если не станете вкладываться в другое. Но мне кажется, станете. Здесь будет многолюдно и даже очень. Как думаете, понравится вашим соседям, что рядом с ними кто-то живет богато? Разбойнички появятся, куда ж без них. Вот и дружина не станет простаивать. Так что еще намашетесь мечом, не сомневайтесь.

- Ну, что еще намудрил?

- Тут еще кое-что. Тим из четвертого десятка решил открыть трактир. Том из третьего - пивоварню. Рик из шестого хочет мельницу поставить, зерном-то закупать дешевле, а там народ подтянется, вот и будет в прибыли. Тиль из седьмого тоже думает о мануфактуре из пары дюжин ткацких станков, а там как пойдет. Он вообще из семьи ткачей, так что с делом знаком. Пол из пятого хочет большую кузницу поставить. Работы у него будет просто уйма, если все наладим. Я тут для него уже кое-что придумал, чтобы труд облегчить, ну и изделия ладить.

- Шестеро, да еще и Брук, который сейчас в Памфии у своей милой под бочком... Да сотня столько за всю войну не потеряла! Вот не зря говорят, что наемнику лишнее серебро ни к чему.

- Но вы ведь можете возразить, ваша милость, у них с вами договор.

- А ты как считаешь?

- Вам всего не объять, так что лучше бы другие занялись многими вопросами, а вам доставались налоги. Они собираются осесть на ваших землях, так что вам от того только прибыль.

- Вот и я о том же. Но только договор с ними разрывать не стану, просто приостановлю выплату жалованья, а если через год не будет никакой пользы от их начинаний - прошу опять в строй. Это будет для них лишний повод стараться получше, а то все вложенное прахом пойдет. А что это ты - то за одних, то за других? Сам-то себя где видишь?

- А себя я вижу в просторном доме и в мастерской, где буду придумывать что-то полезное. Потом буду находить того, кто возьмется за это полезное.

- А жить за счет чего?

- Хм... Тут ведь какое дело... Хочу я получать со своих задумок двадцатую часть дохода.

- Не так чтобы много получится. Но если подумать, то... Там кусочек, тут чуток, оттуда щепотка. Ну, в общем, получается не так чтобы мало.

- Будет еще больше. Зря, что ли, я собираюсь строить себе мастерскую?
- Тут я тоже в доле?
- Э нет, ваша милость. Положенный налог я платить буду, но все поставлю за свои сбережения.
- Вот знал я, что ты не только для меня торговлишку ведешь.
- Простите, ваша милость.

Секунду назад был вполне уверенный в себе мужчина, но едва Георг нахмурился, как Сэм тут же сжался от страха. Вообще-то барон так решил пошутить. Неужели есть чего бояться?

- Ты меня обкрадывал?
- Н-нет в-ваша милость, как можно. Я только чуточку своих товаров в обозных повозках размещал да кое-что мастерил в походной кузне. Вы только не подумайте, обозу или сотне от этого никакого убытка не было. Я только...
- Стоп. Все, Сэм. Я все понял. Ничего такого страшного ты не сделал. Успокойся.
- Ага. Ваша милость, я никогда... Оно же мне дороже...
- Стоп!
- Молчу.
- Нет, не молчи, Сэм. Ты так все складно говорил, давай дальше. С чего начинать-то?
- Сейчас начало осени, так что с домами нам не успеть. Но это и хорошо. За зиму можно подготовить лес, а его много понадобится, стройка развернется такая, что только держись. Вот с лесорубов и надо начинать. Потом, пока не ударили холода, мастерские нужно поставить, чтобы за зиму наладить выпуск станков, а к следующей осени запустить мануфактуры. Но тут вам легче, потому как хозяева сами будут все это налаживать.
- Я вот одного понять не могу. Это ведь моя земля, а все эти мастерские, кузницы, мельницы - не мои, получается. Какой мне от этого прок?
- А налоги?
- Но ведь если бы это все было мое, а к делу приставить сервов да кабальных, вышло бы больше.
- Не выйдет так больше, ваша милость. Тут ведь дело какое. Когда на себя работаешь, то заинтересован в труде и будешь делать больше и лучше, чтобы прибыль была повыше. Прибыток растет у них - растет и у вас. А так все будет на месте. Какой прок человеку стараться, если работать только за еду? Будут люди побогаче, и купцы сюда потянутся, потому что покупатели появятся, вам опять прибыль. Поверьте, так будет лучше.
- Ладно. Вроде все правильно. Одно непонятно. Откуда ты собираешься столько народу взять, да еще и сразу? Люди так просто с насиженных мест не сорвутся.
- Я не собираюсь и не смогу. А вот вы - совсем другое дело.

- Думаешь, другие бароны не пытаются посулами заманить к себе людей? Но дело это нескорое, на годы растянется.
- Но не у всех ведь есть такая матушка, как у вас.
- И этот туда же. При чем тут матушка?
- Вы только не гневайтесь. Ну сами посудите. Теперь у вас есть дом. Неужели вы матушку оставите в Хемроде? Ведь нет же?
- Нет, конечно. Вот приведу немного дом в божеский вид и поеду за ней. Я ее сын, так что, думаю, уговорю ее.
- А как это понравится горожанам?
- Не понравится, чего уж там. Но бунтовать, как в прошлый раз, не станут, ведь сын забирает, не кто-то чужой... погоди. Ты хочешь сказать, я объявлю, что если кто желает, то может перебираться в баронство, дела для всех хватит?..
- Именно. Совсем не обязательно работать на мануфактурах. Есть желание – пожалуйста, занимайся тем, чем и прежде. Товар вы купите в лучшем виде, так что они ничего не потеряют, и матушка Аглая рядышком. Вилан из обоза – очень оборотистый малый. Если сделаете его приказчиком, то он начнет торговлю в баронстве под вашим главенством. Конечно, парень не промах и к рукам что-то прилипнет, но пользы будет все равно куда больше. Только с переездом матушки вам бы повременить. Вот сладятся дома, будет куда людей селить – тогда об этом и надо думать. Так-то, по чуть-чуть, уже можно заманивать, а что касается основного переселения, то лучше бы обождать.
- Сэм, а ты не хочешь в управляющие?
- Прошу прощения, ваша милость, но нет. Я тут вдруг понял, что мне понравилось всякое-разное придумывать, а при вашей поддержке все это очень даже может воплотиться в жизнь.
- И много у тебя еще этих задумок?
- На мой век хватит. Ведь задумать мало, нужно еще и до ума довести, а это время. Хорошо, если к концу зимы успею доделать станок и прялку, так чтобы они работали как положено. А управляющим можно Дорна. Он не такой предприимчивый, как Вилан, но зато исполнительный и, самое главное, честный. Уж у этого к рукам ничего не прилипнет, а если его еще и ценить будут, душу отдаст. Может, он ничего дельного удумать и не сможет, но точно ничего не порушит.
- Ты только что разогнал всех тех, кто ладил арбалеты. Ну и как быть с их изготовлением?
- Так ведь и они не мастера, научим других. Дело нехитрое – наловчиться делать пару деталей. А так у вас при деле проверенные люди, про которых вы многое знаете. Кто там придет со стороны – поди еще угадай.

Планы просто огромные, оставалось воплотить все это в жизнь. И вдруг Георг понял, что, хотя его полностью захватили идеи Сэма, он ищет любую причину, чтобы отказаться от их осуществления. С чего бы это? Он ведь был рад, когда у него появился свой удел, а точнее – дом. Строил планы, прикидывал, как и что здесь устроить. Даже о семье начал задумываться.

Но понять то, что с ним происходит, оказалось делом не таким уж сложным. Он не хотел расставаться с уже ставшим привычным образом жизни. Сейчас в нем боролись две сущности. Одна – заматеревшая и закаленная за многие годы, сущность воина и наемника. Вторая – только-только народившаяся на свет, слабая, неуверенная в себе, природа владельца.

Еще ничего не сделано. Только намечены смутные перспективы, и нет гарантии, что что-то получится. Еще есть время отвернуть в сторону и продать баронство. Конечно, найти покупателя на такие скудные земли непросто, но есть шанс, что король сам выкупит майорат. Ведь может статься так, что появится какой-нибудь рыцарь и купит владения, прикрывающие один из проходов в графство Гиннегау. Причем он может сделать это на золото памфийского короля, который, дождавшись удобного момента, когда-нибудь воспользуется таким ценным приобретением.

Решение нужно принимать, не откладывая в дальний ящик. Ведь те, кто решил обустроиться на его земле, ждут его слова, чтобы начать воплощать задуманное в жизнь. Не приступает к делу и Сэм, который тоже ждет. Если что-то делать, то нужно приниматься немедленно, времени с каждым днем все меньше.

Но Георг продолжал пребывать в нерешительности. В прошлой жизни все было предельно ясно. Новая стезя полна неопределенности. Идти проторенным путем, по которому шли многие поколения владельцев во всем известном мире, – зайти в заведомый тупик. Здесь уже пытались устроить все как везде и потерпели неудачу. Идти новым путем, прокладывая дорогу в неизвестность... Шанс вроде есть, но неопределенность пугала еще больше.

К тому же есть еще одна возможность. Можно выгодно жениться. А что? Он барон, в чести у нового короля, обладает такой серьезной силой, какой может похвастать далеко не каждый владелец. Составить выгодную партию и сосредоточить все усилия в другом месте, а этот майорат – все так же продать.

Мысль о женитьбе в целом не вызвала отторжения, но вот в том, что касалось кандидатуры... Боже, и почему он тогда не послушал того мастера! По меньшей мере у него сейчас было бы на тысячу золотых больше и не было бы этой головной боли. Подумать только – возжелать дочь короля. Что с того, что она незаконнорожденная? От этого она не становилась доступнее. Мало этой напасти, так он еще успел отличиться перед королем Джефом так, что тот с удовольствием увидит его на плахе, а не в качестве зятя.

Как ни странно, но его метаниям положил конец барон Гатине. С момента его появления в жизни Георга он сразу же стал играть в ней далеко не последнюю роль. Не сказать, что молодому барону все нравилось, но факты – вещь упрямая: за всю его недолгую жизнь не произошло столько перемен, сколько за неполных два года, что он знаком с Несвижским Псом.

Тот появился в баронстве на четвертый день пребывания там самого Георга. Новоявленный владелец как раз пребывал в нерешительности по части своего будущего. Не сказать, что Авене был рад появлению гостя. Даже если отбросить все то, что сейчас портило настроение хозяину, он никак не мог избавиться от неприязни к человеку, решившему использовать его матушку как разменную монету в политических играх.

- Вижу, ты не рад нашей встрече, – внимательно глядя в глаза Георгу, сделал вывод барон Гатине.

- А должен?

- Ну это уже тебе решать. Однако злиться на человека, указавшего тебе на твою сущность, по-

моему, глупо.

- А может, я нас обоих ненавижу.

- Понимаю. Нелегко обнаруживать в себе качества, которые тебе всегда не нравились. Но ведь от этого мы не перестаем быть самими собой. Ты все так же любишь свою матушку и готов ради нее на все. Просто в тебе появилось еще что-то, но с годами это неизбежно происходит со всеми.

- Зачем вы здесь, барон? - решил отойти от неприятной темы Георг.

Слова гостя сильно его ранили. Ведь прав Гатине, тысячу раз прав. Мало произошедшего в Хемроде, так он ведь опять хочет использовать свою матушку, а вернее, ее авторитет, чтобы привлечь людей в свои владения. Нет, окончательное решение еще не принято, но ведь он рассматривает эту возможность и пока не отмахнулся от нее.

- Я здесь, чтобы посмотреть, как ты обустроился. И потом, ты же понимаешь, что окончательно оставить тебя без присмотра я не имею права. Не надо на меня так смотреть, это просто необходимость.

- А не боитесь, что от чрезмерной опеки я просто начну все делать вам назло?

- Этого я не боюсь, потому что готов к такому. Тут другое. Сам посуди. Король этим косвенным признанием тебя и присвоением титула все поставил с ног на голову. Раньше ты был при мне и ни у кого не болела голова. Все вели привычный образ жизни и были довольны. А теперь?

- Вы хотите предложить что-то конкретное?

- Иначе меня тут не было бы.

- Я слушаю вас, барон.

- Георг, как ты смотришь на то, чтобы переехать отсюда? По соседству со мной находится баронство Глок. Не такое обширное, как это, но зато много пахотной земли, более сотни сервов и деревенька с арендаторами. Молодой барон погиб в прошедшей войне, прямых наследников нет, и майорат отошел королю. Там имеется весьма деятельный управляющий, который уже многие годы все содержит в порядке. Лакомый кусочек. Опять же, далеко от границы, так что ты вполне сможешь заниматься своим прежним делом. Никто не останется внакладе. Если захочешь перевезти матушку, то там ты сможешь устроить ее куда лучше, чем в этом хлеву.

- И как я могу получить этот лакомый кусочек?

- Вот, держи. Это прошение королю, тебе нужно только подписать его - и все будет сделано в лучшем виде. Уже через пару недель ты сможешь убыть в свои новые владения.

- Вы - король? Откуда вам знать, что тот пойдет на это? Прошедшая война изрядно растрясла казну, и в этой ситуации Гийому важен любой источник дохода. Отдать баронство, приносящее прибыль, взамен того, на содержание которого придется опять брать деньги из казны? По моему, глупее не придумаешь.

- Не все в этой жизни измеряется деньгами, мой мальчик.

- Барон Авене, если позволите.

- Хорошо, барон, - легко согласился с ним Жерар.
- Так в чем истинная цена этого майората? Не нужно отмалчиваться, я же вижу, тут что-то не так, а потому на понимание с моей стороны можете не рассчитывать. Я и пальцем не пошевелю, пока не получу все ответы.
- Ты знаешь, как полностью звучит титул, например, короля Памфии?
- Проверяете мою образованность?
- Просто интересуюсь.
- Никогда не состоял на службе у короля Памфии, так что этим вопросом не задавался.
- Джеф Первый, король Памфии, граф Клеве, Анол, барон Гризан, Алек, Вено. А как звучал титул короля Берарда?
- Берард Первый, барон Авене, Вассенберга, Кастро, Комон, граф Гиннегау, Хемрода, король Несвижа. Кажется, я не ошибся. Но можно заглянуть в договор, там все четко прописано.
- Не нужно. Все верно. Так ничего и не понял?
- Признаться, нет.
- Вот и никто пока не понял. На этот казус может обратить внимание только умудренный опытом геральдист, живущий исключительно своим ремеслом. Так что лучше бы все исправить, пока не случилось беды.
- Вы говорите загадками. В чем тут подвох?
- А в том, что королевский род Несвижа берет свое начало от своего предка, барона Авене.

Так вот отчего Гатине так бесился все это время! Вот почему он так противился указу короля! Боже, ведь все на поверхности! Правда, рассмотреть это можно, если знать, куда обратить взор. Берард не просто косвенно признал своего сына. Он дал ему истинное родовое королевское имя, дал то, что всегда по праву принадлежало Георгу.

- Гийом не стал противиться последней воле короля, выразившейся в его указе, но лучше бы вернуть все на круги своя еще до коронации. Его все называют королем, но фактически он кронпринц и регент при своей матушке, именно так сейчас подписываются все указы. После коронации все может измениться. Он не видит смысла в том, чтобы оставлять свое имя в прежнем виде, так как это лишено смысла. Вместе с утратой Авене утрачивается и необходимость указывать этот титул. Изменение порядка в титуловании может сразу привлечь нежелательное внимание.
- Я думаю, это ваша проблема, барон Гатине. Убедите молодого короля не делать этого, и тогда все будет шито-крыто.

Георг вовсе не стремился отомстить Гатине. Не хотел он никоим образом вредить и младшему брату. Он просто не мог отказаться от дара своего отца, которого никогда не знал. Он не мог отвергнуть то, что принадлежало ему по праву. Да, существует опасность. Да, это может послужить причиной для многих бед. Но он не мог поступить иначе. Он вдруг отчетливо понял, что никакие угрозы или посулы не заставят его отступить. Он барон Авене, потомок древнего и

славного рода, не просто потомок, а полноправный наследник. Так есть и так будет. И пусть ни ему, ни его потомкам никогда не примерить королевскую корону, к чему он и не стремился, но они будут по праву именоваться Авене.

- Георг, не повторяй ошибок Берарда. Не иди на поводу у чувств. Ты не имеешь на это права. Пусть о тебе никто не знает, но ведь это ничего не значит. На тебе лежит долг и обязанность по праву рождения. Ты должен согласиться на мое предложение.

- Однажды я вам уже говорил, что никогда не встану на пути у моего брата, и я готов подтвердить это вновь. У Гийома Второго никогда не будет более преданного вассала. Но я не откажусь от того, что даровал мне отец своей последней волей.

- Георг, подумай хорошенько. Твои предки Авене никогда не имели достатка, и основной их деятельностью был разбой. Именно решительный характер, дикость и необузданность однажды послужили рычагом для того, чтобы один из представителей рода решил вырваться из этой долины. Он воспользовался воцарившимся хаосом и сумел объединить под своей рукой сначала несколько баронств, потом подмять графство и так далее, пока этот путь не привел к воцарению на престоле. Сегодня такой вольницы попросту не будет. Нищенское существование - вот удел твоих потомков в этой долине, которая сегодня может быть только символом королевского рода и не более. Твой прадед попытался превратить Авене в цветущий рай. Он вложил сюда огромные средства, он нагнал сюда сервов, отремонтировал и достроил замок. Но все пришло в упадок, и очень быстро. Эта земля всегда отличалась скудностью и останется таковой. Торговлей ее тоже не оживить, потому что основные маршруты обходят баронство стороной. Единственная ценность этой долины в том, что она является одним из проходов из Памфии в графство Гиннегау. Здесь ты потеряешь все свое состояние.

- А я попробую. Может, у меня все же что-то получится. А если нет... Что ж, я всего лишь потеряю золото, это ведь никак не отменит сделки с королем по обмену владениями.

- Что-то мне подсказывает, что ты никогда не пойдешь на это.

- Я открою вам один секрет, барон Гатине, - мне тоже так кажется.

- Это ошибка, которая может дорого стоить.

- Гийом недоволен волей отца?

- Да. Но опасность исходит не от него. Ему не понравилось решение Берарда, но он принял его. Что же касается тебя... Я уже говорил, что из этого парня получится настоящий правитель, он не станет разбрасываться такими верными вассалами, как ты. Он высоко ценит тебя. Он желал бы вернуть баронство, но не станет из-за этого терять преданность. Говоря об опасности, я имел в виду другое. И ты знаешь, что именно.

- Я не хочу становиться на пути брата, а чары Волана не позволят мне этого сделать. Так что эта опасность надуманная.

Гатине был по-настоящему зол на себя. Ну что стоило найти какую угодно причину, чтобы склонить Георга к правильному решению? Нет же, решил играть в открытую, проявляя уважение к королевской крови и надеясь на чувство долга барона Авене. И потом, его предложение было по-настоящему выгодным. Но, как видно, этот парень слишком многое унаследовал от своего отца. Мог бы и догадаться об этом, ведь был же звоночек: Жерар всегда знал, как Георг относится к матери и на какие безрассудства готов ради нее.

Было бы неплохо, если бы Волан и впрямь наложил на Георга чары, но ведь правда в том, что этот принц, остающийся в тени, неподвластен чарам. Вот только говорить об этом парню Гатине не стал. На сегодня глупостей и без того достаточно. Пусть уж лучше будет лишняя страховка – кто знает, что там шевельнется в его голове.

...Войдя в комнату, где уже почти сутки безвылазно просидел барон Авене, Сэм несколько растерялся. Всем было известно о том, что Георг не в духе, а тут... Авене оказался настолько возбужден, что не мог усидеть на месте. Вместо этого он метался по комнате, как зверь, угодивший в неволю. При этом барон как-то зловеще и в то же время воодушевленно улыбался. Интересно, чем закончится это вызов?

Сэм уже устал от бесплотного ожидания, поэтому, едва получив весть о том, что барон его вызывает, стремглав помчался на зов. Теперь он не был уверен в том, что правильно поступил. Спешка никогда до добра не доводит. Лучше бы слегка потянул время, ведь можно же было сделать вид, будто его нет в замке. Ну зачем было так спешить? Сэм встретился взглядом с Георгом... У него тут же отлегло от сердца. За годы, проведенные подле барона Авене, он успел неплохо его изучить. Этот взгляд не был предвестником неприятностей, наоборот, именно таким задором и светились глаза сотника, когда он брался за что-то новое, интересное и многообещающее.

- Сэм, немедленно разыщи этих бездельников и дезертиров, а потом вместе с ними ожидай меня у конюшен. Прикажи оседлать моего коня. Поедем осматривать местность. Да, и старосту не забудь подтянуть, потом поедем осматривать будущие пастбища.

- Значит, вы приняли решение...

- А разве это непонятно, одноногий искунитель?

- Но пастбища... Мы не успеем засветло...

- Плевать. Переночуем в поле, а с рассветом продолжим.

- Да, ваша милость.

Сэм бодренько застучал своей деревяшкой, удаляясь по коридору, потом ее звук послышался с лестницы и наконец затих. Хм... Давненько этот странный калека не перемещался с такой поспешностью. Он словно боялся, что барон может передумать. Зря. Георг, может, еще пожалеет о своем решении, может, потеряет все состояние, но уж точно не собирается отступать.

- Анна, ты что развела сырость? Случилось что?

Плотник Джим, как обычно, отставил в угол свой ящик с инструментами и встревоженно осмотрел небольшую каморку, где они жили с женой и четырьмя детьми. Время уже позднее, поэтому первое, что пришло ему на ум, – что-то с детьми. Но нет, вон они сидят, притихшие. Старший серьезен и хмур, младшие время от времени шмыгают носом, а дочурка заливается слезами пуще матери. Да что тут происходит? Джим устремил требовательный взгляд на жену.

- Ма-атушка А-аглая, – всхлипывая, проговорила Анна.

- Что с матушкой? – Неприятный холодок прокатился по всему телу и прочно угнездился под ложечкой. Неужели...

- Ее забирают.

- Опять!

А вот теперь в жилах забурлил огонь. Рука сама собой потянулась к ящику и ухватила топор. Им он зарабатывал на пропитание семьи, теперь же был готов использовать его не по назначению. Было уже такое, и он готов к подобному вновь. Вот спроси, кто ему дороже, семья или она, так и не нашелся бы что ответить.

- Господи, Джим, ты не так понял!

- Так объясни толком, женщина!

- Георг... Сэр Георг... Ну, барон Авене... Он забирает матушку в свои владения. В свой дом.

Нет, тут все понятно. Сын забирает мать, чтобы заботиться о ней. Это нормально. Это даже правильно. Но... А как же они? Как они без матушки, которая всегда рядом? А дети? Однажды Джим начал было бражничать, поддавшись соблазну со стороны старших товарищей по артели. Они с Анной тогда только первенцем обзавелись. В тот раз он едва не лишился семьи, набросившись с кулаками на сына и жену, когда та начала его корить. Забил бы насмерть, если бы не подоспевшие стражники. Спасибо матушке Аглае, которая уговорила стражников и сумела вразумить буяна.

Как видно, кому-то пришлось не по вкусу, что молодая чета жила в любви и согласии, вот и решили попортить им кровь. Опоили Джима, наслав порчу. А нечего жить хорошо. От этого у иных такой зуд образуется, что нет никакой моченьки все это безобразия терпеть.

Глубокое заблуждение, что наведение порчи подвластно лишь мастерам. Людей, обладающих даром, конечно, не так много, но гораздо больше, чем настоящих мастеров. Откуда же берутся разные гадалки, знахари и ведьмы? Это те, на кого в свое время не обратили свой взор мастера. Причины могли быть разными - кто-то не подходил в силу характера, кто-то не попался на глаза мастеру, а с возрастом стало уже поздно. Эти люди обладали слабым, неразвитым даром, но он у них все же имелся, а потому они и использовали свои крохи, чтобы добывать себе на пропитание. Услуги их стоили куда дешевле, чем помощь мастера, поэтому к ним могли обратиться и простолюдины. А что такое порча, к тому же незастарелая, для матушки Аглаи? Так, поворожить немного над несчастным.

Если даже забыть о том, что Джим и Анна выросли на руках у этой святой женщины, то своим семейным счастьем и тем, что у них в любви были рождены еще три ребенка, они обязаны ей. Их дети, подобно им самим, росли рядом с этой женщиной. И поди еще пойми, кого они больше любят. Когда памфийцы арестовали ее, то почти весь город взбунтовался. Сам Джим тоже взялся за свой топор, а потом еще и на стенах стоял, когда отбивали штурм. Был ранен, едва Богу душу не отдал. Но спроси его, жалеет ли он об этом, и он ответит: нет. И вот теперь ее забирают. Ну как такое принять?!

- А что матушка Аглая?

- Не зна-аю я, - вновь залилась слезами женщина, подхватила передник и утерла полившиеся слезы.

- Пойду в трактир. Да не реви ты! Ведь к сыну уезжает, в замке жить будет.

- Я зна-аю.

- Вот же баба!

Джим махнул рукой на женские слезы, вышел из дома и двинулся к трактиру. Если где и можно узнать все доподлинно, то там. Ведь наверняка сэр Георг остановился у старины Адама. Иначе и быть не может. Едва завернув за угол, он увидел множество мужчин и женщин, которые расходились от трактира по направлению к своим домам, возбужденно беседуя между собой.

Джим подолгу задерживался на работе и возвращался всегда поздно. Он очень любил жену и детей, но всех их нужно как-то кормить, а потому и трудиться приходится от рассвета до заката. Анна тоже не бездельничает, но сколько может заработать прачка? Так что основной воз тянул он. Вот и получилось, что когда он подходил, народ уже расходился, обсуждая услышанное.

- Просторный дом, работа. Прямо земля обетованная. Не верю.

- Это ты кому не веришь? Сэру Георгу? Когда это он обманом занимался? Он же среди нас вырос.

- Ну вырос. Так что с того? Он теперь не тот Георг, что мальцом с нами в игры играл, а барон. Когда это бароны раздаривали добро черни?

- Ну дык не простой барон, из нас вышел.

- А такой кабы еще и хуже не оказался, из грязи-то...

Джим разминутся с беседующими мужчинами, так и не уловив сути разговора. О чем это они говорят? Но вот прошли эти, и послышались слова других собеседников:

- ...сам строил. Я вот вернулся, и серебро в кармане звенит. Здесь и за год столько не заработал бы.

Ага, это Ян. Помнится, по весне сэр Георг появился в Хемроде и нанимал плотников для работ на своих землях. Джим тогда хотел было поддаться на посулы, заработок обещал быть изрядным, да вынужден был отказаться. Путь неблизкий, работы - на всю весну и лето, а как тут без него семья продержится? На заработки Анны пятерым можно и ноги протянуть. Так что с бароном поехали только молодые, не обремененные заботами, как вот этот Ян. Парень собирался жениться, вот и решил подзаработать.

- И что, так-таки и большие дома?

- Говорю тебе, мы там считай город поставили. Такое творилось, народу работать понаехало - прорва. Дома, конечно, не господские, но уж и не наши каморки...

Эти тоже прошли мимо. Можно было, конечно, остановить и порасспросить получше, о чем это все судачат. Но Джим делать этого не стал, хотя всех проходящих прекрасно знал. Вот если бы они говорили о матушке Аглае, тогда бы имело смысл останавливаться, а так... Пусть идут. Он никуда уезжать из Хемрода не собирается, поэтому все эти разговоры его не касались. Нужно идти в трактир. Правда, похоже, народ уже начал расходиться, но дядька Адам на месте, поэтому все у него и разузнает. Не у самого же барона, в самом-то деле.

В трактире народу было не больше, чем обычно, - успели разойтись, пока появился припозднившийся Джим. Плотник хотел направиться напрямиком к хозяину, но, подумав

малость, решил присесть и опрокинуть кружечку пива. После тех памятных событий он редко прикладывался к горячительному, но раз уж так сложилось, что пришлось посетить трактир, то грех отказывать себе в подобной малости. От кружечки беды не будет, а увлечся он не боялся. Джим уже не тот молодой оболтус, дорвавшийся до взрослой жизни. Ему, конечно, и тридцати нет, но в округе его уважают, плотник не из последних.

- Джим! Иди сюда.

Кто это его зовет? Сэр Георг? С чего бы это? Что с того, что мальчишками вместе бегали по улицам и любили донимать одну и ту же девчонку? Ага, Анне от них двоих перепало особо. Дружны они с Георгом особо никогда не были, но вот общий интерес у них имелся. Не связись тогда сын матушки Аглаи с наемниками, Джиму точно не видать бы Анны как своих ушей. Но тот укатил, и перед сыном плотника открылась дорога к сердцу их общей зазнобы.

- Здравствуйте, ваша милость.

- Садись, Джим. Пока матушка гуляет, выпьем по кружечке пива.

Ему - за стол с бароном? Впрочем... Вон улыбается как. Значит, не успел еще совсем оторваться от своих корней. Вот у него куда точнее все разузнать можно. Если, конечно... Да нет, не должен, ведь не просто так позвал, а за стол сажает, значит, можно будет и спросить.

- Благодарствую, ваша милость.

- Как дела? Как Анна, дети? Пятым обзавестись еще не надумали? - тут же посыпал вопросами барон.

- Благодарствую, все хорошо, все здоровы, во многом благодаря вашей матушке. А что до пятого, Господь миловал пока.

- Что так-то? Дети - это же прекрасно.

- Дык кто будет спорить, ваша милость. Но их ведь накормить и одеть нужно, да и места у нас в каморке совсем мало. Почитай на головах друг у друга.

- Так давай ко мне в Авене. Я слышал, плотник ты знатный, дело для тебя найдется. И жене твоей приработок будет. Даже детям занятие найдется - необременительное, но свой вклад в достаток сумеют делать. А места в новом доме будет столько, что можно рожать и рожать.

- Вы только не подумайте, ваша милость, но незачем нам срываться с насиженного места. Опять же, едва концы с концами сводим, а тут - целый дом.

- Так ведь я не предлагаю выкупать его. Если надумаешь переехать, то получишь его бесплатно. Не каменный - деревянный, но добротный и теплый. Ты плотников, что ко мне на заработки ездили, поспрашивай.

- Это так. Да только тут я родился, тут вырос, здесь и детям расти. Вы, ваша милость, только не гневайтесь, спросить я хотел.

- Хотел, так спрашивай.

Улыбается. Настроение из-за отказа плотника у Георга, судя по всему, не испортилось. Как видно, иного он и не ожидал услышать. Вот и хорошо. А то мало ли... А тут еще он со своими

расспросами. Чай, даже не простой воин-наемник, целый барон, в чести у короля.

- Домой я пришел, а там Анна слезами заливается. Говорит, вы матушку Аглаю забираете из Хемрода. Правда ли?

- Конечно, правда. Может ли быть иначе? Это раньше я был бездомным бродягой, а теперь, когда есть свой угол, пристало ли, чтобы она проживала порознь со мной? Вот привел все в порядок, теперь решил перевезти.

- А она сама-то как?

- Уже согласилась.

- Дык как же так-то? - вдруг заволновался плотник. Выходит, все правда!

- Ну как-как - уговорил. Х-хе, она с меня обещание взяла, что женюсь. Вот так и договорились.

- А что, и невеста уж есть?

- Есть, есть. Это не твоя забота, - вдруг посмурнел барон, чем заставил Джима поволноваться. Вот же, вызвал неудовольствие.

А как тут не хмуриться? Ведь матушка за прошедшее время так и не выпустила из головы ту красавицу «дочурку» по имени Адель. Вот подавай ей дочку - и все тут, да чтобы детки у Адели обязательно такие же красивые и пригожие были, как и у нее. Попробуй ей объясни, что та птица - не его полета. Матушка в своем мире живет, где все можно и нет никаких преград. Конечно, если объявиться на весь свет, то шанс немалый... но делать этого никак нельзя. И без того уж наворотил столько, что, считай, по краю ходит.

- Ты куда собрался? А ну садись. Ты пиво еще не допил. Да не обращай на меня внимания. Тут ведь какое дело... Всем нам приходится чем-то поступиться, но к тебе это отношения не имеет. Значит, говоришь, Анна сокрушается?

- Прихожу, а мои все в слезах. Я уж, грешным делом, подумал, опять беда какая. А оно вроде беда и получается. Как же мы без нее-то?

- Вам-то что. Вы птицы вольные. А вот старине Адаму и впрямь не позавидуешь.

- Нешто...

- Так и есть. Он ведь обетом связан. Да и матушка без него никак не соглашается. Думал в замке ее поселить, да, видать, опять в трактире обретаться будет. Но хоть у меня под боком, и то радость.

- А с этим трактиром как же?

- Тут его старший останется. Парень уже взрослый, женился в этом году, справится. А вот остальное семейство со мной поедет. Придется мне и ему ставить трактир, да получше этого.

- Дык ему же нельзя. Он сам сколько говорил, что беда случится.

- Ну какая беда, если я тот трактир, считай, для матушки поставлю? Я ведь ей сын. Да и не трактир это будет, а гостиница. Матушка все одно выпивку не жалует. Ну так как, не надумал?

- Вы уж простите, ваша милость...

- Ты погоди отказываться. Иди домой, с Анной посоветуйся. Народ поспрашивай, себя послушай. А тогда уж и отказываться будешь. Только знай, что обмана с моей стороны нет никакого. Я ведь наемник бывший, а у нас просто так, на слово, ничего не делается. Каждому, перед тем как на новое место ехать, я отпишу грамоту на дом. Вот такие дела. Анна твоя сможет ткачихой работать, это не прачка, заработок куда как выше. Старшенький уже сейчас сможет пряжу выделывать. Сможет-сможет, не сомневайся, у меня один выдумщик есть, так он такую прялку сделал, что и малец управится.

- Ну дык я пойду... Подумаю.

- Подумай, Джим. Обязательно подумай.

Глава 7

«Волколак»

- Вот вы где, ваша милость! Я уж переживать начал.

Бросив укоризненный взгляд на беглянку, Брук легко скользнул из седла на землю. Весь его вид указывал на то, что не будь молодая особа его госпожой, ей досталось бы от всей его широкой души. Но с другой стороны, на лице угадывалось облегчение, испытанное им при обнаружении пропажи. Тут ведь какое дело. Мало того, что он как личный телохранитель нес ответственность перед самим королем Джефом, так ведь есть еще и барон Авене. Тот, правда, ничего такого не говорил, только пожелал счастья Бруку и его будущей жене, но ни для кого в сотне не было секретом, что отношение барона к знатной молодой особе совсем даже не обычное. Потому и приглядывал наемник за Аделью весьма бдительно. Сотник для него не чужой человек, он соратник, с которым вместе кровь проливали. Но как этого добиться, когда баронесса своевольничает?

Обычно у нее подобные номера не проходили, разве что в самом начале, когда Брук только появился. Воины из ее сопровождения робели перед ней, выказывая всяческое почтение и боясь препятствовать ее капризам. С Бруком все оказалось иначе. Невзирая на все протесты, он заставлял госпожу повиноваться своей воле, если чувствовал, что очередная проказа может оказаться чреватой последствиями. Никакие угрозы не имели на него действия.

Причин такого вольного поведения было две. Первая заключалась в том, что их знакомство состоялось в тот момент, когда баронесса Гринель являлась пленницей наемников, а Брук был ее личным охранником. С самого начала она имела возможность воздействовать на него уговорами или обаянием, коего у нее было в избытке. Но очень скоро сотник объяснил парню, что не стоит поддаваться на подобные уловки. Так что кое-какая закалка и привычка в общении с Аделью у него имелась.

Вторая причина сейчас находилась в замке и ждала возвращения беглянки и телохранителя. Баронесса, как и обещала, не стала противиться браку наемника и своей верной служанки, но при одном условии: та должна была остаться при ней и после свадьбы. Ну а коли уж так вышло, то и Бруку нашлось занятие. Он стал первым и пока единственным телохранителем и личным воином молодой баронессы. Так вот, ему до коликов не хотелось получить взбучку от супруги, которую он любил всем сердцем, а оттого и на шее у себя позволил угнездиться окончательно и бесповоротно.

Король Джеф Первый был категорически против такой вольности баронессы. А уж когда узнал,

при каких обстоятельствах этот пройдоха попался на глаза дочери... Брука едва не арестовали. Нет, не за те деяния, которые имели место в недавнем прошлом, – тут все по законам войны и обвинить наемника не в чем. Но, как говорится, был бы человек, а причина всегда сыщется. Король никак не мог простить пленения своей дочери.

Однако в вопросе с наемником Адель проявила стальной характер. Возможно, основанием для заступничества послужило то, что между ней и Джефом Первым имелось давнее, скрытое от посторонних глаз противостояние. Все, чего хотела девушка, – чтобы король признал ее дочерью. Не во всеуслышание, но хотя бы наедине. Король всячески противился этому, неизменно называя ее баронессой и всем видом показывая, что она только его воспитанница, как и несколько других дворянок.

А возможно, дело в том, что в окружении Адели появился второй человек, который предан ей, а не королю. Во всяком случае, ей хотелось в это верить. Но, не полагаясь только на веру, она делала все возможное, чтобы заполучить наемника целиком и полностью, даже если для этого приходилось поступиться какими-то мелочами. Плату он получал не от короля, как остальные воины, а лично от нее. Разумеется, доходы баронства уходили в казну, ведь Адель была под защитой короны, но кое-какие средства выделялись и лично ей. Ограничив некоторые свои траты, она смогла выделить сумму для жалованья одному воину. Брук просто не мог этого не оценить. Подпись на его договоре найма поставила баронесса Гринель, и обязательства он имел лишь перед ней. У наемников тоже есть свои понятия о чести, замешанные на деньгах и обязательствах, но это подчас куда крепче врожденной дворянской.

Прошло время, и король поостыл, практически позабыв о Бруке. В конце концов, была война со всеми вытекающими «прелестями». А вот то обстоятельство, что наконец нашелся тот, кто мог урезонить строптивцу, не могло не радовать любящее отцовское сердце. Хотя он и показывал баронессе всем своим видом, что не собирается выделять ее среди прочих, на самом деле это было не так.

Сегодняшний побег от телохранителей стал возможным вовсе не потому, что наемник ослабил бдительность. Причина была самой банальной. Брука просто не оказалось в замке Гринель, располагавшемся неподалеку от Клеве, столицы Памфии. Ему стало известно о прибытии туда каравана из Авене под охраной его бывших соратников. Едва прознав об этом, он выпросил себе пару дней выходных, чтобы пображничать с товарищами.

Не сказать, что Римма осталась довольной этим обстоятельством, но все же сильно противиться не стала. Дело не в том, что она была против дружеской попойки, ее тревожило то, что могло последовать дальше. При трактирах, особенно при тех, где собираются наемники, всегда хватает шлюх. Ну и какой женщине это может понравиться, будь муж хоть трижды богом для своей жены?

– Ну и стоит ли так переживать? Мы же находимся в нескольких милях от столицы, – задорно улыбнувшись, возразила Адель и не думая подниматься с поваленного дерева на берегу реки. Это место она облюбовала уже давно. Когда ей удавалось ускользнуть от охраны, она любила посидеть здесь, любуясь великолепным видом на реку и противоположным берегом. Здесь можно без помех предаться думам, не ощущая давящих стен замка или постороннего присутствия.

– Помнится, когда вас захватил один наемник, вы были в не менее безопасном месте.

– Брось. Ты же знаешь, что тогда была война, а он и понятия не имел, кого именно схватил.

- Ну, насчет незнания барона Авене я бы не был столь категоричен. Поверьте, если бы он знал, кто именно угодил к нему в руки, то нипочем так просто не расстался бы с вами.

- Только поэтому? - лукаво улыбнулась Адель.

- Барон очень щепетильно относится к вопросам найма, а тогда он состоял на службе у короля Несвижа, к тому же уже был его вассалом, - вполне серьезно ответил наемник. - А потом, кто сказал, что в Памфии перевелись разбойники?

- Разбойники, осмелившиеся напасть на меня? - искренне удивилась девушка.

Как видно, она представила события, которые неизменно последуют за этим, и от души рассмеялась. Слишком уж невероятным было предположение Брука. Насколько нужно быть глупым, чтобы совершить такое!

- Вот напрасно вы смеетесь. Им ведь и невдомек, кто вы на самом деле. В Несвиже, помнится, был случай, когда лихие напали на жену покойного короля.

- Что за случай? Расскажи, - тут же востропала девушка, словно маленький ребенок, желающий послушать интересную сказку.

Что поделать, с развлечениями здесь туго, рыцарские романы насколько дороги, настолько же и редки. К тому же они имели один существенный недостаток - очень быстро прочитывались, оставляя после себя тянущее ощущение утраты чего-то сладостного. А эта история обещает быть довольно занимательной.

- Ну что ж, рассказать можно, - понимая тягу баронессы к увеселениям и считая такой способ вполне безвредным, согласился Брук. - По всему видать, было это в год моего рождения. Тогда как раз старый король был при смерти, а ныне покойный Берард - простым принцем. Он тогда был женат на другой. Говорят, женился по любви, и были они счастливы. Так вот. В тот год на королевское семейство обрушились беды. Сначала погиб кронпринц, потом болезнь свалила короля. Берард с женой, которая вроде как была уже тяжелой, отправился в столицу к умирающему отцу. Доподлинно я не знаю, в чем там было дело, но принц и его жена разделились, и он ускакал вперед. А на эскорт его супруги неподалеку от столицы напали разбойники, которые всех перебили.

- И жену Берарда?

- И ее, и служанку, и вообще всю охрану из десятка воинов-ветеранов.

- Это что же за шайка такая была? - искренне удивилась баронесса.

Безусловно, к воинскому делу она не имела никакого отношения, но что такое десяток ветеранов против разбойничьей шайки представить все же могла. Если только на большую дорогу вышли сбившиеся в шайку наемники или какой барон. Но эти обычно разбираются в гербах, и очень сомнительно, что таковых не было на карете. Связываться с королевской семьей... Это только если хочешь покончить жизнь самоубийством.

- Там темная история. Вроде как заговор какой был, потому что часть воинов из эскорта зачаровали и те набросились на своих же. Поговаривают, что Несвижский Пес, барон Гатине, уже тогда первый шпион королевства, быстро нашел тех разбойников. Да только у него под ногами путались и Берард, и батюшка его покойной жены, так что все доподлинно выяснить не удалось. Как не удалось найти и тело несчастной, а также ее служанки.

- Так, может, ее и не убили?

- Да вроде как убили. Поговаривали, что атаман разбойников успел сознаться в убийстве, а потом Богу душу отдал, потому как был зачарован.

- Странно. А я эту историю никогда не слышала.

- Так чего странного? Говорю же, давно это было, да еще и в Несвиже. Ее даже там успели порядком подзабыть.

- Но ты же о ней знаешь.

- Я - дело иное. Мы ведь не только у владетелей на службе состояли. Нередко и караваны купеческие охраняли, и за разбойничками гонялись, так что вечерами у костра каких только баек не слышали. Вы же все больше придворными сплетнями пробавляетесь да романы рыцарские почитываете. Ладно. Пора уже, ваша милость.

Брук поднес к губам рог, и округа огласилась звонким чистым звуком. При этом на лице баронессы отразилось недовольство. Этот звук означал, что рыскавшие по округе в ее поисках воины сейчас подтянутся на зов Брука и еще одним местом, где она могла уединиться, станет меньше, так как в следующий раз они обязательно проверят этот участок берега.

- Брук, а как ты меня каждый раз находишь быстрее всех?

- Это благодаря чарам. Меня к вам приворожили.

- Только Римме об этом не говори, а то она устроит мне сцену ревности, - мило улыбнулась баронесса.

- Ага. Она может, - согласился Брук, так же озарившись широкой добродушной улыбкой, с которой, казалось, не расставался никогда.

- А если серьезно?

- Если серьезно, то я велел кузнецу подковать вашу кобылу приметными подковами. Были у нас в сотне умельцы, учили нас следы читать. Я, конечно, заправским следопытом не стал, но приметный след рассмотреть смогу. Вот и выходит - пока остальные по округе шастают, вас разыскивая, я иду прямо по следу. Даже не думайте! Смените кобылу или велите перековать - вообще за стены замка не выпускаю. Будете сидеть взаперти.

- Тогда и ты обещай. В следующий раз мы сначала отъедем подальше от моего укромного местечка и только потом ты начнешь созывать остальных.

- Договорились.

- Тогда поехали.

Не успели они выбраться из зарослей, как появилась первая пара воинов. Потом, по мере их продвижения, собирались другие. Окрестности время от времени оглашались звуками рога, созывающими остальных.

- Ну и как прошла дружеская попойка? - коротая время в пути, спросила Адель без особого интереса.

Впрочем, это лишь видимость. На самом деле она отпустила телохранителя с определенной целью. Ей было любопытно, как обстоят дела у барона Авене. Не сказать, что она воспылала к нему какими-то трепетными чувствами. Даже сейчас, спустя два года с момента их встречи, при воспоминании о нем ее обурежала необъяснимая злость. Хотя что такого особенного он сделал? Да ровным счетом ничего, если позабыть о том, что отпустил ее без всякого выкупа и условий. Просто приказал людям поутру сопроводить ее к Хемроду и даже не потрудился объяснить свой поступок.

Были у нее мысли, что он сделал это, опасаясь соперников – трех рыцарей, вившихся вокруг нее. Это отчасти льстило девичьему самолюбию. Но если он что-то к ней испытывал, то за два года-то мог дать о себе знать. Нет, все же он сделал это, чтобы избежать разлада в отряде, ведь она выступила невольным яблоком раздора.

- Просто замечательно, – между тем рассказывал Брук. – Два года с парнями не виделись. Некоторые и вовсе из новичков, но и старых приятелей повстречал. Сейчас в дружине барона уже чуть ли не треть новички. Мы ведь в войну добрую добычу взяли, так что кто-то решил уйти на покой. Двое свои отряды собрали и сейчас наемничают, не захотели на одном месте сидеть, скучно им.

- Мне казалось, вы все готовы были в огонь и в воду за своим бароном. А тут разбежаться начали, – сама себе удивляясь, решила Адель подбодрить Брука, стремясь выведать как можно больше.

- Жизнь-то не стоит на месте. А потом те, кто ушел на покой, осели на землях барона, так что как бы с ним остались. Опять же, отрядами ополчения командуют. Да и те, что свои отряды сколотили, тоже с караванами барона ходят, вон как Рем, к которому я ездил. С ним еще двое парней, они все в доле.

- А что, барон Авене стал купцом? Я слышала совсем иное. Будто живет грабежом. При дворе только и разговоров, что о его дерзких выпадах. Король даже послание Гийому Второму по этому поводу отправлял, был какой-то скандал, едва опять до войны не дошло.

- Вы больше слушайте придворные сплетни, ваша милость. Оно как получается – в своем глазу бревна не видят, а в чужом соринку примечают. Барон ведь никому не спустит, коли у кого возникнет желание его людей обидеть. Решил нажиться за его счет – получи привет. Он только тех наказал, что к нему наведывались. Обычное дело на границе. Ну а вашему... Ну, королю Джефу, что остается? Он ведь за своих вассалов должен заступаться. К тому же такое только раз и было. Три барона собрались и отправились в набег. Мало того что им по зубам дали, так барон Авене еще и их замки пожег, прежде чем обратно уйти.

- А я слышала, такое не раз было.

- Рассказни, ваша милость. После того случая к нему никто не лезет. Но ваша правда, чуть до войны не дошло. Король Гийом даже обязал барона Авене тем пострадавшим какую-то компенсацию выплатить.

- Странно. А зачем баронам лезть в те земли? Вроде поговаривают, что земли скудные, оттого барон Авене и пробавляется грабежом.

При этих словах Брук бросил косой взгляд на свою подопечную. Ишь ты, интересовалась, значит. С чего бы это? Да и раньше она его не раз просила поделиться историями из своего прошлого. Оно вроде как чтобы скуку развеять, ведь Бруку и впрямь есть что поведать, но в то же время получается... как бы про барона выпрашивает. Неужели и она?.. Вот смеху-то будет,

если оба имеют друг к дружке интерес и таятся даже от себя.

- Земли скудные, - продолжил Брук, - но барон как-то сумел туда привлечь множество ремесленников. Что там сейчас только не мастерят! Караван, прибывший в Клеве, привез лишь те товары, что там изготовили. Одних тканей четыре большие повозки, да и другого добра хватает. Парни говорят, два года назад сэр Георг все свои средства положил на то, чтобы заманить к себе людей, чуть ли не голым остался. Но потом стало налаживаться. Сейчас, правда, особым богатством не выделяется и своего не вернул, но, судя по всему, не прогадает. Ну вот и приехали, ваша милость. Хм... Вовремя. Прибыл кто-то.

Так и есть. Во дворе небольшого замка у ступеней двухэтажного жилого дома стояла карета. Гербов на дверцах пока не рассмотреть. Кто это может быть? Когда они подъехали к дому, карета уже укатила на задний двор: здесь места не особо много, поэтому экипажи никогда не задерживаются особо, чтобы не загромождать пространство. В общем, кто именно посетитель, пока решительно непонятно.

Скользнув из седла прямо на крыльцо, Адель стремительной зеленой молнией под цвет плаща ее амазонки влетела в двери, спешно распахнутые дворецким. Сообщить имя визитера тот не успел, укоризненно глянув вслед молодой баронессе. Не пристало владельнице вести себя подобным образом. Мало того что незамужняя девушка в одиночестве проживает в замке, так еще и держится неподобающе. А ведь по манерам госпожи судят и о прислуге, как и наоборот.

Просторная светлая гостиная обставлена довольно удобной мебелью. Все указывает на то, что здесь проводят много времени, особенно когда в замке гости. Левое крыло дома занимают кухня и столовая с большим столом, окруженным стульями с высокими спинками. Не сказать, что они отличались удобством или легковесностью, но все же не лавки. В самой гостиной в основном были кресла из скрепленных деревянных плах, с деревянной же перекладиной в качестве спинки и мягким кожаным сиденьем с набивкой из шерсти. Они расставлены у стен, рядом со столиками, оставляя центральную часть помещения свободной. У кирпичного камина - еще пара кресел для любителей посидеть у огня. Все выглядит весьма массивным. Хотя мастер попытался внести легковесность при помощи изящной резьбы, удалось ему это плохо.

Высокие стреловидные окна забраны разноцветными витражами, которые пропускают достаточно света, чтобы чувствовать себя комфортно. Даже в пасмурную погоду здесь светло. На потолке - две кованые люстры, подвешенные на прочных цепях. Дорогое, нужно заметить, удовольствие - в большинстве замков они деревянные. Наличие в них не факелов, а свечей также указывает на достаток в доме. Разумеется, эти люстры используются в особо торжественных случаях, иначе расходы на одно лишь освещение превысят все мыслимые пределы. В повседневной жизни пользуются канделябрами с тремя свечами. Несколько штук расставлены по столикам и пара - на каминной полке.

В одном из кресел у пылающего камина Адель увидела гостя. Вообще-то погода теплая и огонь не должны были разжигать, но, как видно, сделали это только что по просьбе гостя, которого уже слабо грела кровь, да оно и не удивительно, в его-то годы. Все так. Ее навестил старик. Один из тех, кого она рада видеть всегда.

- Дядюшка Жиль! - Девушка радостно метнулась к поднимающемуся из кресла старику и, прильнув к нему как к родному, звонко чмокнула в щеку.

Лицо гостя тут же покрыла краска смущения и довольства. Было видно, что он рад встрече не меньше этой жизнерадостной козочки. Их связывало давнее знакомство. Адель была дружна с

его отрадой и радостью на склоне лет – младшей дочерью, которой разродилась баронесса, будучи уже в годах. По этой причине Адель нередко пропадала в их столичном доме, а также бывала в родовом замке. Отец всегда баловал свою любимицу – соответственно, немалая часть этой любви перепадала и юной баронессе Гринель.

- Барон Ител, если позволите, юная леди. И прекратите изображать из себя маленькую девочку, вы все же хозяйка этого дома, – попытался вразумить девушку старый барон.

Впрочем, строгость эта была наигранной. Ему явно доставила удовольствие именно такая встреча. От заполнившей его нежности старик едва не растекся, как воск. Впрочем, почему же «едва»? Колени гостя подогнулись, и он вновь опустил в кресло, забавно так побряхтывая, что вполне соответствовало его возрасту.

- Старость. Ноги уже не держат, – поспешно попытался объяснить свое состояние барон.

- Могли бы прямо сказать, что тоже рады меня видеть.

- Ну хорошо. Я очень рад нашей встрече, моя милая баронесса.

- Как дела у Агнессы? – Не проявить интереса к жизни своей подруги Адель просто не могла.

- Замечательно. На прошлой неделе она разрешилась от бремени замечательным крепким мальчуганом, осчастливив папашу настолько, что тот, кажется, по сей день пьян – и не поймешь от чего, то ли от счастья, то ли от вина. – Кто бы говорил, вон как сам светится!

- Но ведь еще рано, – произведя нехитрые подсчеты, высказала сомнения Адель.

- Всеу свой срок. Малыш решил, что с него хватит. Его осматривал мастер, все в порядке, как и с самой Агнессой.

- Ну вот, а я все узнаю последней. Обязательно ее навещу.

- Знала бы гораздо раньше, если бы не была такой упрямницей. И к чему запирать себя в этих стенах, когда ты можешь жить при дворе?

- Здесь я чувствую себя куда свободнее.

- Пристало ли это незамужней девушке?

- Ай бросьте, дядюшка. Кто осмелится попытаться завладеть мной и моим замком без позволения короля? Давайте хотя бы вы не будете притворяться: это может произойти с другими, но не со мной.

- Ну да. За все время такую дерзость проявил лишь один, да и тот оказался несвижцем. А едва прознав о том, кто именно попал к нему в руки, тут же избавился от такого трофея.

- И вы туда же, дядюшка! Да знай барон Авене, кто я на самом деле, ни за что бы не отпустил, даже за выкуп!

- Ты в этом так уверена?

- Абсолютно. Сами подумайте, испугался бы гнева памфийского короля тот, кто в ответ на выпад трех баронов пересек границу и сжег три замка? И это в мирное время!

- Да-а... Как видно, у владельцев этих земель подобное поведение - просто норма.
- О чем это вы?
- Адель, мне очень приятно, что ты столь радостно встретила старика, но я прибыл к тебе не только для того, чтобы поведать новость об Агнессе.
- Разве вы не заночуете у меня?
- Ты выгонишь старика за два часа до заката?
- И не подумаю. Но если у нас так много времени, то о делах можно поговорить и позже. Расскажите, что вам известно об Авене. Это, наверное, очень интересно. Тамошние владельцы всегда жили разбоем?
- Господи, Адель! Да откуда же мне знать всю историю этого баронства.
- Но кому, как не вам? Вы ведь всю свою жизнь посвятили геральдике.
- Геральдике, а не истории земель.
- Но вы сами сказали, что все владельцы Авене были воинственны. Значит, вам что-то известно.
- Между прочим, я тут по воле короля.
- Ну и кто расскажет ему о том, что вы довели до меня его волку не в первую очередь? Уж не я, это точно.
- Ну хорошо. Насколько мне известно, бароны Авене во все времена отличались бедностью, крутостью нрава и воинственностью. Скучные владения вынуждали их иметь мало крестьян и много воинов, так как пополнить свою казну и закрома барон Авене мог, лишь взяв это у других. Примерно триста лет назад, когда в Несвиже настали смутные времена и брат пошел на брата, барон Авене решил исправить ситуацию и покинул свою долину. Сначала он захватил одно богатое баронство, потом второе. Дальше - больше. В течение полувека барон взошел на престол Несвижа... не тот, который все это начал, а его внук. Вот, пожалуй, и все. Если, конечно, не считать того, что королевский род никогда не забывал о своих корнях.
- И в чем это выражалось?
- Как тебе известно, все короли титулуются сверху вниз. Сначала король, потом граф и в конце - барон. Так?
- Ну да.
- Во-от. И только в Несвиже все наоборот: сначала барон, потом граф и в последнюю очередь король. И всегда во главе списка был титул барона Авене.
- И что это значит?
- Что именно? То, что королевский род всегда старался подчеркнуть свою родословную?
- Нет. Что значит дар покойного короля безымянному наемнику?
- А-а, ты про нынешнего барона Авене. Да ничего это не значит. Сегодня, пожалуй, лишь такие

одержимые своим ремеслом, как я, помнят историю этой странности. Вот и нынешний король Несвижа титулуется все так же снизу вверх, ничего не поменялось. Как видно, там уже утратили память о причинах такой необычности. Уйдем мы, старики, и об этом забудут все на свете.

- Выходит, дар покойного короля не имеет никакой подоплеки?

- Да какая там подоплека! Берард, мир его праху, был плохим монархом. Выставлял свои чувства напоказ, как бесстыдная девка... Прости старика, моя девочка.

- Ничего-ничего, продолжайте.

- Ага. Так вот, если бы этот наемник был его бастардом, то можешь не сомневаться - о его существовании узнали бы все, причем сам Берард Первый и раструбил бы эту весть. Вспомнить только, до чего он довел союз Несвижа и Бесфана из-за своей связи с молодой фавориткой. Поведение, недостойное короля.

- Наш король не такой, не правда ли, дядюшка? - горько улыбнулась девушка.

- Адель, девочка моя, не смей его осуждать. Наш король - достойный монарх и понимает, что значит ответственность за государство. И не смей думать, что он тебя не любит. Никому не позволено такая вольность, как тебе. Все его воспитанницы находятся при дворе, и лишь тебе с твоим своевольным характером позволено жить вот так, одной. Кстати, именно по этой причине я и приехал.

- Ясно. Король решил, что настала пора мне выйти замуж.

- Именно. Он желает устроить твою судьбу и определить тебе в мужа достойного дворянина, способного обеспечить тебе как безбедную жизнь, так и безопасность.

- А мои желания учитываться будут? - вскинулась баронесса.

- Относительно. Насколько стало известно королю, между тобой и наследником барона Гело имеется симпатия. Или была таковая на тот момент, когда ты гостила в замке.

- С чего он это взял?!

- Ну, по крайней мере, ни с кем другим ты не гуляла при луне. Девочка моя, стоит ли противиться? Ты и без того засиделась в девах, а это достойный и древний род. Король был весьма добр к тебе и предоставил столько времени, чтобы определиться с выбором, сколько не дает ни один любящий отец, включая и вашего покорного слугу.

- Это решение окончательное? - устремив взгляд в какую-то одной ей видимую точку, поинтересовалась баронесса Гринель.

- Король считает, что слишком долго потакал тебе и предоставил достаточно времени, чтобы ты составила партию по велению своего сердца. Теперь он решил взять все в свои руки. Смирись.

- Да-да, конечно. Дядюшка, мне надо удалиться, ты простишь меня?

- Бог с тобой, милая, конечно же тебе нужно побыть одной. Я посижу здесь у камина и попрошу какую-нибудь книгу. Поверь, ты не огорчишь старика.

- Спасибо, дядюшка Жиль.

Пребывая в какой-то прострации, Адель направилась к парадному входу. Ей отчего-то стало нестерпимо душно. Она прекрасно понимала, что сейчас происходит. Раньше, когда отец пытался устроить ее судьбу, он всегда беседовал с ней сам, и ей всякий раз удавалось отговориться. Теперь он действовал более решительно: опасаясь, что опять не выдержит напора с ее стороны, отправил посланника.

Можно заподозрить, что он обозлен на Адель, раз уж решил действовать через посредника. Однако это совершенно не так. Ведь король поручил это дело тому, кого она искренне любила и уважала, тому, кто никогда не делал различий между нею и своей дочерью.

До заката еще было время. От дневного зноя не осталось и следа, на смену ему пришла вечерняя прохлада. Лучше всего посидеть в садовой беседке, увитой плющом и наполненной ароматами цветов. Этот садик на заднем дворе жилого дома был целиком и полностью ее творением. От старого сада ничего не осталось. Даже деревья были доставлены сюда уже выросшими и принялись на новом месте благодаря ее неустанным заботам именно там, где она считала нужным. Дорожки, усыпанные красным песком, камни и кусты, обрамляющие их. Клумбы, густо засаженные цветами. Все это несло на себе печать ее рук. Это ее творение. Ее уголок, сотворенный в старом замке по собственному усмотрению. И если не было возможности уединиться за пределами стен, оставался именно он.

Переполненная своими думами, баронесса прошла в беседку и, присев на лавку, откинулась на решетчатую стенку. Постройка без глухих стен легко пропускала ветерок, приносящий прохладу и облегчение.

Отчего-то ее мысли были сосредоточены вовсе не на предстоящем замужестве, которого она, к слову сказать, не имела никакой возможности избежать. Вместо этого девушка по непонятной причине стала складывать воедино мозаику из сведений, полученных из разных источников и в разное время. Две части она получила сегодня с незначительным интервалом.

Конечно, баронет Гело - весьма достойная партия. Сам молодой человек не был записным красавцем, но довольно привлекателен. Воспитан, образован, немного неуклюж в обращении и вместе с тем напорист, готов идти к достижению своей цели, решительно преодолевая возникающие трудности. Уже одно то, что ему удалось тогда настоять на свидании, говорило в его пользу. Что греха таить, она тогда им даже заинтересовалась и стала присматриваться. Даже мысль о возможном замужестве в то время не вызвала отторжения. Но рассмотреть в нем она так ничего и не успела, потому как появился этот волколак в человеческом обличье.

Вот и сейчас этот человек, сам того не подозревая, встал на пути молодого баронета. Ее мысли крутились именно вокруг барона Авене, словно подумать больше было не о чем. Казалось, Адель должна поразмыслить о том, что могло круто изменить ее судьбу, о трусливом поведении отца, о брате - заступился ли он за нее или предпочел отойти в сторону. Но вместо этого она пыталась сложить кусочки головоломки, которая, возможно, и не могла сложиться, так как состояла из разных частей, не имеющих друг к другу никакого отношения. Скорее всего, это именно так, ведь до нее никто ничего не смог рассмотреть. Баронесса, конечно, считала себя неглупой особой, но и к самым умным не причисляла. Мысли упорно продолжали одолевать ее, как наваждение, избавиться от которого нет никакой возможности...

Итак. В год рождения Брука напали на жену Берарда Первого, который еще не был королем, и убили ее. Как, кстати, звали принцессу? Неважно. Тело ее так и не нашли, как и тело служанки. Примерно в это же время трактирщик находит на берегу Беллоны раненую

женщину, которая чудом не погибла, но лишилась рассудка. И супруга Берарда, и Аглая были в то время беременны. (Кстати, это ненастоящее имя, так ее назвали в честь святой, в день которой она, можно сказать, родилась вторично.)

По времени вроде совпадает. Конечно, все это приблизительно, но год должен соответствовать. Брук как-то оговорился, что они с бароном сверстники. Правда, точный возраст не называл, но можно и уточнить, чтобы узнать, в какой год случилось несчастье с первой супругой Берарда. Трактирщик Адам указал точный день и год. Совпадают эти два куска мозаики или нет, выяснить нетрудно.

Далее. Король в благодарность за действия на поле боя одаривает Георга рыцарским званием, титулом и баронством. Даже если бы он ограничился рыцарским званием, эта награда уже была бы достойной. Прибавить сюда титул, без владений, – и это уже верх мечтаний. Но Берард идет дальше и дарит землю, а как результат – старинное родовое имя несвижских королей. Что это? Бред смертельно раненного? Но отчего тогда кронпринц не отменил решение своего отца после его смерти? Не желает нарушать последнюю волю умирающего? Очень даже может быть.

А могло случиться так, что Берард попросту назвал первое баронство, пришедшее ему в голову? Тоже да. Или же барон Ител, сейчас греющий косточки у камина, прав и королевский род забыл о настоящей причине столь необычного титулования, об этой традиции, введенной первым Авене, взошедшим на престол. Тогда, будучи в здравом уме и твердой памяти, Берард передал во владение новоявленному барону заведомо худые земли, чтобы снять бремя с казны, которой придется нелегко после войны, и в то же время вроде как достойно отблагодарил отличившегося командира.

Хм... Сомнительно. По идее, там просто необходимо содержать большое количество войск, так как баронство находится на стратегически важном направлении. Ну и как это может сделать новоявленный барон, у которого имеется сотня обученных и проверенных в боях ветеранов, но нет возможности обеспечить такое количество воинов из-за скудости земель? Если это понимает даже она...

Наконец, сам Берард Первый. Этот монарх успел стать чуть ли не нарицательным образом из рыцарских романов. Романтичный и плохо отдающий себе отчет в том, какие события могут последовать из-за его необдуманных решений. Если ему стало известно, что Георг – его сын, он просто не мог не признать его, на это указывали его прошлые поступки. Просто на этот раз он поступил немного более осмотрительно, не признав сына напрямую. Ведь если это действительно так, то новоявленный барон Авене представляет собой угрозу Несвижу одним своим существованием, потому что согласно закону престолонаследия является первым наследником покойного короля.

Из разговоров наемников она помнила, что барон Гатине вроде как не одобрял решение короля. Могло это быть из-за того, что он посчитал награду слишком щедрой? Вполне. Вот только какая ему с того печаль? Это не должно его касаться. Его долг – безопасность Несвижа и королевской семьи. Получается, либо он относится к тем, кто помнит о давней традиции, либо сэр Георг – не совсем тот, за кого его все принимают. Очень похоже на правду.

Стать супругой баронета, наследника барона, имеющего солидный вес в Памфии, или непризнанного, но принца Несвижа? Нет, не принца. Если она все правильно поняла, то кронпринца. Даже если он не станет оспаривать корону у своего брата, он является правопреемником Гийома Второго, так как у того пока нет наследников. Дочь не может являться прямой наследницей. Так все же она права или нет?

- Ну слава богу, вы здесь, ваша милость.

- Что еще случилось, Брук?

- Ровным счетом ничего. Просто Римма сказала, что вы вышли из дома сама не своя. Уже темнеет, а вы все не идете, да и старый барон сидит в одиночестве, это на вас не похоже. Вот она и предположила, что вы опять того... Решили уединиться за стенами замка. Я прошу прощения, ваша милость, позвольте вас оставить.

Убедившись, что подопечная находится там, где ей и положено быть, Брук поспешил откланяться. К тому же она все еще была задумчива, и он попросту не хотел ей мешать своим присутствием. Он бы не стал ее беспокоить и вовсе, но рассмотреть снаружи, есть ли кто внутри беседки, было решительно невозможно. Плющ разросся довольно густо, опустились сумерки, а на баронессе все так же надета зеленая амазонка. Пришлось зайти внутрь, чтобы увидеть все своими глазами.

- Погоди, Брук, - вдруг остановила его Адель.

- Да, ваша милость.

- А сколько тебе лет?

- Хм... А чего это... Двадцать восемь, - растерявшись, все же ответил наемник.

Есть! Двадцать восемь! Двадцать восемь лет назад на берегу Беллоны трактирщик... Хм... А может, это ничего не значит? Может, и не значит. Но по годам сходится, как сходится и во многом другом. Ну и что? Какая, собственно, разница? Ей не о чем больше подумать? Вообще-то ее судьба сейчас решается. Нет, не решается. Она уже решена, и изменить что-либо уже невозможно. Наверняка король отправил в Гело послание, где сообщил о своем волеизъявлении. Все указывает на то, что он будет действовать без колебаний. А коли так... Королям не пристало отменять свои указы.

- Знаешь, Брук, барон Ител привез волю короля. Меня выдают замуж за баронета Гело, - неожиданно для самой себя выдала она.

- Это за того, что...

- Да.

- А вы-то как?.. Ну... согласны? Вы только не подумайте... Просто понимаете... Вы ведь Римму при себе захотите оставить, а мы женаты... А барону тогда от нас досталось.

- Мое согласие или несогласие не имеет значения, это воля короля. А насчет отношения баронета лично к тебе не переживай. Была война, и вы не поступали бесчестно. Да и в любом случае ты будешь служить мне, а не ему. Но если пожелаешь... Я все понимаю и удерживать тебя не стану, как и Римму. Но вы подумайте. Мне не хотелось бы, чтобы вы меня бросали.

Столица встретила Георга разноголосым гомоном, узкими улицами, забитыми людьми самого разного возраста и из различных слоев общества. Вот идет разодетый купец. Он не имеет характерной для них полноты, наоборот - поджарый крепыш, но его длиннополное одеяние, берет из дорогой ткани, крепкие нарядные сапоги указывают на его статус. Идет не торопясь, с чувством собственного достоинства, как человек, знающий себе цену.

Вот обычный горожанин – на нем простые штаны и рубаха из одинаковой недорогой ткани, изрядно потертый кожаный жилет, на ногах деревянные башмаки, голова покрыта простым колпаком. Частые шаги отдаются стуком по каменной мостовой, не иначе как спешит по делам.

Вот обедневший дворянин – одежда из некогда дорогой ткани изрядно заношена, на камзоле и плаще видны следы аккуратной штопки. Столь же старому берету попытались придать более нарядный вид, вставив новое перо, но это помогает мало. Побитые сапоги с сильно стертymi каблуками просят в починку. Молодой человек вьется ужом и заливаается птахой, обхаживая молодую дворянку, которая выглядит куда богаче своего ухажера. Ее платье, плащ, высокая прическа с нитью жемчуга не оставляют сомнения в том, что их обладательница представляет состоятельный род. Можно удивиться тому обстоятельству, что она идет пешком, подметая подолом своего платья не очень чистые улицы города, вместо того чтобы передвигаться в карете. Но то, как она слушает своего ухажера, и поощрительные улыбки указывают на то, что внимание молодого охотника за выгодным браком ей приятно. Что ж, парень, похоже, у тебя есть шанс. Вперед.

Город живет своей привычной жизнью. Все заняты своими делами, и никому нет дела до того, что в его пределах появился еще один представитель. Взгляд прохожих изредка задерживается на статном всаднике, закованном в броню, но в целом воин в полном облачении здесь не такое уж редкое зрелище. Вот если он понесется вскачь или кого заденет красавцем-конем, играющим мощными мышцами под шкурой и гордо несущим своего седока, – тогда совсем другое дело. А так воин как воин. Если не знать наверняка, что это самый настоящий рыцарь.

Георг предпочел не надевать рыцарскую цепь. Попона его коня и щит не имели герба. Вот уж это не осталось бы незамеченным. Прошедшая два года назад война наделила его славой. Предпринятый год назад набег на баронства памфийцев, решивших его пощипать, еще больше упрочил репутацию. Столкновения на границе – рядовое в общем-то происшествие, но та стремительность, с которой были захвачены и сожжены три замка, просто не могла не привлечь к себе внимания общественности. Поговаривали, что вроде как уже сложена баллада в честь славного барона, правда, ему ее слышать еще не доводилось.

Барон Авене прибыл сюда в сопровождении десятка бойцов, которых предпочел оставить на постоялом дворе за стенами. Нет никакой необходимости въезжать в город с таким эскортом, привлекая взгляды зевак. Он оказался здесь вовсе не по своему желанию. Не сказать, что вызов доставил ему удовольствие, он вообще предпочел бы держаться в стороне от человека, к которому испытывал стойкое предубеждение, но не откликнуться на приглашение не мог. А парням куда лучше будет в обеденном зале, за столом, уставленным снедью, и в окружении девиц, готовых на многое ради серебра, звенящего в кошельках постояльцев.

По мере продвижения к центру становится более многолюдно. Дома, выходящие прямо на улицу, начинают уступать место высоким заборам. Здесь проживают представители благородного сословия, причем далеко не бедные, раз могут себе позволить в черте столицы целые подворья.

Несвиж, одноименная столица королевства, не производил на Георга особого впечатления. Да, народу куда больше, чем в тех городах, где ему доводилось побывать раньше. Но тот же Хемрод или Раглан выглядят гораздо более ухоженными. Кстати, стены столицы находятся далеко не в идеальном состоянии. Как видно, никто не допускает мысли, что к ним подступит враг, или же средства безбожно разворовываются.

Кажется, на месте. На весьма оживленную улицу, ведущую в сторону центрального рынка,

выходит глухой забор, имеющий только арку с воротами, в одной из створок которых устроена калитка. Вот и деревянный молоток, чтобы без труда вызвать привратника. Вообще-то барон Гатине при его роде деятельности мог бы выбрать уголок и потише. О какой секретности может идти речь, если среди беспрестанно снующих туда-сюда людей легко может затесаться какой-нибудь соглядатай?

Ладно. Это не его дело. Георг, конечно, не хочет афишировать свою связь с Несвижским Псом, но и опасаться ему некого, он ведь не имеет с ним никаких дел. Правда, остается еще вопрос с его родословной. Но, похоже, барон знает что делает, раз уж пригласил его именно сюда и даже словом не обмолвился о сохранении тайны.

Привратник открыл окошко уже после третьего удара молотка. Однако... Впрочем, прислуга у барона вышколена хорошо, Георг помнил об этом еще по родовому замку Гатине. Калитка тут же распахнулась, едва гость назвался. Слуга бросил сквозь окошко быстрый взгляд, убеждаясь, что посетитель один, после чего задвигал запорами.

Его уверенность стала понятной, едва Авене прошел внутрь, ведя коня в поводу. Сразу за воротами располагались четыре воина в полном облачении. Даже неискушенному человеку достаточно было бросить беглый взгляд, чтобы определить в них закаленных бойцов, отлично знающих себе цену.

- Ну вот и ты, дорогой барон!

Гатине встретил гостя в своем кабинете, в обществе Волана, восседающего в кресле с неизменным кубком в руке. Именно присутствие здесь мастера насторожило Георга сильнее всего. Если этот любитель дорогого вина и темного искусства оторвался от своих изысканий, значит, дело явно пахнет чем-то эдаким. А прибавить сюда вызов самого Георга... Что вы опять задумали, господин барон?

- Вина? - все так же улыбаясь, предложил хозяин.

- Виренского, - с нескрываемой иронией согласился Георг.

- Х-ха! Я же тебе говорил, что парню оно явно пришлось по вкусу, - задорно выдал Волан и сделал небольшой глоток.

- Вы оба меня разорите на одном только этом пойле, - пробурчал барон, берясь за бутылку и наполняя серебряный кубок.

- Не ворчи, Жерар. Тебе это не идет. Ваше здоровье, молодой человек.

- Зачем вы меня вызвали, барон? - отпив вина, которое и впрямь пришлось ему по вкусу, поинтересовался Георг. - Сомневаюсь, что вы хотели угостить меня этим великолепным вином.

- Все повторяется, не так ли, Жерар? - глядя на молодого человека, произнес Волан.

Он имел в виду их первую беседу в том же составе, но три года назад в замке Гатине. Тогда барон и мастер просветили Георга по поводу того, кем он является по рождению. Что ж, вполне символично, потому как сегодняшняя беседа не менее трудна и важна. В зависимости от того, как он пройдет, будет определен и ход действий Гатине, а также будет определена судьба королевства. И это вовсе не высокопарное заявление. Все именно так и обстоит.

- Все повторяется, - согласился Несвижский Пес.
- Что на этот раз? - еще больше насторожился Георг. От этой встречи он не ждал ничего хорошего и с самого начала был в напряжении.
- Георг, как ты видишь ситуацию вокруг престола на сегодняшний день? - решил начать с вопроса Гатине.
- Я никак ее не вижу, - тут же открестился молодой барон, - потому что мне это неинтересно.
- И все же?
- Я вижу на престоле умного и прозорливого правителя, по-настоящему достойного короны, человека, способного управляться с королевством значительно лучше своего отца.
- С этим я соглашусь. Но поставлю вопрос иначе. Как обстоят дела с престолонаследием?
- Нормально обстоят. У короля есть дочь, которая вполне сможет ему наследовать. Остается только подобрать ей подходящего мужа.
- А вот тут ты неправ. Дочь конечно же сможет наследовать отцу, но за ее руку сегодня идет упорная борьба. Плещутся интриги и даже проливается кровь. Многие хотят возвести на престол своих отпрысков. Эта девочка - не столько залог стабильности, сколько яблоко раздора. И к чему все это может привести, остается лишь гадать. Король сейчас словно ступает по полю, пересыщенному ловушками. Один неверный шаг - и может начаться все что угодно. Пока ему удастся отговориться от поползновений насчет помолвки, мотивируя это как юным возрастом Инесс, так и тем, что он все еще полон сил и даже не вошел в зрелый возраст. Но с каждым годом будет только хуже. Стабильность может внести только наследник, но никак не наследница.
- Это вы сейчас к чему клоните, господин барон?
- Ты хочешь быть наследником несвижского престола?
- Я?.. Да чтобы я... Нет! Мне не нужно этого счастья.
- Но ты сейчас являешься наследником.
- Обо мне никто не знает и не должен узнать. Вы забыли? Вы оба. Какую игру вы ведете?
- Говори только за Жерара, мое дело сторона, - тут же открестился Волан и заполучил осуждающий взгляд Гатине, как видно, рассчитывавшего на его поддержку и не получившего таковой.

Георг перевел полный гнева взор на барона, уже успевшего взять себя в руки и олицетворявшего в этот момент несокрушимую гору. Конечно, не помешала бы дружеская поддержка, но коли уж ее не случилось, ему достанет решимости отстоять свои убеждения.

- Георг, никто не ведет с тобой нечестную игру. Фигуры расставлены, остается только делать ходы, не противоречащие правилам игры, иначе крах. Правда заключается в том, что, хочешь того или нет, ты являешься наследником престола. И если случится необходимость, не сомневайся, я сделаю все, чтобы у Несвижа был король, гарантирующий стабильность и безопасность.

- Да не нужно мне этого! - вскочив на ноги и заметавшись по кабинету, выкрикнул Георг. - Разбирайтесь сами в своей трясине.
- Не обобщай...
- Да мне плевать, в одной вы лодке или нет, - прервал темного Авене, - я в нее не собираюсь садиться, это точно. Я хочу просто жить! Жить так, как хочется мне, а не так, как того требуют интересы королевства. Гатине, не смейте вмешивать меня в эту возню.
- Но ты ведь принял родовое имя и заботу о людях, проживающих в твоём баронстве.
- Вот только не нужно сравнивать. Это совсем не одно и то же.
- Разницы никакой. Сотня или сотни тысяч - ответственность одинакова.
- Нет, не одинаковая, - вновь опустившись в кресло и сделав большой глоток вина, возразил Георг. - Я не готов к этому. Я не хочу этого. Я готов служить, но не хочу править.
- Ты же знаешь, что твои желания здесь ничего не значат. Это твой долг.
- Почему мой? Вы такого высокого мнения о Гийоме, который является человеком долга и прекрасно осознает свое бремя. Неужели ему не по силам подарить королевству наследника? Это самая простая обязанность короля, не требующая абсолютно никаких усилий. Отчего тот, кто всегда знал, кем ему суждено быть, и выросший с осознанием той ноши, что будет взвалена на его плечи, предпочитает оставаться в стороне, а я, никогда не подозревавший об этом, должен подставлять свой горб?
- С тем, что кажется тебе столь простым, справиться как раз сложнее всего, - тяжело вздохнув, возразил Гатине.
- Королева бесплодна? Но ведь тут тоже не все так трудно. Если это так, то при отсутствии наследника король может развестись и взять другую жену.
- Сложность не в королеве. - Барон даже покачал головой, подкрепляя свои слова.
- Гийом?.. Так те слухи... Он мужеложец?
- Это тот самый случай, когда слухи совершенно верны.
- Но ведь принцесса Инесс...
- Тут нам пришлось изрядно постараться, и мы справились, - вновь перебил барон Георга. - Но повторить это не получилось. Не спрашивай. Там все очень сложно. Неужели ты думаешь, что если бы я мог, то не сделал бы этого? Гийом не способен быть с женщиной даже под воздействием чар. Даже длительное воздержание не помогло.
- Значит, я обречен быть наследником? Но я этого не хочу.
- Если ты по-настоящему этого не хочешь, то есть один выход.
- Какой? - Георг тут же ухватился за слова барона, словно утопающий за соломинку.

Ну не хотел он взваливать на свои плечи такой тяжкий груз, как управление королевством! Большое заблуждение, что править - это одно сплошное удовольствие. В первую очередь это

огромная ответственность. Если бы он знал все о доле владетеля, то ни за что не согласился бы принять дар отца в виде баронства. Принимать решения, зная, что от них будут зависеть судьбы людей – не наемников, понимающих, что они обменивают свою кровь на серебро, а простых людей, – очень сложно. Прежде чем принять серьезное решение, Георгу приходилось прямо-таки выстрадать его. А ведь далеко не все они были популярны среди людей. У него появились и почитатели, и ненавистники. И это всего лишь баронство, где людей меньше тысячи. А тут на него хотят взвалить целое королевство! Не нужно ему этого счастья. Он вообще не понимает, отчего все с таким упорством добиваются короны. Нет, тех, кто хотел возвести на престол своих отпрысков, не спрашивая их мнения, понять еще можно, но ведь есть и те, кто сам стремится к этому.

- Наследовать престол по праву может только тот, в ком течет королевская кровь, – пристально глядя в глаза Авене, произнес Гатине.

- Вы сказали, что есть выход, а вместо этого опять смотрите на меня. Погодите... Ну нет...

- Да, Георг. В твоих жилах та же кровь, и она будет в твоих детях.

- Да вы что, сума сошли?!

- Ничего подобного, – все так же твердо возразил Жерар. – Гийом уже не раз давал согласие на то, чтобы его зачаровали, и, хотя результат был получен лишь однажды, даст снова. Ты правильно заметил, что он человек долга, а потому готов идти на жертвы, дабы исполнить его надлежащим образом. Но здесь все иначе. Он готов, и не просто говорит об этом, а делает, но его тело не может.

- Ну и к чему этот разговор? – обреченно откинувшись на спинку, упавшим голосом произнес Георг. – Вы же готовы на все ради сохранения стабильности в королевстве. Не думаю, что вас остановит то, что я представитель королевской крови. Вы можете сделать все и без моего одобрения или желания. К тому же после того, как чары спадут, я ничего и не вспомню.

- Я же тебе говорил – тут нет простого решения.

- Да что вы...

- Он хочет сказать, что ни я, ни иной мастер не сможет наложить на тебя чары, – перебил Георга все так же сохраняющий спокойствие и даже пребывающий в некой меланхолии Волан.

- Вы настолько хорошо постарались с наложением своих чар?

- Правда в том, что ты всегда был невосприимчив к чарам. Помнишь, после взятия замка Гело ты недоумевал по поводу того, что не сумевший тебя зачаровать ученик мастера не убил тебя своими действиями? Вижу, что помнишь. Я не настолько хорош, насколько тогда хвастал. Подобные чары действительно требуют специального ритуала, если их накладывать на длительный срок. Просто я попробовал зачаровать тебя прямо там и потерпел неудачу. Поэтому все, что ты делал, ты делал сам, по зову крови и из чувства долга. И сейчас решение придется принимать тебе.

- Но королева...

- За нее примет решение король, как и за себя. Она будет под воздействием чар и вспомнит лишь то, что ей внушат. Его также зачаруют, он будет пребывать в уверенности, что ему удалось исполнить долг. Сразу никто не бросится, а к моменту, когда обнаружится

беременность, все следы развеются.

- Нет. Я не могу.

- Тогда смирись с тем, что ты наследник престола. Единственное, что тебя отделяет от короны, - это пока не рожденный сын Гийома.

- Но я не смогу так! Может, все же провести какой-нибудь ритуал? Я согласен на все, - не видя выхода и начиная сдаваться, растерянно сказал Георг.

- Нет другого пути, - тут же выпалил Гатине.

Воспользовавшись тем, что парень смотрит в пол, он устремил многозначительный взгляд на Волана. Тот только легонько пожал плечами. Слово хотел сказать - «как знаешь».

- Георг, есть лишь два пути, - убедившись в том, что темный будет молчать, более спокойно продолжил Жерар. - Каким из них пойти, решать тебе.

- Когда?

Гатине бросил вопросительный взгляд на мастера. Волан в своей обычной манере, с некоторой ленцой поднес к губам кубок с вином. Затем посмаковал, как заправский знаток, и после этого ответил:

- Через три дня у королевы будет самое благоприятное время.

- Значит, через три дня, - подвел итог непростому разговору Гатине.

- А если родится девочка? - и не думал закругляться Георг.

- Тогда ты все так же останешься на распутье, и решение опять будет за тобой.

- Гатине, запомни раз и навсегда. Я пойду на это, но, как только родится наследник, забудь о моем существовании. Квохчи над кронпринцем, как наседка, делай что хочешь, но не смей ко мне приближаться.

- Так и будет, Георг.

- Где мне находиться все это время?

- Тебя проводят. Все уже подготовлено.

Когда дверь за бароном Авене закрылась, Волан поднялся на ноги и сладко потянулся, напоминая в этот момент разомлевающего кота, вынужденного вынырнуть из приятной дремы. Потом он прошел к окну, обвел взглядом закрытые и забранные разноцветной слюдой створки, явно сожалея, что их никак нельзя открыть. Разговор еще не закончился, а ему хотелось вдохнуть свежего вечернего воздуха. Но ничего не поделаешь: то, о чем говорится здесь, не должно стать достоянием других, даже если это верные и проверенные люди. Так спокойнее не только Жерару, но и ему.

- Почему ты не сказал парню всю правду? - обернувшись, спросил он барона.

- Не нужно ему знать об этом.

- Но ведь он сам был готов к этому. А в таком случае я смог бы провести ритуал и помочь.
- Волян, тебе недостаточно того, что я в твоих руках? Хочешь еще и его заполучить?
- Нет. Просто на этот раз ритуал отличался бы, так как мне не нужно было бы накладывать чары и на себя самого.
- Сокрушаешься по поводу того, что я не позволил тебе прикоснуться к тайне не поддающихся чарам?
- Есть такое дело. После того как между мной и Торком наметилась гармония, я остался без серьезной работы.
- Не расстраивайся. Обещаю раздобыть тебе оборотня или другого невосприимчивого.
- А вот это ты зря. Другьям так просто обещаний не дают, - хитро улыбнулся Волян.

Гатине вдруг понял: он только что сам себе создал весьма серьезную головную боль. Довольный собой, темный отвернулся к окну и с каким-то злорадством распахнул створки. Серьезные разговоры закончены, теперь можно и свежим воздухом подышать. Жерар только обреченно вздохнул.

- Миледи!
- Что случилось? - открывая глаза, с явным недовольством произнесла Адель.

После того как барон Ител принес весть о ее скором замужестве, девушка потеряла покой. Тот вечер, когда она столь хладнокровно обдумывала все, что связано с бароном Авене, был единственным спокойным в череде последовавших за ним. Как ни странно, в дом она вернулась умиротворенной и провела остаток вечера за беседой с дядюшкой Жилем, после чего уснула как младенец. Что послужило тому причиной, было определено непонятно, но намечающиеся в ее жизни коренные изменения, казалось, не произвели на баронессу никакого впечатления.

Шли дни, и постепенно спокойствие духа начало изменять ей. Адель все чаще и чаще ощущала подспудное чувство беспокойства. Ее начали одолевать какие-то кошмары, от которых она просыпалась в холодном поту, но как не силилась, не могла припомнить, что же именно ей приснилось. Вскоре ощущение тревоги стало преследовать ее и наяву. Ничего определенного, просто предчувствие чего-то страшного и неотвратимого.

Она потеряла не только сон и покой - она утратила чувство голода, проводя в праздности целые дни в своей беседке. Римме удавалось заставить ее проглотить небольшое количество еды. Но апатия, овладевшая ею, была настолько сильна, что баронесса не ощущала вкуса блюд, любовно приготовленных для нее. За прошедшие пару недель она исхудала настолько, что под глазами появились синяки, трудно было поверить, что эта девушка еще совсем недавно буквально светилась здоровьем, а энергия била из нее через край.

Уже через несколько дней после памятного вечера с бароном Ителом она знала точно, что с ней происходит. Вот только понимание не принесло облегчения, не смогло прогнать тревогу и ночные кошмары. Она никак не могла простить отцу предательства. Он никогда не признавал ее, пресекая любые попытки дочери пробудить в нем отцовские чувства. Но при этом искренне любил так, как может любить только настоящий отец. Он обещал, что она сама выберет себе мужа по сердцу и по душе, не препятствовал ухаживаниям за нею, но никогда не выказывал своей воли.

Несколько раз он заводил с нею разговоры о замужестве, держась при этом не как любящий родитель, а как сюзерен, устраивающий выгодный брак своей воспитанницы. Не сказать, что подобранные женихи были недостойными или были ей противны. Но она каждый раз противилась, так как перед ее глазами был пример подруги, выросшей в любви, которую не пытались спрятать за маской безразличия. Да, брак Агнессы устроил ее отец, но ведь он постарался подобрать не просто выгодную партию, но и достойного жениха. В браке подруга была счастлива, хотя до свадьбы практически не знала своего будущего супруга.

Король же продолжал оставаться холодным, что и послужило причиной неприятия его попыток устроить ее судьбу. До получения вести о свадьбе (именно о свадьбе, о помолвке и речи не было) Адель вполне нормально относилась к баронету Гело. Но стоило ее отцу объявить о своем решении, как неприязнь к молодому человеку, вины которого ни в чем не было, стала расти день ото дня. Это чувство еще более усугубило ситуацию, внося еще больший разлад в ее душу.

И вдруг ни с того ни с сего вчера вечером ей захотелось есть. Боясь, что после столь длительного и жесткого воздержания в еде желудок баронессы не выдержит, Римма покормила ее бульоном, после чего отправила спать. Боже, какое блаженство! Адель уже успела позабыть, что такое крепкий сон, насыщенный яркими и приятными снами. Не имеет значения, что она опять ничего не запомнила, главное – она знала, что сон был великолепен.

Ну и как тут проснуться в хорошем расположении духа, когда тебя вырывают из такой неги и возвращают на грешную землю, со всеми ее проблемами и невзгодами? Вот именно этим и объяснялось ее недовольство. Похоже, трудное и длительное восхождение на некую гору позади и она все же сумела найти в себе силы принять уготованное ей. Слава богу, все позади. Однако, прислушавшись к своим ощущениям, она вдруг осознала две вещи. Она по-прежнему не желает выходить замуж за баронета. И ей нестерпимо хочется есть.

Эти мысли пронеслись в ее голове в мгновение ока. Но, несмотря на невероятную скорость, каждая мысль была четкой и ясной. Боже, как же не хочется вставать. Но господи, как же хочется есть! А тут еще и эти дразнящие запахи, доносящиеся с кухни. Странно, раньше она никогда их не ощущала. Наверное, длительное голодание обострило обоняние. Адель сделала еще один вывод: если ее немедленно накормят свежесдобитой булочкой с маслом и медом, напоив горячим взваром, пахнущим травами, она простит то, что ее вырвали из такой приятной неги.

- Миледи, там прибыл гость, - сообщила Римма.

- В столь раннее время? - бросив взгляд в окно и заметив, что рассвет едва занимается, недовольно заметила Адель.

- Незваные гости всегда появляются в неурочный час. Хорошо еще не ночью, не то с него станется.

- И кто это?

- За стенами замка кружится конный отряд барона Авене.

- Барона Авене?

- Да, миледи.

- Что этот несвижский волколак делает под стенами моего замка, да еще и так близко от

столицы?

- Он желает говорить с вами, миледи.

- Ага. Превосходно. Он желает. А вот я не желаю с ним беседовать. Прикажи подать завтрак, очень есть хочется, а потом вернись, я хочу одеться.

- Но он не один, а со своей дружиной.

- Он готовится к штурму?

- Нет, - растерянно ответила Римма.

- Тогда делай что тебе сказано.

- Слушаюсь миледи.

Итак, он все же пришел. Неужели... Ну да. Все так и есть. В тот вечер она рассказала о своем замужестве Бруку, втайне надеясь, что он сможет подать весточку своему бывшему командиру. А когда уединилась, то все мысли ее были сосредоточены на бароне. Она что, думала о том, чтобы?.. Да нет же, это бред. Этот волколак!.. Но ведь надеялась же? Надеялась. А у кого еще достанет духу пойти наперекор ее отцу? Ну и с чего бы ему стараться ради нее? Впрочем, разве она не видела, как он себя вел с ней перед расставанием? Такой потешный! Можно рассуждать об этом сколько угодно, но женщина всегда замечает, нравится она мужчине или нет. Ну да, настолько понравилась, что за два года ни одной весточки. Но ведь он пришел. Пришел, когда, казалось, выхода нет. Это значит... Ничего это не значит. Или значит? Все окончательно запуталось. Нужно поговорить с ним, и только потом станет хоть что-то ясно. Но сначала она позавтракает.

- Как она сказала?.. - Георг откровенно растерялся.

Нет, он, конечно, предполагал, что Адель может оказаться недовольной его появлением, но чтобы вот так - проявить равнодушие... Какая разница, в какое время он появился под стенами ее замка? Большой вооруженный отряд находится поблизости от ее дома, намерения неизвестны. И в этой ситуации проявлять равнодушие? К тому же ее известили, кто именно сейчас находится перед воротами. Да за кого она его принимает?!

- Сэр, ее милость выйдет к вам, как только покончит с завтраком. - Было видно, что Бруку неприятно говорить это барону, но другого выхода нет. С одной стороны - девушка, которая за последнее время стала ему дорога и забота о которой уже вошла в привычку. С другой - боевой соратник, командир, с которым он прошел огонь и воду. Господи, эти двое никак не могут найти общий язык, но он-то тут при чем?! И зачем только он послал весть в Авене! Вот вышла бы за этого Гело. Хм... А кто вообще сказал, что барон Авене - ее избранник? А то нет! Да он готов прозакладывать свои... Нет, с залогом нужно повременить. Ну не поступают так с тем, кого ждут с нетерпением.

В этот момент Георг походил на смешавшегося юнца. Весть о замужестве Адели он получил, будучи в столице, а вернее, когда уже собирался ее покинуть. Он и сам не мог объяснить, с чего так взбесился. Нет, он, разумеется, понимал, что его неодолимо влечет к этой девушке. Как понимал и то, что отговариваться от просьб матушки привезти «дочку», становится все труднее и вскоре нужно будет что-то предпринять. За минувшее время он так ни на что и не решился по одной простой причине - он боялся. Его одолевала неуверенность. Мало ли какие

чувства испытывает он. Но полученная из Памфии весть от Брука, переданная через боевых товарищей, заставила его пойти на крайние меры.

Была мысль снарядить отряд и просто выкрасть баронессу. Такие случаи вовсе не были редкостью. Рыцари поступали так во всех королевствах. Тут главное – успеть сочетаться законным браком с «невестой», чтобы все было в пределах приличий, а там бедняжке уже ничего не оставалось. Но на подобное он пойти не мог. Его останавливали два обстоятельства. Первое – это сама Адель, неволить которую он не стал бы ни под каким предлогом. Вторая – брат. Ну не мог он подложить ему такую свинью. Из-за этого похищения вполне могла начаться война. Плевать, что король никоим образом не признавал родство с баронессой Гринель, она его дочь, в ее жилах течет его кровь, и подобное никому не спустили бы.

Барон Авене не собирался применять силу – просто поговорить. Дружина же была нужна лишь для того, чтобы этот разговор состоялся, все же баронессу охраняли солдаты короля. Понять, что творилось у него в душе, он и сам не мог. Вроде как испытывал нерешительность, но в то же время готов был пойти на все. Он сам не знал, как правильно поступить, но понимал одно – тянуть больше нельзя, необходимо действовать.

Началась самая настоящая гонка. Более трехсот миль они преодолели за рекордно короткий срок, давая роздых только лошадям. Дружина пошла за ним безоговорочно, хотя он честно сообщил бойцам, что поход имеет личный характер и отказавшийся от него ни в коей мере не будет осуждаться бароном, а продолжит свою службу, как и прежде.

По большому счету, его отряд сейчас не представлял никакой опасности для находящегося перед ним замка. Люди были вконец измотаны и истощены. Им нужен был отдых, как минимум сутки, чтобы прийти в себя. Дружинникам еще удавалось изображать грозный вид, но на деле бойцы из них сейчас откровенно никудышные.

- Молодец Адель!

- Ай красавица!

- Такая не спустит!

- Нет, не спустит!

Голоса из-за спины были полны восхищения и уважения. Большинство в его дружине помнили эту девушку, когда она была вынужденной их гостьей. Вот же bestия! Будучи в плену, сумеет добиться уважения наемников, которые наплевали на свою долю от ее выкупа и даже бровью не повели, когда командир отпустил ее просто так! Мало того, ее еще и сопроводили до Хемрода по оккупированной территории, рискуя попасть в лапы памфийцев.

Георг обвел взглядом сопровождавший его десяток, и парни решили попридержать языки. Каждый поспешил найти себе занятие, старательно изображая бдительность и усердие в службе. Одни осматривают подступы, другие изучают стены и башни, и все усиленно стараются стереть с лица ухмылки, правда, получается это не очень. Нет, ну эти шестеро ладно, они знали баронессу, но новички-то чему радуются? Как видно, время в пути коротали в разговорах, так что и этим все известно. Ну и пусть их. Значит, ждать. Ладно.

Десяток под предводительством барона Авене, отделившийся от кружащейся вдалеке сотни, простоял шагах в семидесяти от ворот примерно с полчаса. Ни к чему подъезжать ближе и задирать голову при разговоре. Куда проще слегка повысить голос. Но по прошествии этого времени Адель на стене так и не появилась. Вместо этого подъемный мост опустился, и из

ворот выехали два всадника. Вернее, всадник и всадница. Первым был Брук, а вот во всаднице Георг сразу же узнал Адель.

Уже кипевший от злости барон сразу же позабыл о недовольстве. Вот появилась она на стене – и, скорее всего, весь негатив излился бы могучим водопадом. Но стоило ему увидеть ее выезжающей из ворот... По телу пробежала дрожь, под ложечкой засосало... Хорошо хоть на преодоление даже этого небольшого расстояния всадникам потребовалось какое-то время. Его вполне хватило, чтобы мужчина сумел взять себя в руки.

Не доезжая примерно тридцать шагов, Брук остановился, предоставляя Адели возможность проделать остаток пути в одиночестве. Увидев это, Георг обернулся к парням и легким кивком дал понять, чтобы они отъехали. Те поняли все верно и подались назад. Теперь барон и баронесса могли разговаривать хотя и у всех на виду, но находясь в некоем уединении.

– Мое почтение, баронесса, – сглотнув вдруг возникший в горле комок, поприветствовал ее Георг. Правда, справиться с дрожью в голосе он так и не сумел.

– Чем обязана столь необычному визиту, барон Авене? – Показалось или ее голос действительно дрогнул?

Боже, что с ней! Она совсем не похожа на ту пышущую здоровьем красавицу. Нет, Адель по-прежнему прекрасна, и он готов любоваться ею бесконечно, но что это за болезненная худоба? А эти синяки под глазами?..

– Прошу прощения, баронесса, я не знал, что вы нездоровы.

– Я нездорова? Ах, это! Не обращайтесь внимания. Хворь уже миновала, и я твердо стою на ногах. Так чем же я обязана вашему визиту, барон?

– Я привез вам приглашение моей матушки погостить у нас дома, – отчего-то струсив, решил он прикрыться матерью.

– И для этого привели всю свою дружину? – Ему опять кажется или в ее голосе слышится разочарование? Да кто же ее поймет! То называет его волколаком, то заигрывает.

– Мне несколько небезопасно находиться в Памфии, так что наличие дружины совсем не помешает, – уцепился он за слова баронессы, так как говорить об этом было куда проще.

Надо же, а ведь все эти дни он был полон решимости, сотни раз мысленно проговаривая все, что скажет ей. Но стоило оказаться лицом к лицу... Боже, да что с ним вообще такое! Ведь это так просто...

– Безопасность – достаточно веское основание, – понимающе кивнула Адель, – но могли бы ограничиться и простым посланником. Я помню о своем обещании матушке Аглае и обязательно исполню его. Однако сейчас я несколько ограничена во времени, у меня в скором времени состоится свадьба. Но после я обязательно изыщу возможность навестить ее. – Девушка буквально сочилась желчью.

Боже, что она такое говорит? А этот болван? О чем это он? Более нелепого объяснения своего пребывания в опасных землях, да еще и так близко от столицы, измыслить просто невозможно. Нужно пригласить его в замок. Этого требуют приличия. А еще... Боже, как он налился краской... Вот сейчас махнет на все рукой, развернется и умчится в свои владения. Приглашение остановит его от необдуманного шага. От какого шага? Он вообще способен

принять хоть какое-то решение или все его достоинства сводятся к умению махать мечом?! Ну зачем он сюда приехал?! Лучше бы и не появлялся! Все надежды, восплававшие было в ней, рушились с неумолимой быстротой.

- Если это все, что вы хотели мне сообщить, то прошу меня извинить, у меня много дел. В дом не приглашаю. Я, знаете ли, не привыкла, чтобы в гости ездили в сопровождении целой армии.

- Баронесса!

- Ну что еще, барон? Забыли еще что-то передать от вашей матушки? - язвительно поинтересовалась она.

Адель уже не волновалась, и если в ее голосе ощущалась дрожь, то иного рода. Не нужно быть знатоком человеческих душ, чтобы понять: ее сейчас переполняет гнев. Проклятье, да он сейчас сам готов врезать по своей голове чем-нибудь поувесистее!

- Я... Я приехал... Баронесса Гринель... Адель, выходите за меня замуж!

- Что?.. Что вы сказали?

- Вы прекрасно расслышали.

- А вам известно о том, что я уже выхожу замуж?

- Да, баронесса.

- Значит, вы прибыли сюда со своей дружиной, дабы получить именно тот ответ, который вам нужен, не считаясь со мной! - Не вопрос. Адель уверена в своей правоте.

Нет, она уже не зла. Ее охватила ярость. Да что этот барон себе позволяет! Он настоящий волколак, всегда им был, им и остался! Вот как получается. Если она согласится на его предложение, то все нормально, а если нет - он похитит ее, как добычу, и распорядится ею по своему усмотрению. Да кто он такой?!

- С чего вы взяли, что я собирался вас похищать?

А вот теперь ни о какой дрожи в голосе и говорить нечего. Оба вдруг пришли в возбуждение и теперь, уже не думая о приличиях, говорили настолько громко, что их прекрасно слышали даже на стенах.

- А разве нет?

- Да и в мыслях этого не было!

- Зачем же тогда здесь ваша дружина?

- Чтобы иметь возможность поговорить с вами, если ваш капитан попытается этому воспротивиться!

- Выходит, ради разговора со мной вы готовы были штурмовать мой замок!

- Да какой здравомыслящий человек не прибегнет к переговорам, если к стенам замка подступает сильный отряд? А это все, что мне было нужно!

- И я должна вам верить?
- Можете не верить, но это так!
- А вам известно, что если я нарушу волю короля, то буду лишена и титула, и владений?
- А зачем они вам? Я дам и то и другое. Но если для вас это так важно... Я немедленно готов подписать грамоту о передаче вам всего моего баронства при условии, что вы станете моей женой.
- Пытаетесь купить меня?
- Да не пытаюсь я вас купить! Просто готов на любые ваши условия.
- А если я откажусь?
- Я тут же уеду, и живите как хотите. Выходите замуж за кого пожелаете. Меня вы больше не увидите!
- Какого вы высокого о себе мнения. Вот он каков я - или будь счастлива со мной, или будь несчастна с другим... Вы куда, Авене?!
- Я возвращаюсь обратно в Несвиж. Счастливо оставаться.
- А ну стой, волколак несносный! Значит, ты проделал этот долгий путь, а теперь так просто уйдешь?!
- Именно это я и делаю! - уже немного отъехав и вновь развернувшись, гневно бросил барон.

Он уже вновь хотел дернуть повод и убраться прочь от этого места, но вдруг заметил, что в Адели произошла какая-то неуловимая перемена. Что это? Неужели он не ошибается и в ее взгляде мелькнул испуг? Чушь! Чего ей опасаться? Никто и не думает посягать на нее. Более того, он недвусмысленно выразил свое намерение вернуться в свои владения, и разрази его гром, если он не воплотит это в жизнь! Каким же нужно быть дураком, чтобы проделать все то, что совершил он!

Баронесса двинула поводом, и ее лошадь пришла в движение. Подъехав вплотную, Адель тихо, так, что их никто и ни при каких обстоятельствах не сумел бы расслышать, спросила:

- А кто мне делает предложение? Барон Авене или принц крови?
- Откуда вы... - скорее прохрипел, чем проговорил он.
- Так все же, кронпринц, кто мне делает это предложение?

Он вдруг понял, что до этой минуты она ни в чем не была уверена полностью. Но теперь, увидев его реакцию, убедилась окончательно. Вот оно! Вот причина ее испуга. Она боится выпустить из рук удачу. Незаконнорожденная дочь, хотя и любимая, но не признанная отцом. Самое большее, что ей светит, - это выгодная партия, которую ей обеспечит отец, и практически полная безвестность, потому как она могла стать супругой достойного дворянина, но только не принцессой. Неужели он в ней ошибался и она настолько самолюбива?

- Сэр Георг, барон Авене, вассал его величества Гийома Второго, короля Несвижа, - глядя ей прямо в глаза, твердо ответил он.

- И иного не будет?

- Иного не будет никогда.

- Что ж... Я согласна.

- Что?

- Вам слух отказал, барон Авене? Я согласна. И потом, сомневаюсь, что при столь маниакальном желании сохранить все в тайне, вы решитесь оставить меня на воле.

- Адель...

- О Боже, какой же ты все-таки глупый. Мой волколак. Может, наконец поцелуешь меня?

Глава 8

По долгу крови

- Виктор!

- Да, милорд! - Десятник с готовностью подошел к своему сюзерену, несмотря на то что карета в сопровождении десятка воинов уже тронулась с места.

Ничего страшного. Догнать неспешно передвигающийся конвой - не столь уж трудное дело, а вот послушать барона очень даже полезно. Ведь как только они удалятся, решения придется принимать уже самому десятнику. Формально командует баронесса, иначе и быть не может, как-никак она им госпожа. Но что она может сказать по вопросам, в которых попросту несведуща? Так что эта ноша ляжет на Виктора, и никуда ему от этого не деться.

Вроде как огромная ответственность, но ведь и повод для гордости. Вопрос о том, кто будет сопровождать баронессу Авене в пути, решил почти с ходу. Самые подготовленные бойцы, лучший десяток дружины - его, Виктора, десяток. Даром, что ли, спецназ. Правда, еще и границу нужно стеречь, и окрестности шерстить, чтобы ватага лихих не вздумала возжелать порезвиться в богатом баронстве.

Соседи по обе стороны границы только облизывались на зажиточные земли, но кинуть руку боялись. Барон Авене шуток отчего-то не понимал. Было дело, сразу три памфийских замка сжег за то, что их владельцы попытались нажиться грабежом в его владениях. Чуть позже досталось и своему, несвижскому рыцарю, возомнившему из себя невесть что. Если у кого и хватит храбрости, то только у лихих, а эти скрываться умели. Спецназ играет далеко не последнюю роль в их выявлении. Впрочем, и остальную дружину не в кустах нашли - управятся.

Куда серьезнее был разговор по поводу самой поездки. Ну не хотел барон отпускать баронессу! Вот на части его режь, а не хотел - и все тут. Мало того что сыну всего три месяца исполнилось, так ведь и путь предстоял не куда-нибудь, а в Памфию, где Георга отчего-то сильно не любили. Ну да, натворить дел он успел. Вроде все по законам войны, так сказать, в отместку зарвавшимся соседям, но кому понравится, что его бьют? Вот и не любят барона. А король вообще с куда большей радостью увидел бы дражайшего зятя на эшафоте, и причин у него для этого было предостаточно.

Во время последней войны с Несвижем этот щенок доставил столько неприятностей, что

склонил чашу весов в этом противостоянии в пользу своего короля. А чуть больше года назад умыкнул родную дочь Джефа Первого. Какая разница, что она сама сделала этот выбор и вроде как сама же подала ему весть о скором замужестве с баронетом Гело! (Самое тщательное расследование с привлечением мастера показало правдивость этих утверждений.) Тут ведь дело в самом факте.

Да, король официально не признавал дочь. Ну и что с того? Это ему ничуть не помешало едва не начать войну против Несвижа. И направлением своим он избрал именно ту долину, где располагалось баронство Авене. Причин несколько, и все они вполне обоснованные.

Большой воинский отряд вассала короля Гийома Второго вторгся на территорию Памфии и, распугивая встречных-поперечных, добрался до самой столицы. А чуть позже уволок баронессу из замка Гринель.

Что с того, что баронесса сама возжелала этого? Она не имела права выбора, так как находилась под попечительством короля и уже обещана другому. На то было дано королевское слово. Отнюдь не последний род королевства был оскорблен этой выходкой, не говоря уже о самом Джефе Первом, выставленном на посмешище. Ну как спустить подобное? Простого лишения баронессы титула и владений в этом случае было явно недостаточно.

Для себя Джеф Первый решил, что с дочерью помирится, чего бы ему это ни стоило, вплоть до того, что во всеуслышание признает свое отцовство. Это, конечно, в значительной мере возвысит барона Гело, а в особенности его сына. Но при этом на севере у Джефа появится весьма мощная опора. Всегда и везде нужно находить плюсы.

Однако когда памфийская армия еще только выступала в поход, обрстая по пути присоединяющимся баронским ополчением, выяснилось, что король Несвижа уже выдвинулся к границе со своей армией, полностью собранной и готовой к броску. Складывалось впечатление, будто Гийом сам все подстроил, чтобы спровоцировать конфликт и иметь возможность начать войну. У западной границы появилось войско Бесфана. В последнее время бароны графства стали куда более ревностно относиться к союзническому долгу, чем несколько лет назад.

В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что после восшествия на престол Гийома Второго его матушка решила вернуться на родину, сменив титул вдовствующей королевы на «графиню Бесфан». Вроде как и понижение, но это как посмотреть. Она встала во главе отдельной автономии, считай союзного государства. Это куда серьезнее, чем практически бесполезный титул, не дающий фактической власти. Бесфан принял графиню с воодушевлением.

В итоге Памфии пришлось отказаться от войны. Правда, свое лицо и король, и его подданные сохранили. По непонятной причине, имея преимущество как во времени, так и в силах, Гийом сам направил в Клеве, столицу Памфии, посланников с предложением провести мирные переговоры и разрешить возникший конфликт. Все закончилось, так и не успев начаться.

Причины и следствие всего произошедшего были просты и в то же время сложны. Прояви барон Гатине меньшую расторопность или бдительность – все могло оказаться куда хуже. Благодаря постоянной слежке за бароном Авене, Жерару стало своевременно известно о получении Георгом вести. Вывод был только один: парень помчится в Памфию вызволять возлюбленную. Он просто не мог поступить иначе – у него куда больше сходства с отцом, чем у того же Гийома. Барон Гатине прекрасно помнил, что послужило первопричиной захвата Хемрода бароном Авене.

Самое паршивое – он знал, что остановить Георга никто не сможет. Разве что матушка. Но тут тоже ничего не получится. Ведь именно она сама в своем безумии и простоте постоянно теребила сына, настаивая на том, чтобы он наконец привез к ней ее «дочку». К тому же Георг не станет заезжать домой и соединится с остальной дружиной уже на территории Памфии. Предугадать же, что последует за этим его поступком, было совсем нетрудно. Сложнее было убедить в этом Гийома, который просто не мог поверить, что барон Авене настолько глуп, что готов пойти на подобный шаг. Ничего не поделаешь, каждый судит по себе. Король прекрасно осознавал свое положение, свой долг перед королевством и никак не мог понять, как барон Авене сможет подставить под удар свое баронство, а главное – людей, которые, поверив в него, потянулись к нему. Насколько было известно королю, дела в баронстве шли настолько хорошо, что его владетелю, просто нет никакого смысла затевать опасные авантюры.

Не так давно из-за барона уже едва не началась война. Собственная выходка дорого стоила барону. Он был вынужден выплатить компенсацию пострадавшим от его руки, и король указал ему на недостойное поведение. Но тогда все выглядело понятным – Авене просто обязан был так поступить, чтобы отвести жадных соседей от своих владений. Несмотря на свое решение, Гийом хотя и не явно, но полностью одобрял и поддерживал этот поступок. Когда подобное произошло с несвижским бароном, который по надуманным причинам решил нажиться за счет соседа, а вместо этого пострадал сам, король и вовсе признал Георга правым.

Но это была вынужденная мера, единственно возможная. Необходимость показать всем, что он готов жить мирно, пока живут в мире с ним, и карать любого, кто возжелает поднять на него руку. А вот этот поступок... По велению сердца... Нет, это никак не укладывалось в голове короля. Гатине пришлось изрядно потрудиться, дабы убедить Гийома, что Авене не настолько практичен и действительно способен на необдуманные поступки. Как результат – он оказался прав.

Расторопность Жерара помогла избежать войны, которая Несвижу была не нужна. Они могли изрядно потрепать Памфию и даже откусить от нее кое-что, но это пошло бы лишь во вред. Дело в том, что Загрос совершил повторную попытку атаковать Несвиж, и на этот раз куда большими силами. Война была выиграна с относительной легкостью, бои имели место в приграничных областях, так и не успев перекинуться в глубь Несвижа. В этой скоротечной схватке двух государств опять проявился недюжинный талант короля как полководца. Очень многие уже поговаривали о его схожести со славным дедом.

Уже вторая попытка открытого нападения говорила о том, что с мышинной возней в Кармеле покончено. Тревожный звонок. Загросцы наконец привели земли к покорности и теперь вполне серьезно взирают на западного соседа. Памфия, конечно, давний соперник, можно сказать извечный, но сейчас Гийом не мог себе позволить сцепиться с ней. Его куда больше беспокоил загросский Кармель и опасность, исходящая оттуда.

Сопутствовавшие загросцам неудачи можно объяснить противоречиями в самом островном государстве, в результате чего в командование армией вступали не столько настоящие полководцы, сколько удобные в политическом плане лица. Однако бесконечно это продолжаться не могло. Очень скоро совет республики возьмется за ум, и может появиться новый Варен, от которого загросцы слишком поспешили избавиться, потому как боялись все возрастающей популярности полководца.

Загрос вовсе не растерял свои силы и обладал весьма мощной армией, а сами загросцы хотели новых территорий и богатств. В стране наблюдался необычайный всплеск рождаемости, результат победоносной войны и повышения благосостояния. В то же время свободных земель становилось все меньше, так как патриции в стремлении завладеть обширными территориями

выживали бедняков с их земель и тем приходилось искать лучшей доли в провинции Кармель. Но и там уже не наблюдалось прежнего простора. Поэтому загросцы всерьез засматривались на запад. Ну не в сторону же Диких земель расширять им свою территорию!

В этой ситуации Несвижу следовало искать любые точки соприкосновения для заключения союза с Памфией, а не затевать войны. Даже при наличии преимущества эта война не могла не подорвать силы несвижской армии.

...Тогда для Георга все закончилось благополучно, и молодые беззаботно зажили в своем баронстве. Гийом хотел было примерно наказать барона и вернуть баронессу в Памфию. Но тут опять непонятным образом повел себя Гатине. Он сумел убедить Гийома простить барона, нажимая на то, что Адель – как раз одна из точек соприкосновения с королевским домом соседа. Да, пока болезненная, но время лечит раны.

Не сказать, что в Авене все проходило безоблачно. Проблем хватало, но это были скорее домашние хлопоты. Возведение укреплений, строительство новых домов, расширение мануфактур... Люди продолжали стекаться в баронство. Все это требовало времени и денежных затрат. А еще добавилась такая головная боль, как разрешение различных споров и участие в судебных тяжбах, чем Георг обязан был заниматься как сюзерен. В его отсутствие эти вопросы приходилось взваливать на себя Адели.

Расширялось не только производство, но и росла торговля. Изготовление тканей достигло такого уровня, что товары из Авене заняли определенную нишу. Сэм ничуть не обманул ожиданий Георга. Ему удалось изготовить работоспособный опытный образец ткацкого станка и прядилки, что привело к многократному увеличению производства. Разумеется, своей шерсти на это уже не хватало, и купцы доставляли недостающее сырье. Именно шерсть, а не пряжу, что позволяло получать больший доход и в большей мере обеспечивать работой свое население.

Здесь же производились арбалеты, которые практически полностью скупались казной королевства. Кроме того, удалось наладить изготовление стрел и болтов. Благодаря станку, придуманному Сэмом, один работник мог за день изготовить полсотни стрел, а получившие изрядный опыт – и того больше. Если бы объемы соответствовали друг другу, то оружейная мануфактура приносила бы ничуть не меньший доход, чем ткацкая.

Когда наконец процесс производства был налажен, вложения начали окупаться, а в казну потек тоненький ручеек, Георг надумал наконец решить вопрос с горными овцами, коих хотел самым честным образом закупить у горцев. Однако те оказались несговорчивыми, отказавшись продавать овец на сторону, при этом готовы были торговать пряжей из их шерсти.

Надо заметить, горцы весьма трепетно относились к вопросам, где могли иметь монополию. Так, практически все жеребцы выхолощивались, имелась лишь небольшая их часть, способствовавшая размножению. Горы покидали лишь кобылы и мерины. Даже воины не имели под седлом животных, способных дать потомство. Скрещивание же коней долины и кобыл горной породы не могло дать должного результата. О горных овцах и говорить нечего, они никогда не покидали своих пастбищ.

Загросцы, загнав горцев в потаенные долины, не смогли получить ни коней, способных дать потомство, ни овец. Вернее, последних они получили, но им в руки попали опять-таки либо выхолощенные самцы, либо самки. Получить потомство не было никакой возможности. О том, чтобы скрестить этих овец с известными породами, нечего и думать. Ну да, горцы называли их овцами, однако эти животные не имели с ними ничего общего, разве что могли давать шерсть.

Твердо решив получить желаемое, Георг затеял чуть ли не настоящий военный поход в горы. С этой целью были завербованы три сотни наемников. Плюс к этому он отказался от своей доли добычи, пообещав ее всю наемникам. За собой он оставил право забрать этих клятых овец. С великим трудом ему удалось захватить пятьдесят голов животных, из которых было двадцать самок, двадцать девять валухов и только один самец, способный к размножению.

По сути – авантюра, если учесть то обстоятельство, что об этих животных не было известно ничего, кроме того, что они обладают великолепной шерстью. Было непонятно, подойдут ли для их обитания горы в Авене, не такие высокие, как Пограничные. Сколько раз в году проходит стрижка? В какое время происходят брачные игры? Сколько вынашивает плод самка? Через какое время они готовы к воспроизводству? Вопросов множество. Но самое паршивое то, что об этом Георг подумал, лишь когда с большим трудом доставил добычу домой.

В поход он собрался, ни с кем не посоветовавшись, полагая, что овцы – они и есть овцы, его пастухи вполне с ними управятся. Ошибочное мнение. Пришлось срочно возвращаться в горы с целью захватить того, кто может ответить на все эти вопросы. Простая, казалось бы, задача отняла уйму сил и времени. Но сейчас все говорило о том, что польза от этого будет несомненной, разумеется, в перспективе. Ткани из шерсти горных овец очень ценятся.

В очередную зиму появилась еще одна статья дохода. Вернее, она обещала стать таковой. Это была опять-таки заслуга вездесущего Сэма. Изготовив тонкие стальные спицы, он придумал, как из толстой пряжи можно получать теплые вещи. Георг тут же озаботился тем, чтобы вязкой занимались лишь избранные, решив как можно дольше сохранять секрет вязания. Эти вещи должны иметь высокую цену, и их смогут себе позволить лишь состоятельные люди.

А пока несколько женщин учились этому новому ремеслу, ведь Сэм смог показать общий принцип, а все остальное приходилось додумывать. Кстати, и сама Адель увлеклась этим новшеством, что позволяло коротать свободное время, а в особенности долгие зимние вечера.

Три месяца назад баронесса, успевшая завоевать любовь всех обитателей баронства, разрешилась от бремени крепеньким мальчуганом и стала любима еще больше. Радости родителей не было предела, но люди, казалось, радуются куда больше их. Еще бы! Ведь это внук матушки Аглаи, у которой словно прибавилось сил, а сама она прямо-таки лучилась счастьем. Она старалась не расставаться с маленьким Джоном.

Адель боялась безраздельно отдавать сына в руки свекрови, ведь тот совсем еще кроха. Поэтому ей невольно приходилось быть подле Аглаи. Та и не думала отказываться от своих привычек и продолжала подолгу находиться на улице. Там же, среди людей, вертелась и баронесса, что способствовало еще большей ее популярности и укреплению любви подданных.

И вот два дня назад в замке появился барон Гатине. Георг был готов задушить этого старика, над которым возраст, казалось, не имеет власти. За прошедшие годы их знакомства Несвижский Пес совсем не постарел, наоборот, он даже выглядел куда крепче. (Впрочем, нет ничего удивительного: этому способствовали регулярные ритуалы мастера Волана. Другое дело, что об этом не было известно никому, кроме них двоих.) Как бы то ни было, от этого посещения барон Авене не ждал ничего хорошего.

Весть, доставленная Жераром, и впрямь была плохой. Не сказать, что она расстроила Георга, но все же, искренне любя свою жену, он не мог не сочувствовать ее горю. Король Памфии Джеф Первый, отец Адели и, по сути, тесть барона Авене, был смертельно болен. Мастера предполагали, что ему осталось не больше месяца. Переполняемый гордыней, король не слал вестей своей дочери, но Гатине было доподлинно известно, что умирающий каждый день

ожидает ее появления, хотя сам же строжайше приказал не поддерживать никаких контактов с ослушницей.

Жерар не мог не восхищаться волей этого человека, поставившего во главу угла всей своей жизни служение королевству. Даже находясь на краю могилы, он и не помышлял ни о каких послаблениях для себя лично. Если бы Адель вышла замуж за барона Гело, официальное признание дочери укрепило бы его позиции на севере королевства. То же самое действие, когда она является супругой несвижского барона, для королевства нежелательно. Это выставит короля в дурном свете перед его графами и баронами.

Гатине не просто привез весть о болезни короля, он сделал все, чтобы Адель пожелала немедленно отправиться в Клеве. Правда, особо стараться ему не пришлось. Несмотря на противоречивые взаимоотношения, она любила отца и, коли уж могла успеть к постели умирающего, поступить иначе просто не могла. Единственное, чем он еще больше подтолкнул ее к этому решению, – это предоставление подорожной грамоты для нее и ее охраны. Адель была искренне благодарна Гатине за такую заботу, Георг был готов разорвать старого барона.

Как уже говорилось, Несвиж искал любые точки соприкосновения с Памфией, и молодая баронесса являлась одной из них. Кронпринц Джон, который в ближайшее время должен был взойти на престол, откровенно благоволил сестре и признавал ее практически открыто. Это не могло не способствовать развитию добрососедских отношений.

Авене не желал отпускать вместе с супругой своего сына, как не желал этого и Гатине. Отправить в Памфию фактического наследника несвижского престола – не очень хорошая идея. Все именно так. Создателю было угодно, чтобы королева Жаклин разродилась очередной девочкой, и вопрос престолонаследия все еще оставался открытым. Но тут мужчинам пришлось узнать, что Адель – дочь волевого человека, немалая часть воли которого передалась и ей. Джеф Первый должен увидеть своего внука, и он его увидит. На защиту невестки встала и матушка Аглая. Так что тут мужчины проиграли вчистую.

– Виктор, я хочу тебе сказать то, о чем не должен знать никто, – когда они оказались наедине, произнес Георг. – Если вдруг что-то случится... Ориентироваться тебе придется по обстоятельствам и решение принимать самому... Но если ты почувствуешь что-то дурное, немедленно уходите. В случае если Адель воспротивится возвращению, силу не применяй, но одно ты сделаешь непременно, даже если придется действовать силой против баронессы. Ты вывезешь маленького Джона.

– Милорд...

– Молчи. Просто сделай, как я тебе говорю. Придерживайтесь того самого пути, по которому мы вывозили Адель. Именно по этому маршруту я вышлю помощь, и вы не должны разминуться. Ты все понял?

– Признаться, нет. Но я сделаю все, как вы приказываете. Только... Непонятно, в каком случае мне нужно будет действовать именно таким образом? Я ведь могу и ошибиться.

– Не знаю. Скажем так: если вдруг ты почувствуешь, что вам угрожает опасность, вас попытаются задержать в Клеве или вдруг захотят изолировать Джона, переселив во дворец. Любая попытка отдалить тебя и твоих людей от мальчика – это опасность.

– Теперь все ясно.

– Вот и славно. В путь.

Виктор одним махом влетел в седло, хлопнул кулаком правой руки по левому плечу, потом улыбнулся и дал шпоры коню. Пора приступать к своим обязанностям, и, судя по словам сюзерена, легко не будет.

- Ты чего-то опасаясь?

- Баро-он! - Георг чуть ли не стоном отметил присутствие Гатине. И как только эта гора умудряется быть незамеченной? Просто уму непостижимо!

- Ничего не могу с собой поделаться. Привычка. Так чего же ты опасаясь?

- Не знаю. Просто дурные предчувствия. Но я знаю одно: вы обещали оставить меня в покое, а вместо этого появляетесь здесь с явным намерением отправить мою жену в столицу Памфии.

- Нам нужна дружба с соседом. Не мир, а дружба. Именно по этой причине в прошлом году Гийом не напал на Памфию, а сам пошел на переговоры. Именно по этой причине король не отобрал у тебя Адель и даже никак не наказал тебя. Тебе не кажется, что вы кое-чем ему обязаны? Не надо на меня так смотреть, Георг, - все в этом мире имеет свою цену. Тебе не удастся остаться в стороне, как бы ты того ни желал. Дело вовсе не в том, кто ты есть на самом деле, а в том, что вассалы короля всегда находятся у него на службе. Адель может стать одним из звеньев, которые свяжут наши королевства. Кронпринц вскоре окажется на престоле и не сможет забыть того, как она примчалась к постели умирающего отца, проделав долгий путь с младенцем на руках. И кстати, о том, чтобы я оставил тебя в покое. Разве для этого есть основания? Ты все так же остаешься наследником короля, и винить меня в этом по меньшей мере глупо. У королевы прекрасный ребенок, здоровый и крепкий, но это девочка. Так что сейчас мы все там же, где и год назад.

- Отчего же тогда вы сами способствовали тому, чтобы потенциальный наследник сейчас направлялся в Памфию?

- Скажем так, я недооценил баронессу Авене и уж тем более не ожидал, что она получит поддержку в лице свекрови. С другой стороны, а почему нет? Гийом полон сил, и до того, как возникнет потребность в наследнике, времени предостаточно. Королева также пребывает в здравии.

- Вы хотите сказать...

- Именно. Не сейчас, а где-то через полгода все должно повториться.

- Я не хочу изменять Адели.

- Это не измена, и ты об этом прекрасно знаешь.

- Будьте вы прокляты!

- И я люблю тебя, Георг. Что ты так на меня смотришь? Можешь мне не верить, но это так.

Щебет птиц, солнечные лучи, проникающие сквозь листву и весело играющие на лице. Оно сейчас покрыто соком зелени, чтобы его светлое пятно не могло выдать местоположение человека. Тем не менее ласкающее тепло ощущалось даже под слоем этой своеобразной краски. Конец лета. Еще немного, и зарядят дожди, но пока приближение осени ощущается только по ставшему не таким жарким солнцу.

Человек сидит не шевелясь на одном из деревьев небольшой рощи, неподалеку от опушки леса. Первое правило охотника, устроившего засаду на дичь, – это полная неподвижность. Он должен слиться с окружающей местностью, чтобы не быть замеченным. Конечно, человек не обладает чутьем животного, но кто сказал, что при охоте на него стоит пренебрегать этим правилом? Особенно когда выслеживаемого тщательно охраняют. Настолько тщательно, что приблизиться к нему практически нет никакой возможности. Ничего. Невозможность приблизиться вплотную можно легко компенсировать дальнобойным оружием, если, конечно, ты достаточно искусно владеешь им. Этот человек знал толк в арбалетах и мог использовать их на диво хорошо. Оставалась самая малость. Дождаться момента.

Проклятые идиоты! Вместо того чтобы думать головой, эти говоруны из совета, страшась лишиться своей власти, предпочитают использовать для мышления другие места, явно не предназначенные к тому богами.

Три года назад у Загроса имелся отличный полководец. Именно что полководец: будь он еще и политиком, кармельцы не упорствовали бы столь долго, прежде чем смириться со своей судьбой. Но его возросшая популярность сильно напугала совет республики. Несмотря на то что Кармель продолжали сотрясать волнения, раз за разом одерживаемые победы даровали ему любовь толпы, хотя сам он к тому и не стремился.

Это не могло не обеспокоить членов совета. Даже представители дома Варенов были напуганы тем, что их лидер столь популярен среди черни. Не будь так, совет ни за что не сумел бы протолкнуть решение о необходимости ритуального самоубийства генерала Варена. А сам генерал... Боги, как можно быть настолько преданным республике, чтобы своей рукой нанести себе смертельную рану?! Он – солдат, верно служивший республике вдали от дома, деливший со своими соратниками все тяготы и невзгоды, – подчинился воле толпы сладкоречивых засранцев, проводивших в армии ровно столько времени, сколько было потребно, чтобы стать народными избранниками.

Будь во главе армии Варен – и этот молодой король был бы разбит еще три года назад, а Несвиж, разодранный на части, исчез бы навсегда. Но во главе армии оказался бездарный, зато устраивающий все фракции командир, который благополучно проиграл войну. Повторная попытка – и снова неудача. В Загросе имелись достойные военачальники, уж парочку таких засевавший на дереве человек мог назвать с ходу. Но эти кандидатуры никак не устраивали совет.

Варен был не только настоящим солдатом, его отличала безграничная преданность республике, чего нельзя сказать о тех, других. Кто знает, что родится в их головах, если им удастся заполучить популярность, подобную той, что была у покойного генерала. Они были преданы республике, смело сражались с ее врагами, обладали талантом военачальника, но не принадлежали ни к одной из партий. Слишком независимы, а значит, и контролировать их куда сложнее.

Отправлять же армию под началом очередной бездари было чересчур опасно. Не только он знал цену этим командирам, знали ее и другие. Еще одно поражение – и начнутся волнения в самой стране. Любовь и одобрение черни непостоянны, сегодня они кричат о республике и мудрости членов совета, завтра его же обвинят в бесконечных поражениях. Разумеется, эти умные командиры в прошлых войнах находились подле командующих и высказывали свои советы, вот только те, переполняемые спесью, не прислушивались к их словам и раз за разом приводили армии к поражениям.

Наконец договорились о том, каким именно образом можно добиться победы, имея

командующих, устраивающих совет. У Несвижа есть одно слабое место, и если ударить по нему, то королевство само погрязнет в междоусобице, а Загросу останется лишь прийти и сорвать плод, который сам уже будет готов упасть к ним в руки. Король Гийом все еще не имеет наследника. Две его дочери являются скорее яблоком раздора, нежели символом стабильности. Если убить короля, то непременно начнется грызня за трон.

Нужно будет немного выждать, позволяя грызущимся посильнее вцепиться в глотку друг другу. Когда противоречия достигнут максимума и даже общая беда не сможет объединить ставших врагами, республика нанесет свой удар.

Безусловно, с ним никто не делился планами совета. Он простой инструмент в этой политической игре, которому отводится немаловажная роль, но все же только как оружию. Просто он далеко не глупый от природы человек и может предугадать, к каким именно последствиям приведет то событие, до свершения которого осталось совсем мало времени.

Крамольные мысли не прошли бесследно. Каждый раз, когда он начинал думать подобным образом, это отзывалось сильной головной болью. Все его существо начинало противиться этим думам. Он словно раздваивался. Одна его часть понимала, что все это правда, вторая призывала к слепому служению республике, в помощь ей тут же выступал такой побудительный мотив, как головная боль. Средство от этой муки было очень простым: прекрати плохо думать о республике, совете и советниках, и все наладится.

В последние годы он довольно часто испытывал этот недуг. Причиной являлось то, что он никак не мог понять поступок генерала Варена и простить совет, подтолкнувший его к этому действию. Правда, думая об этом, он пил, пил много. Затуманенный винными парами разум меньше подвергался воздействию чар, и он мог думать обо всем этом с относительной легкостью. Но сегодня под рукой не было вина, да и нельзя – ему нужна твердая рука. Он попытался сосредоточиться на выполнении задания, продумать еще раз все возможные действия. Это помогло отвлечься, и головная боль отступила.

Осталось совсем немного. Вот появились всадники. Они движутся широким веером, осматривая окрестности. Это охрана. Король всегда охотился в последний день недели и именно в этом лесу. Конечно, выследить его – не такая уж простая задача. Вот уже месяц убийца выходит на охоту одновременно с королем, но до сих пор удача обходила его стороной. Если не удастся подстеречь дичь и сейчас, то придется лезть во дворец, чего очень не хотелось бы, ведь это куда труднее и опаснее. Но мысль об опасности прозвучала неким отголоском и была безжалостно отброшена. Интересы республики превыше всего. Боги, как он мог так вляпаться?!

– Ваше величество, не уверен, что эта новая привычка, которую легко просчитать, способствует вашей безопасности. Я просто не в состоянии обеспечивать вашу защиту в таких условиях. Лес слишком велик, и я не могу поставить у каждого дерева по охраннику.

Они ехали рядом, в окружении гвардейцев, державшихся немного в отдалении, чтобы не уловить сути разговора. В лесу слышался время от времени поднимающийся лай, но чуткое ухо привычного к охоте короля безошибочно определяло, что пока поднимается мелкая дичь, которая его не интересует. Пусть за ней гоняются его придворные. Он помчится вперед, когда свора обнаружит достойную крупную дичь. Определить это достаточно просто – лай собак значительно изменится.

– Ты что, дядюшка Жерар, хочешь лишить меня единственного развлечения? Какая же тогда

дичь усидит в таком лесу?

- Если бы вы пообещали хотя бы придерживаться одного маршрута...

- Это уже не охота. Не брюзжи, дядюшка. Такие выезды позволяют мне расслабиться и очистить голову. Здесь, в этом лесу, думается особенно хорошо. Ладно, к делу, старый ворчун, пока собаки не взяли след. Она отбыла?

- Да, ваше величество.

- С сыном?

- Да, ваше величество.

- И как это воспринял барон?

- Разумеется, был очень недоволен, но, как вы и предполагали, против поездки и слова не сказал... само собой, баронессе.

- Значит, теперь я понял этого человека. Это хорошо. Он мне еще понадобится, как в политике, так и для пополнения казны.

- Вам пришлось по вкусу его задумки с этими ма-ну-фак-ту-рами?

- Плевать, как они называются, главное, что это работает и приносит большую прибыль. Подумать только, мы получаем из Авене четвертую часть всех арбалетов, закупаемых по всему королевству, и такое же количество стрел и болтов! А ткани... Просто уму непостижимо, как там умудряются производить столько товаров. И ведь качество просто великолепное.

- Вы стали так много времени уделять делам казначея, ваше величество, что...

- Эх, дядюшка, дядюшка! - перебил Жерара король. - Неужели ты не знаешь, на что способно золото?

- Мне ли не знать.

- То-то и оно, что знаешь. А будь у тебя больше средств, нежели просто для поддержания повстанцев в Кармеле, что бы ты сделал?

- Направил бы их напрямиком в загребущие руки членов совета Загроса.

- Вот видишь, мы мыслим одинаково. А Авене нашел способ зарабатывать много за счет не столь высокой цены и большого оборота. Похоже, наше родовое баронство все же нашло достойного хозяина, сумевшего поднять его, при этом не выказывая особой воинственности.

- Ну, мирным барона не назовешь...

Замереть, так чтобы королевская охрана не смогла его почуять. Но главное - это собаки. У каждого всадника на поводке пес с весьма чутким обонянием. Но кто сказал, что их чутье более тонкое, чем у тварей из Диких земель? Охотник знал толк в том, как именно можно обмануть животных.

Всадники миновали дерево и начали отдаляться. Ага. Вот и король. Не один. Рядом с ним

какой-то очень высокий рыцарь. До цели – порядка трехсот шагов, лица не рассмотреть, но этого и не требуется. Не так много найдется людей с такой статью, да еще и подле короля. Значит, Несвижский Пес. Может, стоит все перенести? Нет, не получится. Все его существо восстает против этой мысли и требует немедленных действий. А как же иначе, ведь получен приказ убить короля любой ценой, даже если для этого придется умереть. Он и рад бы прислушаться к благоразумию, ведь король всегда охотится в этот день и в следующий раз, скорее всего, будет не с бароном Гатине, но он не может противиться чужой воле, впечатавшейся в его сознание.

А потом, этого момента он ждал целый месяц. Терять еще столько же времени? Опять в голове лишь одна мысль: выполнить приказ. Плевать на благоразумие, он должен повиноваться. Наконец он соглашается с этой необходимостью, и чужая воля, вложенная в его сознание, отступает вместе с начавшей подступать головной болью, предоставляя ему возможность полностью использовать свои способности. Что ж, он вроде все продумал. Да, появление в поле зрения Несвижского Пса не входило в его планы, но так даже интереснее. Он все предусмотрел и тщательно подготовился, посмотрим, удастся ли противостоять тому, кто в тайных делах собаку съел. Снова крамольная мысль о переносе покушения, и снова как тисками сдавливает чужая воля.

У него в руках мощный арбалет. Способности стрелка и возможности оружия позволяют на таком расстоянии сделать уверенный выстрел. Безопасность самого исполнителя никого особо не заботит. Хорошо хоть не стали накладывать дополнительные чары, заставив после убийства покончить с собой. Правда, если сейчас его постигнет неудача и ему все же удастся уйти, о возвращении не может быть и речи. Он опять будет пытаться добраться до короля, и так – пока не падет один из них. Иного просто не могло быть. Приказ звучал однозначно: он должен убить короля.

Арбалет вскинут. Болт уже покоится на ложе. Наконечник смотрит точно в цель. Взять упреждение. Поднять линию прицела немного выше. Еще чуть-чуть. Затаить дыхание и плавно потянуть рычаг. Хлопок!

Что там с результатом, смотреть некогда, сейчас главное – уйти. Он сваливается вниз, оставив мощное оружие на ветках. Оно свою роль уже выполнило, остается только уйти. Летя вниз, он замечает, что поразил цель. Убил или лишь ранил, пока неизвестно. Чтобы узнать доподлинно, нужно сначала выжить.

Рог трубит тревогу, ему вторят другие. Слышатся крики охраны, лай собак, топот лошадей. Уйти нет никакой возможности. Вот только не для него. Убийца подбегает к неширокой реке. Его уже видят. В него уже летят болты. Слышится крик того самого гиганта: никто другой не может кричать, подобно боевому горну. Он приказывает не стрелять и брать убийцу живым. Ну-ну.

Успев по пути избавиться от одежды, мужчина с ходу бросается в реку и уходит под воду. Работая руками изо всех сил и выжигая весь воздух в легких, он стремится к дну реки. Да, она неширока, но достаточно глубока, и именно на это вся ставка. Вперед, вперед. Да где же ты? Кажется, проходит целая вечность, но на деле – не больше пары мгновений, прежде чем он достигает дна.

Вот его руки упираются во что-то упругое и податливое. Слава богам, он не ошибся и не промахнулся. Теперь поднырнуть под кожаный свод, натянутый на каркас из толстых веток. Его голова наконец вырывается из воды внутри этого купола, где имеется воздух, и он жадно вдыхает полной грудью.

Спокойно. Нужно успокоить дыхание, все же воздуха тут не так много. Вокруг темнота, но не крошечная тьма. Кое-какой свет проникает сквозь толщу воды и снизу попадает в купол. Это помогает успокоиться. Вода в реке не столь уж прозрачная, так что с берега его не рассмотреть. Теперь нужно уходить. У него есть примерно полчаса, этого времени более чем достаточно, чтобы убраться далеко от этого места.

Перерезать веревку, привязанную к большому камню, исполняющему роль якоря. Он чувствует, как течение подхватывает кожаный купол и увлекает за собой. Окончательно всплыть ему не дают камни, привязанные по периметру и вынуждающие оставаться на глубине, избегая взоров тех, кто сейчас внимательно всматривается в водную гладь. Да, его будут выслеживать долго и упорно, но никому и в голову не придет, что человек может столь долго находиться под водой. Он будет сидеть под этим куполом столько, сколько вообще возможно, дыша очень экономно. Чем дольше ему удастся находиться под водой, тем дальше он окажется от зоны поиска.

Интересно, он убил короля или только ранил? Хм... Пожалуй, все же убил. Раненые падают как-то иначе. Уж чего-чего, а смертей он на своем веку насмотрелся вдоволь. Остается только лишний раз в этом убедиться, и потом можно возвращаться. Мысль о возвращении не понравилась, но он привычно отмахнулся от личных предпочтений. В конце концов, он жил так уже очень долго – когда все его существо восставало и требовало иного, а он шел на поводу того, что было заложено в него как долг. И что за дурацкая привычка зачаровывать осужденных?

Значит – убедиться, что король мертв, и только потом уходить. А если он лишь ранен? Плохо. Но ничего не поделаешь. Будет гораздо сложнее, но ничего невозможного. Уж с его-то способностями... Как-нибудь справится. Да он из таких передрыг выбирался, что... Выберется и сейчас.

- Вы во дворец, миледи?

- Да, Виктор.

- А Джона с собой не берете?

- Нет. Мне не нравится, как на меня смотрят при дворе. Как бы чего дурного не удумали. Никогда бы не подумала, что у меня будет столько завистников.

- Что же тут удивительного, если, едва вы переступили порог дворца, вас тут же допускают до короля, чего многие попросту лишены.

...Все обстояло именно так. Едва появившись в столице, Адель сразу устремилась в королевский дворец. Не надеясь ни на что, она с младенцем на руках оказалась у ворот, где путь ей преградила неумолимая стража. Хорошо хоть согласились передать весть кронпринцу. Брат сам тут же примчался к воротам и препроводил ее напрямик к отцу.

Боже, как же он плох! При виде больного она оцепенела, не в силах спокойно взирать на представшую перед ней картину. Ее глаза тут же исторгли слезы, проложившие две дорожки, соединяющиеся на подбородке и капающие на грудь.

Природа болезни до сих пор неизвестна. Собравшиеся во дворце более дюжины мастеров не могли определить, что именно приключилось с королем. Однозначно было сделано лишь два вывода: искусство мастеров тут ни при чем и королю осталось не больше месяца.

Джеф Первый был бледным, а скорее даже серым. Кожа сморщилась, дыхание слабое и прерывистое. Он уже не мог управлять своим телом, и его руки безвольно лежали поверх одеяла, хотя и не утратили чувствительности. Но при этом он все еще сохранял ясность ума и продолжал работать, торопясь привести в порядок дела королевства, прежде чем все перейдет к его сыну.

Завидев Адель, король впервые за долгие годы позволил себе слабость. По его исхудавшему лицу потекли слезы, теряясь в бороде. Возможно, появившись она одна – и ему, как всегда, удалось бы сдержаться, но на ее руках покоился спеленатый младенец, который в этот момент прснулся и огласил спальню здоровым громким плачем.

К баронессе тут же метнулся придворный мастер. Реакция Адели была молниеносной. Она отвернулась от мастера, прикрывая маленького Джона своим телом, при этом метнув в лекаря такой взгляд, словно готова была его испепелить.

- Не приближайтесь к нему, мастер.

Вот только что ее сердце переполняли боль и отчаяние, к горлу подступил ком, мешающий не то что говорить, но и дышать. И куда все делось? Голос звучит твердо и даже где-то гневно. Слезы все еще блестят в ее глазах, но она полна решимости. Тревога за свое дитя вытесняет боль, вызванную видом умирающего отца.

- Я только хотел успокоить малыша. Королю нужен покой.

- Я сама успокою баронета. Ваше величество, позвольте мне выйти.

- Никто никуда не пойдет, – слабым голосом произнес король. – Адель, подойди ближе. Дай мне его. Помогите. – Это уже слугам. Они тут же подхватили безвольные руки короля, в которые Адель осторожно вложила дитя.

Удивительное дело, но в этих слабых руках, не способных удержать даже перо, младенец тут же прекратил плакать, устремив взор на этого странного старика, источаемого болезнью. Именно старика: этот еще недавно переполняемый энергией мужчина разом постарел на десятки лет. Непостижимым образом Джон сумел выпростать правую ручку и, дотянувшись до бороды больного, вцепился в нее, а затем весело заверещал и потянул к себе.

- Оставь его, Адель. Пусть забавляется, проказник, – все таким же слабым, но теперь уже переполненным счастьем голосом произнес король, останавливая ее попытку урезонить мальчика. – Как его зовут?

Сомнительно, чтобы дед все еще не знал имя своего внука. Первого внука. Пусть и рожденного непослушной, своенравной незаконнорожденной дочерью, вышедшей замуж против его воли и избрав при этом того, кто причинил столько головной боли ее отцу. Но Джеф Первый оставался непреклонен даже на смертном одре, помня каждое мгновение о том, кто он и чего стоят его слова или поступки.

Поначалу молодая баронесса обиделась, но сразу же успокоилась. Да, ей досадно, но она не могла не гордиться тем, кого считала отцом, который никак не хотел признать ее. А потом, одно то, что он допустил ее до себя, уже говорило о многом. Ведь она все еще являлась ослушницей, нарушившей волю своего короля и покровителя, мало того, нанеся своими действиями ему оскорбление.

- Его зовут Джон, ваше величество, – дрожащим голосом произнесла она.

Видеть того, кого она, несмотря ни на что, любила всем сердцем, в таком состоянии было выше ее сил. Она готова отдать часть себя, да что там – всю себя без остатка, чтобы исцелить его, но это бесплодные мечты.

- ...раз уж баронет останется здесь, я отправлю с вами четверых моих парней, – не скрывая облегчения, подвел итог Виктор.

Ну как исполнить приказ барона, если младенца раз за разом увозят во дворец и каждый раз приходится думать о том, выпустят его или нет? Здесь, в этом доме, где они квартировали, полной безопасности тоже нет, но тут от него хотя бы что-то зависит, тогда как во дворец он вообще не имеет доступа.

- А Брук?

- Миледи, Брук не входит в мой десяток, он служит непосредственно вам, так что брать его или нет, решать вам.

- Брук пойдет со мной.

- Это разумно. Тем более что он единственный, кого допускают во дворец.

- Виктор, по-твоему, я способна поступать неразумно?

- Все могут ошибаться, миледи, – уклончиво ответил вассал.

Все вроде бы было как всегда. Придворные толпились в зале, из которого вела дверь в личные покои короля. Все надеялись, что монарху станет легче и он сможет кого-то принять. Но скорее всего, они поджидали кронпринца, каждый день навещавшего отца. Здесь и сейчас можно либо получить место при новом дворе, либо покинуть дворец и вернуться в свои владения. Те, кто имели здесь собственные покои, могли их сохранить за собой или лишиться. Оказаться на виду, а еще лучше под рукой, услужить, выразить соболезнования, поддержать, когда неизбежное случится, а главное – оказаться в числе первых и выкрикнуть как можно громче «да здравствует король!». Для всего этого нужно постоянно находиться поближе к этому залу. Именно по этой причине у большинства усталый и измотанный вид. Все же тяжела жизнь при дворе.

Вот только сегодня все находящиеся здесь отчего-то взбудоражены. Разбившись на группы, они о чем-то возбужденно переговаривались. Одни внимательно слушали, другие с важным видом вещали о чем-то, переполняемые чувством гордости оттого, что знают куда больше остальных.

Адель решила не придавать этому значения и направилась напрямик к дверям, ведущим в покои короля. Вот только удивительное дело – стража преградила ей путь. Она едва не наскочила на скрестившиеся перед ней копыта, настолько это было неожиданно и необычно. Что это? Изумленный взгляд устремился на беспристрастные лица гвардейцев. С таким же успехом можно взирать на каменных истуканов. Ситуацию разрешил находящийся поблизости начальник караула.

- Ваша милость, вам придется подождать. Король не принимает.

- Ему хуже? – испуганно пролепетала Адель, прижав ладони к груди. Неужели...

- Нет, ваша милость. Дела государственной важности.

- Что случилось?

- Я не имею права. Прошу понять меня правильно. - Говоря это, офицер скосил глаза в сторону переговаривающихся придворных, словно говоря, что он-то сказать ничего не может, но если послушать их, то можно понять причину.

- Благодарю вас. Я могу подождать, или король сегодня уже никого не примет?

- Насчет вашей милости я имею указание. Как только посетители покинут покои короля, немедленно вас пропустить.

- Благодарю.

Пойти поинтересоваться, что случилось? Ни к чему. Она не собирается ни во что вмешиваться. Вряд ли это война с Несвижем. Ведь не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: Гатине прибыл в Авене и привез подорожную с позволения короля. Ясно и то, что ее хотят использовать для налаживания добрососедских отношений, чему она не собиралась противиться. Если это не война - все остальное ее не касается.

Она отошла в сторонку и, пристроившись у окна, стала посматривать на беседующих. Хм... А где Брук? Обычно он находился именно на этом месте, дожидаясь, когда она соберется домой. Ах вон он! Как видно, ему все же стало любопытно, что именно происходит. Никто из придворных не станет разговаривать с воином, повсюду сопровождающим баронессу Авене, но кто сказал, что новости знают лишь придворные? Если им что-то известно и они не держат язык за зубами, то это известно и слугам. Вот с одним из них сейчас и переговаривается Брук. Ага, заметил госпожу и направился к ней.

- Миледи, плохие вести.

- Насколько плохие, Брук?

- Пока непонятно. Вряд ли из-за этого начнется война, так что я не знаю, как к ним относиться.

- Так ты расскажи мне, вместе и подумаем, насколько все плохо.

- Из Несвижа пришло известие, что король Гийом убит на охоте.

- Что-о?!

Плохие вести?! Нет, они не плохие, они просто кошмарные. Господи, ну почему все так? Чем она могла прогневить Создателя? Нет, не трона она страшится. Чего греха таить, несмотря на любовь к мужу, она руководствовалась и желанием доказать всем... Но как все это не вовремя! Отец! Прости. Прости, но иначе просто нельзя. Он поступит именно так, как велит долг, но она не может ему этого позволить.

Душа ее разрывалась на части, но тело действовало, подчиняясь холодному рассудку. Джон! Ее маленький Джон в опасности. Нет, никто и не подумает причинить ему вред, но он станет узником короля Памфии. Оберегаемым, лелеемым, но узником, инструментом давления на будущего короля. У нее не было никаких сомнений относительно того, кто именно займет трон. Как бы он ни противился, как бы ни желал этого избежать, это его долг, и ему не отвертеться.

Обо всем этом она думала, уже устремляясь к выходу. Как она ни старалась выглядеть спокойной, ей никак не удавалось урезонить свое тело. Ноги сами несли ее со всей возможной поспешностью вон из дворца. Бежать. Нужно бежать, и как можно быстрее.

- Виктор, все ли твои люди в доме?

- Конечно, миледи.

- Немедленно собираемся. Быстро и по-походному. Римма!

- Я здесь, миледи.

- Собери Джона. Все только необходимое. Поедем верхом.

- Что случилось, миледи? - быстро отдав приказ, вернулся к баронессе Виктор.

- Король Гийом убит.

- Памфия собирается воевать?

- Нет. Не знаю. Но нам нужно срочно уходить.

- Но у нас нет подорожной. Без нее каждый может на нас напасть.

- Боюсь, ее нам не получить. Придется рисковать, а случится так - и прорываться с боем.

Кто бы мог подумать, что в этой хрупкой с виду молодой женщине столько решимости! Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего слова. Беседуя с десятником, она без тени стыдливости сбрасывает с себя платье, оставшись в нательной рубахе, и тянется к амазонке. Это одеяние куда больше подходит для верховой езды.

Нет, сомнений у Виктора никаких, но остаются вопросы, а он не любил чего-то не понимать. В конце концов, знание обстановки способствует лучшему выполнению задачи. Это непреложно. Он должен знать и понимать все, чтобы принимать верные решения.

- Миледи, что значит «с боем»?

- Виктор...

- Миледи, люди уже собираются. Все необходимое уже делается. Но я должен знать.

- Кто, по-твоему, займет трон Несвижа?

- Предполагаю, что без законного наследника начнется грызня, может даже, и междоусобица. Но у нас достаточно сил, чтобы обеспечить безопасность баронства.

- Ничего этого не будет.

- Но это неизбежно. Я, конечно, не так образован, но без сильной руки, способной удержать баронов и графов от склок, это просто неизбежно.

- У Несвижа есть законный наследник. Барон Авене.

- Как?.. Но... Тогда Джон...

- Время, Виктор!

- Да, миледи... Ваше...

- Никаких других титулов. Миледи, этого достаточно. Да торопись же.

- Да, миледи.

Вот и он. К счастью, не в отъезде, не на пастбищах или еще бог весть где, а у себя в замке. Гатине просто лопнул бы от нетерпения. Он и без того едва сдерживался эти два дня, пока добирался досюда. Сначала по Беллоне на корабле, ни на минуту не причаливая к берегу, используя ее течение, силу гребцов или ветра, рискуя в ночи нарваться на плавун, способный погубить речное судно, несущееся, словно ветер, к своей цели.

Потом бешеная скачка от Кастро до Авене. Но пока все его усилия не напрасны. Вот он, тот, к кому он спешил, не жалея сил. Сидит в обществе своего одноногого ангела. Жерару уже давно известно, откуда в бароне прорезался гений, позволивший за сравнительно короткий срок превратить некогда пустую долину в растревоженный улей, жители которого, подобно пчелам, несли прибыль своему сюзерену, превращая это место в цветущий сад. Вот только Сэм сейчас здесь не ко времени.

- Барон?

Авене с нескрываемым удивлением взирал на ворвавшегося к нему Гатине. Тот настолько торопился, что попросту смел со своего пути всех слуг, - доложить о его прибытии никто не успел. Ага. Георг в своем репертуаре. Несмотря на удивление, тут же присутствует и неприязнь. Ну да, ну да, в последние годы между ними нет ни понимания, ни даже подобия добрых отношений.

А вот Сэм явно испуган. Хотя он искренне верит в своего господина, в его способность защитить своих подданных, преодолеть страх перед Несвижским Псом он не может даже в присутствии Авене. Да что ты жмешься? Никому ты не интересен! Но ты тут лишний. Калека правильно истолковал взгляд незваного гостя и бочком направился к двери.

- Сэм, я тебя еще не отпускал.

- Но-о...

- В этом доме распоряжения отдаю только я.

Барон не произнес ни слова, но взгляд был настолько выразителен, что его значение без труда понял и тот, к кому он не относился вовсе. Не хватало только терять время на пустые препирательства. Время, которого попросту нет.

- Барон Авене, я попросил бы вас остаться со мной наедине.

Барон Авене? Ну это еще ладно. Но «вас»! Интересно, какая муха укусила Гатине? Хм... Да тут скорее уж оборотень постарался. Жерар вроде имел склонность периодически проводить облавную охоту на самую экзотическую дичь. Но похоже, и впрямь случилось нечто из ряда вон выходящее, иначе не объяснить то возбуждение, в котором пребывает барон. Ох, что-то не хочется Георгу слушать это! Но лучше уж одному, чем при свидетелях.

- Сэм, можешь идти. Стой. Забери свои бумаги. Потом мы вернемся к обсуждению.

- Слушаюсь, милорд.

- Итак, господин барон? - Георг устремил угрюмый и требовательный взгляд на гостя, когда дверь за Сэмом закрылась.

- Гийом убит.

Авене сжал челюсти с такой силой, что скулы его побелели. Руки непроизвольно вцепились в столешницу, мышцы сковала судорога. Но он, казалось, не чувствовал острой колющей боли, прострелившей мышцы. Он был плохо знаком с королем, но тот приходился ему братом и стал его семьей, обретенной совсем недавно, - тем, о чем Георг мечтал с детства, а обрета, ценил весьма высоко.

- Как это случилось?

- Подстрелили из арбалета на охоте.

- Убийцу взяли?

- Пока нет, очень ушлый и умный, но ему не уйти. Волан и Торк об этом позаботятся.

Да, Торк может. Этот волколак, с которым у мастера Волана сложилась самая настоящая дружба, способен поднять всех волков в округе и поставить их на след беглеца. Эта стая могла охватить поистине огромную территорию. Населенные пункты будут самым тщательным образом проверены людьми самого барона. Ни в лесах, ни в городах убийце не скрыться. У него есть лишь одна надежда уйти - покинуть Несвиж, но это еще нужно сделать. Сомнительно, что такая возможность будет ему предоставлена. К тому же ни зверя, ни Несвижского Пса не остановят никакие границы.

- Георг, время пришло.

- Какое время?

- Георг...

- Мне не нужно этого! Я никогда не хотел этого! Я и сейчас не хочу!

- Вы лишены выбора, ваше величество.

- Молчи!

- Одна из моих дурных черт характера заключается как раз в том, что я никогда не молчу, если не вижу в этом необходимости.

- Выкручивайтесь сами.

- Господи, вы понимаете, что это война?! Междоусобная война, которая погубит королевство! Вы понимаете, что это именно то, ради чего все затевалось?!

- Я плохой подданный.

- Так станьте хорошим королем, дьявол вас задери! Мальчишка! Ты что, действительно

надеешься остаться в стороне?! Начнется война – и она придет в каждый дом. Никто не сможет избежать ее. Полгода. Максимум через полгода в пределы Несвижа ворвутся Памфия, Загрос, Мгалин и Люцин. И каждый, каждый попытается оторвать себе кусок, который он будет способен переварить.

– Я зять короля Памфии. Да, нелюбимый, но он не сможет не оценить...

– Георг!!!

Меч Гатине с громким шелестом выскочил из ножен. Действуя на одних инстинктах, барон Авене выхватил свое оружие и занял удобную позицию. Да, стоящий перед ним более чем вдвое старше его, но он все так же крепок, он прошел через куда большее количество схваток. Георг видел его на поле боя, и мастерство, с которым тот управлялся с мечом, не могло не вызвать уважения. Опасный противник, способный тягаться даже с его учителем, Рубакой Джимом.

Но атаки не последовало. Бешенство и гнев в глазах старого барона сменились разочарованием и болью. Затем он подбросил свое оружие и, перехватив за клинок, протянул рукоятью к хозяину замка.

– Возьми, – произнес барон усталым голосом. – Возьми и убей старого и глупого пса. Паскудно, конечно, пасть от руки труса, но лучше уж так, чем видеть, как твою родину раздирают на части, и знать, что ты ничего не можешь поделать.

– Вы ошиблись, барон. Я не убийца – я воин.

– Тебе не избежать этого. Либо ты убьешь меня без риска для своей жизни, либо ты сделаешь это, защищая свою жизнь. Но в этом случае я не гарантирую, что ты победишь, потому что буду драться всерьез. Я в последний раз буду биться за Несвиж, которому служу всю свою жизнь.

– Я не боюсь смерти.

– Конечно, не боишься. Ты боишься другого. Боишься ноши, которая окажется взвалена на твои плечи. Ты боишься ответственности. Именно поэтому я и называю тебя трусом. Возьми меч и прикончи старого дурака.

– Нет.

– Подумай о сыне, который может остаться сиротой. Подумай о матушке, которая просто умрет от горя, узнав о твоей кончине. Подумай обо всем этом и бей.

– Проклятье!

Нет, Рубака Джим точно прибил бы его за подобное обращение с оружием. Меч со звоном покатился по полу, отброшенный сильной рукой, и замер в углу комнаты. Его владелец опустился на резной и удобный стул. Первые подобные изделия уже появились в его доме. Их только-только начали делать в столярной мануфактуре, и эти предметы мебели должны произвести настоящий фурор. Будучи не такими прочными, как лавки и массивные кресла, они отличались легковесностью и удобством. Нельзя получить все и сразу. Выигрывая в одном, всегда проигрываешь в другом.

О чем это он? Какие, к дьяволу, стулья и кресла?! Да никакие. Главное – то, что нельзя

прожить, не теряя. Да, король Памфии с распростертыми объятиями примет и тебя, и твоё баронство, несмотря на всю неприязнь. Но как ты проведешь остаток дней? Значит, пришла пора расстаться с вольной и спокойной жизнью. Сначала ты распростился с вольной жизнью наемника, потому что в тебе разыгралась древняя кровь Авене и тебе захотелось поднять из руин родовое гнездо. Теперь в твоих руках то, что на протяжении веков создавали и преумножали твои предки. Справишься или нет, конечно, вопрос, но ты не сможешь жить, если не попытаешься. Значит, нужно впрягаться в это ярмо самому и обрекать своих потомков.

- Адель! Джон!

- Я отправил посланца к твоему десятнику. К сожалению, выиграть время не получилось, было слишком много свидетелей. Но, надеюсь, он успеет.

- Я должен...

- Ты должен подумать еще об одном, мой мальчик. Ни тебя, ни твоих потомков никогда не оставят в покое. Либо ты возьмешь свою судьбу в свои руки, либо будешь игрушкой в чужих руках. Но чаши этой тебе не миновать. Ты потомок королевского рода. Единственный прямой и законный наследник по мужской линии, как и твой сын.

Голос привалившегося к стене Жерара звучал глухо и как-то замогильно. Он уже справлял тризну по Несвижу и говорил это, даже не думая достучаться до Георга. Он просто беспристрастно сообщал о том, что неизменно произойдет, возжелай Авене остаться в стороне.

- Моя семья. Мне нужно их вызволить.

- Сначала ты должен будешь покинуть эту комнату, а это ты сделаешь только через мой труп. Бери меч и бей. Или готовься умереть сам. Не смотри на меня. Нет у тебя другого пути.

- Я согласен... Я готов сделать то, о чем ты говоришь. В конце концов, ты прав, остаться в стороне у меня не получится. Но сначала я позабочусь о семье.

- О ней позаботятся твои люди. Времени нет. Мне удалось убедить членов королевского совета в том, что в самое ближайшее время я представлю законного наследника. Но каждый прошедший день неумолимо расшатывает трон.

- Я не брошу свою семью.

- Тебе придется довериться своим людям. Иначе все напрасно и волнений не избежать. Нужно действовать, пока ситуация еще под контролем.

Гатине говорил тихо, пребывая в полной апатии. Он не видел в глазах Георга полной решимости и не мог до конца доверять его словам, которые звучали пока недостаточно искренне.

- Эй, кто-нибудь!

- Да, милорд.

Кто бы сомневался! Дэн, капитан его дружины, собственной персоной. Да иначе и быть не могло. Тут стоял такой ор, что всполошился весь замок. Но пока дело не дошло до звона клинков, никто не спешил врваться в комнату, жадно ловя каждое слово.

- Вот за тобой-то я и хотел послать. - Голос тверд, лицо покрыто мертвенной бледностью, во взгляде решимость и воля. - Собери дружину. Два десятка отправляются со мной. Десяток ветеранов оставишь здесь для организации ополчения. Нельзя людей оставлять без защиты. Семь десятков под твоим началом уходят в Памфию. Помнишь путь, по которому мы выводили Адель? Вот и хорошо. Отправишься этой дорогой, именно по ней должен будет отходить Виктор, мы это обговаривали на всякий случай. Вызволи их, Дэн.

- Я все сделаю, ваше величество.

Нет, ну что ты будешь делать! Сейчас, наверное, уже вся округа в курсе произошедшего. Но, по сути, он прав. Решение принято. Чувствует это и Гатине, вон как лихо вогнал меч в ножны. Ну, старый пройдоха, заплатишься еще!

- Действуй, Дэн. Время дорого. Ведь не хотел же их отпускать! - Это уже к Гатине.

- Если бы вы еще могли облекать свои предчувствия в более понятную форму, ваше величество...

- Да, жаль, мне это недоступно. Барон, вы понимаете, что не все захотят увидеть меня на троне и пары десятков воинов может быть недостаточно?

- Со мной три десятка моих дружинников. Еще три сотни проверенных воинов под командованием виконта Раглана движутся нам навстречу по сухопутному пути. Он в курсе, за кем я поехал, и полностью на вашей стороне. Максимум через час из Кастро должны будут подойти еще пять десятков, мы просто не стали их ждать. Из Гиннегау королевский наместник уже выслал две сотни. Все это проверенные люди, за которых я могу поручиться головой.

- За остальных, значит, нет. Негусто.

- Если бы речь шла о внешнем враге, то за куда большее количество, но в этой ситуации...

- Ясно.

Все ли сделано? Да, пожалуй, все. Итак, если коротко, то дела обстоят следующим образом. В Бесфан отправлен посланник. Графиня далеко не глупа, а потому поймет, что удержать трон покойного сына ни ей, ни ее невестке не под силу. В этой ситуации графству вновь нужно прильнуть к какому-нибудь сильному соседу или противостоять нападкам в одиночку. Весьма трудная задача, учитывая то обстоятельство, что у графства нет сильной мужской руки, способной держать вассалов в крепкой узде. Ей просто необходим сильный союзник. Несвиж таковым перестал быть. Остается либо Лангтон, либо Памфия.

Правда, тут могут подсуетиться и загоросцы, особенно если убийство короля - дело их рук. Скрыть свои следы они сумеют, тем более что смерть Гийома выгоднее всего именно Памфии, которая уже многие годы фактически находится в окружении между этими двумя союзниками. Наличие сильного флота придаст весомость обещаниям о военной поддержке. Да что там - загоросцы с удовольствием отправят свои войска на помощь Бесфану, предпочтя открытому захвату постепенную оккупацию.

С Несвижем тоже все ясно. Нужно будет выждать и только потом, когда полыхнет междоусобица, ударить по ним. Причем бить нужно именно по графству Хемрод, чтобы отбить у Лангтона охоту лезть в этот огород. Пока Памфия будет добивать Несвиж, Бесфан присмотрит за Лангтоном, а в награду получит часть графства. Невыгодно? Ну это с какой

стороны посмотреть. Если с той, что Памфия не станет граничить с Лангтоном, предоставив это право Бесфану, то вполне.

Памфия вполне успеет прихватить себе большой кусок. Две трети Хемрода, графства Гиннегау и Камбре – весьма достойная добыча. Большого, пожалуй, не переварить. Остальное будут раздирать уже другие. Но Несвижу конец.

Станет ли в этой ситуации упорствовать барон Авене? Вряд ли. К тому же Адель наверняка имеет влияние на мужа, раз уж, несмотря на противоречия, ей удалось без труда отправиться навестить больного отца. А некогда нищее баронство сейчас представляет собой весьма лакомый кусочек.

Да, пока у барона со средствами негусто, но все указывает на то, что это временное явление. Все больше товаров из Авене появляется у торговцев, все больше купцов заинтересованно взируют в сторону баронства. Памфия силой своего оружия может гарантировать безопасность и мир в землях барона, так что, скорее всего, он примет верное решение. Раз уж он захотел отложить в сторону меч и заняться торговлей, то выгоду свою не упустит.

Нет, ну надо же! Тот, кого он больше всего мечтал увидеть на эшафоте, тот, кто доставил ему столько неприятностей, подарил ему на смертном одре и беспримерную радость. За возможность подержать на руках внука король готов простить этому Авене все прегрешения перед королевством. Хм... Что-то он расчувствовался. Ну и что?! Внук. Пусть принесут внука, он снова хочет его видеть.

Кстати, а где Адель? Уже несколько минут, как ушли члены королевского совета, а ее нет. Не пришла сегодня? Такого не может быть. Она старалась быть подле него каждое возможное мгновение, а дело близится к полудню.

- Позовите баронессу Авене, – слабым голосом приказал Джеф Первый.

- Ваше величество, ее нет, – растерянно доложил вернувшийся слуга.

- Как – нет? Она не приходила?

- Начальник караула докладывает, что она была еще утром и пыталась пройти к вам, когда у вас были члены королевского совета. Но когда они разошлись, ее в зале уже не было. Осмелюсь предположить, что она отправилась пообедать и будет позже.

- Возможно.

Прошло два часа. Потом еще час. Адель так и не появилась. Так хорошо начавшийся день, воодушевивший его, обещал закончиться не так радостно. Нужно послать кого-нибудь к баронессе. Может, что-то случилось?

Как ни странно, но никого отправлять не пришлось. Едва он повторно поинтересовался насчет дочери, как получил исчерпывающий ответ. Баронесса покинула столицу. Покинула спешно, не оформив даже подорожную. Что происходит? Отчего она так торопилась? Что-то случилось дома? Но ведь это не повод вот так подрываться и нестись сломя голову. При встрече с первым же патрулем она потеряет куда больше времени, чем при оформлении подорожной. Он чего-то не понимает. А ему не нравилось, когда имелись вопросы без ответа.

- Вызовите ко мне барона Клода.

Хм... Однако быстро его разыскали. Ах, он сам уже направлялся к королю с дополнительными сведениями! Ну что ж, это хорошо. Сначала выслушать его или распорядиться насчет Адели? Нет, Адель – это, конечно, важно, но личные вопросы потом, королевство прежде всего. Уверен, что вести, доставленные бароном, имеют государственную важность, иначе бы он не торопился с докладом. Дополнительные сведения из Несвижа? Не иначе, ведь первоначальная весть была только о том, что король убит.

- Докладывай, барон.

- Только что прибыл гонец из Несвижа с более подробными сведениями, ваше величество. Известие о гибели короля Гийома подтверждается. Но есть кое-что еще. По всей видимости, нашим соседям удастся избежать междоусобицы.

- Члены королевского совета смогли прийти к единому решению? – искренне удивился король. Вот уж во что невозможно поверить.

- Решение вопроса о преемнике короны временно отложено, в Несвиже все остается по-прежнему. В донесении говорится о том, что этого удалось добиться барону Гатине. Он пообещал в самые кратчайшие сроки представить законного наследника трона. Признаться, мне непонятно, чего добивается барон. Этим обещанием ему удастся отсрочить неизбежное на некоторое время, но не более того.

- А что тут непонятного? Он постарается употребить выигранное время на то, чтобы сбить сильную партию и привлечь на свою сторону наиболее влиятельных вельмож. Но ведь мы уже предпринимаем шаги в этом направлении, не так ли, барон?

- Это так, ваше величество. Правда, мне непонятно, как Гатине сможет добиться этого, покинув столицу.

- Несвижский Пес не в столице?

- Он выехал сразу же по завершении заседания совета. Складывается такое впечатление, что наследник действительно существует. Но такое просто невозможно. Тем более что речь шла именно о прямом и законном наследнике.

Что это значит? Как такое возможно? Как можно было столь тщательно скрывать наследника, если даже бастарды тут же попадают в поле зрения и, сами того не подозревая, начинают играть свою роль в политических раскладах? Законный наследник. Значит, тут речь не идет о бастарде. Если бы барон оставался в столице, то его действия были бы понятны – он стремится выиграть время. Но он отбыл из столицы. Причем очень спешно.

Прямо как Адель. Вовремя ты решил дать волю чувствам, ничего не скажешь. А ну, соберись! Ты умираешь, но ты все еще король. Стоп. Что-то в этом есть. Вот только что какая-то тень мысли промелькнула в голове. Но что? Проклятье, никак не получается сосредоточиться. Так, законный наследник... Законный наследник... Адель... Да соберись ты! Без подорожной ее задержат и так, никуда она не денется. Если есть законный наследник, то он как-то жил все это время, имеет какое-то имя, должен был быть хотя бы тайный обряд венчания. Хоть что-то должно быть. И чей это сын?

- Ваше величество, барон Ител по вашему велению прибыл и к вашим услугам.

Старый геральдист, несмотря на преклонный возраст, старался держаться прямо. Его поклон был просто безупречен. А с кем еще можно посоветоваться в этом вопросе, как не с человеком,

который всю свою жизнь посвятил изучению и составлению генеалогических древ? Вот и вызвали старика, оторвав от систематизации древних записей и составления новых.

- Барон, у нас возникли некие трудности. Скажите, не происходило ли в Несвиже нечто необычное по части генеалогии?

- Что именно интересует ваше величество?

- Не знаю. Все.

- Ну, вопросов, связанных с генеалогией, возникает всегда великое множество, ведь это одна из важнейших составляющих в части наследования. Я попросту не смогу сейчас ответить на этот вопрос. Даже чтобы дать подробный ответ только по Памфии, мне понадобится несколько дней, а уж о другом королевстве и говорить нечего.

- Но что-то самое необычное?

- Самое необычное... - задумчиво протянул старый барон. - Самым необычным было, пожалуй, то, что покойный король Берард даровал титул барону Авене.

- Что же тут необычного? По мне, так вполне заслуженная награда. Я лично наблюдал за тем, как действовали наемники в том сражении. Своими действиями они спасли не только короля и кронпринца, но и вообще весь их штаб. Достойное деяние - достойная награда.

- Возможно, вы и правы, ваше величество. Не мне судить о достоинстве награды воина, отличившегося на поле брани и оказавшего неоценимую услугу короне.

- Но вам, барон, это показалось необычным? Оставьте все и укажите, что именно вас смущает.

- Дело в том, что родоначальник королевского рода Несвижа, давний их предок, носил имя Авене. Но вы, пожалуй, правы - это может быть необычным только для нас, геральдистов, целиком погрязших в своем ремесле.

Но король его уже не слушал. Вот оно! Вот отчего его мысли все время сворачивали к дочери. Подспудно он понимал, что ее поспешный, необдуманный отъезд и весть, принесенная бароном Клодом, тесно связаны. Но он никак не мог уловить эту связь. Барон Авене! Это он наследник! В голове тут же всплыла давняя история, связанная с первой супругой покойного короля Берарда. Ведь ее тело так и не обнаружили.

Это значит, что сын Авене, его наследник, сейчас фактически находится в руках давнего соперника Несвижа. И Адель спасает сына, но главное - потомка королевского рода. Нет, он не испытывал к дочери неприязни из-за того, что она совершила. Напротив. Несмотря на то что она фактически выступила против своего отца, его сердце переполняла гордость за нее. Она оказалась куда прозорливее их всех и знала точно, что делает, когда решила противиться его воле. И сейчас она поступала именно так, как и следует поступать настоящей королеве. Поправ свои чувства, отбросив любовь к отцу, она действовала во благо своего нового дома и своих подданных. Но ведь и он связан долгом. Прости, дочка, но иначе поступить он просто не может.

- Барон Клод!

- Я здесь, ваше величество.

- Немедленно займитесь поисками баронессы Авене, самовольно покинувшей столицу. Примените все свои способности, задействуйте столько людей, сколько посчитаете нужным. Отдавайте приказы от моего имени. Все дела в сторону. Разыщите ее во что бы то ни стало и доставьте сюда, во дворец. Ее и ее сына. Вы все поняли?

- Вы думаете?..

- Я уверен, что потомок королевского рода Несвижа сейчас находится в Памфии. Не теряйте времени, барон.

- Слушаюсь, ваше величество.

- Но как это, госпожа?..

Крестьянин растерянно взирал на дворянку, протягивающую ему туго набитый кошель. Деньги, конечно, лишними никогда не будут, а уж такие-то... Даже если там самая мелкая монета, в таком мешочке должна быть весьма изрядная для крестьянина сумма. Эдак можно расплатиться по всем долгам и еще останется. Крестьянин бросил взгляд на жену, у которой в глазах уже блестел алчный огонек.

Ну да, родная кровиночка, конечно... Но из четверых деток двое отдали Богу душу, оставив лишь боль утраты, которая уже успела поутихнуть. Как будет с этими двумя, тоже непонятно, ведь все в руках Господа. А если у них появится возможность зажить лучше, то глядишь - и старшенького смогут уберечь, да и Господь не оставит, народят еще детишек. А тут ведь такой шанс.

- Не сомневайся, о твоём сыне будут заботиться самым лучшим образом. Он вырастет в достатке и довольстве, его будут растить как родного.

- Грегор, соглашайся. Господь поможет, будут у нас еще детки.

Слова супруги оказались последней каплей. Крестьянин дрожащей рукой принял кошель. Его жена, в последний раз запечатлев поцелуй на личике младенца, передала кулек в руки госпожи. Та сделала предложение, от которого у них просто не было сил отказаться. В конце концов, в этом нет ничего необычного. Такое случалось, и не слишком редко. Правда, чтобы младенцев выкупали дворяне - это очень необычно, но обладающие достатком бездетные зажиточные люди подобное практиковали повсеместно. Вот только младенцев уступали и за гораздо меньшую сумму. Когда супруги, проводив взглядом удалившийся отряд, заглянули в кошель, они поняли, насколько же меньше получали другие, совершавшие то же, что и они сейчас.

- Зачем вам этот младенец, миледи? - когда они удалились настолько, что крестьяне их уже не могли слышать, поинтересовался у Адели Брук.

- Не мне, Брук, а вам с Риммой.

- На-ам? - Это уже Римма.

Ну еще бы. То, что у них пока нет ребенка, вовсе не означает, что она не способна иметь детей. Их первенец умер, но ведь это ни о чем не говорит. Она еще родит. Более того, эта верховая поездка ей не нравилась, и, будь ее воля, она воспротивилась бы этому, так как опять была тяжелой. О своей беременности она узнала лишь накануне их бегства, поэтому решила не

сообщать об этом.

- Римма, никто не сомневается в том, что ты способна нарожать Бруку целую дюжину детишек, успокойся.

- Тогда я не понимаю, миледи.

- Все просто, Брук. Вы не поедете с нами. На первом же постоялом дворе я напишу тебе грамоту, в которой укажу, что наемник Брук отпущен со службы и может располагать собой по своему усмотрению. Там же ты получишь солидную сумму. После чего вы, не таясь, направитесь в Бесфан.

- Вы прогоняете нас, миледи! - выдохнула Римма.

Было чему удивляться. Ведь они не просто служили Адель, они были ее вассалами, а такие отношения просто так не разрываются, на то должна быть веская причина. Но чем они могли настолько прогневать госпожу?

- Не говори глупостей, Римма. Вы останетесь на службе. Ваша задача - привлечь к себе внимание тех, кто отправится за нами в погоню. Они должны будут подумать, что ты - это я, а этот малыш - Джон. Таким образом мы собьем их со следа.

- Вряд ли они поверят в подобное, - усомнился Брук.

- Поверят. Обязательно поверят. Это уже наша забота.

- Господин десятник, примерно в полумиле конный разъезд из двух десятков! - Доклад подскакавшего спецназовца был кратким, но вполне полным.

- Ясно. Скачи к Дэну, и наблюдайте. Как приблизятся, укройтесь. Пропустим их мимо себя и продолжим путь.

- Слушаюсь.

- Дик!

- Да, миледи! - Уже готовый сорваться с места боец замер, приготовившись выслушать приказ.

- Обожди в сторонке.

- Да, миледи!

- Миледи? - Виктор не смог скрыть свое удивление.

Это еще что за дьявольщина! В случае непредвиденной ситуации командование переходит к нему, и он не намерен понапрасну рисковать ни своими людьми, ни тем более ею и младенцем. А тут, похоже, она вознамерилась влезть в командование отрядом. Это никуда не годится. Она понятия не имеет о воинском искусстве, а потому, при всем его уважении, ее мнение - последнее в ряду.

- Твоим людям под силу перебить этот отряд?

- В этом нет никакой необходимости, миледи. Мы вполне можем избежать встречи.

- Я задала вопрос, десятник.

Вообще-то все привыкли к тому, что баронесса отличалась тихим и покладистым характером, обладала заботливой натурой, за что и была любима всеми без исключения. К примеру, если непопулярное решение принимал барон, то в его адрес еще могли поворчать, но если решение принимала она, то даже самые заядлые ворчуны старались сдерживаться.

Но вот за сегодняшний день он уже дважды открывал ее совсем с другой стороны. Она предстала в образе волевой женщины, способной принимать важные решения с молниеносной быстротой. Взять их скорый отъезд или ту задержку на дороге, когда она решила выкупить младенца у повстречавшейся крестьянской четы. Интересно, что она задумала на этот раз?

- Да, мы в состоянии перебить этот отряд. Не уверен, что полностью, - возможно, кто-то сумеет уйти, но нам это по силам.

- Значит, так и поступите.

- Миледи, это привлечет внимание. Если вы правы и на наши поиски вышел сам барон Клод, нам не следует обнаруживать себя. Биться надо лишь в том случае, если не будет иного выхода.

- Ты сделаешь так, как я приказываю. И не смей мне перечить. Я не воин, но именно поэтому советуюсь с тобой. Я говорю, что делать, ты решаешь, как именно. Тебе все понятно, Виктор?

- Миледи, при всем уважении, ваша безопасность и безопасность принца Джона...

- А как ты думаешь, заботит меня эта самая безопасность? - нетерпеливо перебила его Адель и, не дожидаясь ответа, продолжила: - О чем подумает барон Клод, когда ему доложат, что отряд из десятка воинов буквально прорубается по дороге, нападая на каждый встреченный отряд? Разве так ведет себя мать с младенцем на руках, которого стремится спасти?

- Он решит, что мы отвлекаем внимание?

- Именно. Очень скоро ему станет известно о том, что мы выкупили младенца. Также он узнает, что в отряде было две женщины. Станет ему известно и о том, что мужчина и женщина с младенцем на руках направились в сторону Бесфана.

- Но нас не перестанут искать хотя бы по той причине, что никто не спустит того переполоха, что мы устроим.

- Не перестанут, но зато самого этого лиса, барона Клода, здесь уже не будет, он направится в сторону Бесфана. Два-три нападения по этой дороге, а затем мы растворимся и двинемся в обход, по тому самому пути, по которому вы меня умыкнули в прошлом году.

- Именно такое распоряжение я получил и от барона. Но ведь Брук и Римма не будут скрываться?

- Не будут, и вскоре их обнаружат. Но мы выиграем время.

- Я все понял, миледи.

- Действуй, Виктор. И еще. Когда будете добивать поверженных, сделайте так, чтобы выжил хотя бы один, а лучше двое, которые смогут хорошенько рассмотреть женщину с младенцем на

руках.

- Да, миледи.

Это бесконечное и нудное патрулирование подходило к концу. Осталось примерно пять миль до постоянного двора у дороги, где они переночуют в тепле и уюте. Ночи стали уже прохладными, так что ночевка под открытым небом – дело не такое уж и приятное. Но ничего, осталось совсем немного. Вот переночуют – и в обратный путь. Это последний день.

Теперь два месяца их барону не нужно будет отбывать повинность по охране королевского тракта. Впрочем, сам он и не принимал в этом участия, а только назначил для этого два десятка из своей дружины, которая и без того не особо велика, всего-то три десятка.

С командованием вполне справится и десятник. Дело нехитрое – объезжать тракт, больше демонстрируя охрану, чем действительно что-то делая. С другой стороны, за два года такие патрули по всему тракту уже прекратили существование трех разбойничьих ватаг, так что польза все же была. К тому же купцы с уважением взирают на патрули при встрече, это тоже о чем-то говорит.

Раск с наслаждением потянулся, предчувствуя скорый отдых. Место совершенно открытое, тут ни о какой засаде и речи быть не может. Нападающим попросту негде укрыться. Деревья видны только шагах в трехстах от дороги, а вблизи ни деревца, ни кустиков, да и трава не такая уж высокая.

Арбалетные хлопки раздались совершенно неожиданно, накладываясь друг на друга. Вдогонку слышатся крики, хрипы и стоны раненых и умирающих. Раск с силой потянул повод коня, стремясь понять, что тут вообще происходит, – он все еще не мог рассмотреть нападающих. Но тело привычно реагирует на опасность, щит уже вскинут, рука сжимает отполированное до блеска древко копья.

Ага. Вот они. Это кто же до такого додумался? Шагах в двадцати он замечает взметнувшуюся из травы странную фигуру, которая обретает человеческие очертания, как только отбрасывает в сторону странное покрывало с вплетенными в него стеблями травы. Раск даже поначалу испугался, уж больно жутко все выглядело. Мысли о дьяволе сами собой возникли в голове. Но нет, нечистый тут ни при чем, это люди, а раз так...

Едва избавившись от странного покрова, нападающие, которых с этой стороны он рассмотрел не больше полудюжины, тут же метнули во всадников короткие копья. Одно из них с такой силой вонзилось в щит Раска, что с обратной стороны примерно на ладонь проклюнулся тонкий прут длинного наконечника. Настолько длинного, что перерубить древко – не такая уж простая задача. Но даже после этого глубоко засевший в дереве наконечник будет мешать пользоваться щитом. Это вроде как загросский дротик. Откуда?.. Некогда. Со всех сторон слышатся стоны, не всем повезло избежать ранений.

Избавившись от метательных снарядов, устроившие засаду ринулись в атаку, подхватив другие копья, уже подлиннее, такие обычно используют всадники. Конечно, не то что у рыцарей или копейщиков, но вполне оборотистое оружие, способное разить в относительном отдалении. Точно такое же сейчас и у него в руке.

Вот один из них подбегает к нему. Раск не молокосос, потому действует хладнокровно. Поддав коню, он наваливается грудью своего четвероногого друга на пешего. Тот уходит влево от Раска. Дурак. С этой стороны в качестве дополнительной защиты щит, а копьем без разницы, в

какую сторону разить. Да нет, не дурак. Всадник вдруг понимает, что щит с засевшим в нем дротиком неповоротлив и несколько сковывает движения. Этим не преминул воспользоваться нападающий: сделав обманное движение и отразив своим копьём выпад Раска, он вогнал свое ему в грудь.

Падая из седла, раненый еще успевает заметить, что их отряд полностью разгромлен. По дороге, нахлестывая лошадей, уходят двое его товарищей. За тот миг, что он их наблюдал, никого не узнать, но что они из их отряда – это однозначно. Прочие уже повержены, он был последним из оставшихся в седле.

После падения он не потерял сознание, а лежал на спине, лишенный сил, ожидая, когда его добьют. Понимание неизбежного не могло ему помочь что-либо предпринять, рана была все же слишком серьезной. Кожаный доспех способен уберечь от скользящего удара, а не от прямого, который он и получил.

Вот перед ним появилась какая-то тень, и его грудь пронзила новая острая боль. Завидев раненого, его решили добить. Только отчего же не вскрыли глотку? Так куда надежнее. Хотя... Он и после первой раны не жилец. Помучается, не без того, но конец все же один. А это что? Не иначе как пленница с дитем на руках? Эх, бедолага, кто же тебе поможет-то. Ничего, бог даст, и эти гады узнают силу карающей руки короля.

- Это уже второе нападение, господин барон. На этот раз напали на рыцаря и шестерых воинов, что были с ним. И опять странность на странности.

- О чем вы, сэр Дарк? – Барон Клод отказывался что-либо понимать.

Беглецы явно уходили по королевскому тракту в сторону Несвижа. Но для чего было нападать на всех встречных? Ладно бы два отряда неслись друг на друга и не оставалось ничего другого, кроме как вступить в бой, чтобы прорваться. Как, судя по всему, и было вот в этом случае. Но в прошлый раз явно устроили засаду. Хотели обзавестись заводными лошадьми? А смысл? На первом же постоялом дворе они могли получить это с куда меньшим риском. На каждом подворье имелось не меньше десятка почтовых лошадей.

Выжившие говорили о том, что среди нападавших была женщина с младенцем на руках. Но это могло показаться странным ему, человеку, занимающемуся различными расследованиями уже на протяжении долгих лет. Именно он допрашивает уцелевших. Но вот этот бесхитростный рубака тоже замечает что-то странное. Интересно.

- Нападавшие явно добивали раненых.

- Ну и что? Разве это не обычная практика?

- Обычно при добивании вскрывают глотки, так куда надежнее, а тут уже во второй раз закалывают, и во второй раз мы успеваем застать умирающих, но все еще живых.

- Вы хотите сказать...

- Я ничего не хочу сказать. Я в этих делах никто. Просто говорю, что так не делается и мне кажется это странным.

Стоп! А почему одна женщина? Ведь вместе с баронессой отбыла и ее служанка. Куда она делась? Почему они не пытаются скрываться и ломаться, как кабаны через заросли? Разве

станет так действовать та, которая стремится спасти своего ребенка? Как все запутано. Такое впечатление, что сейчас ему противостоит не баронесса Авене, а сам Несвижский Пес.

- Господин барон, похоже, это к нам спешат. Лошадей совсем не жалеют. Наверняка с донесением.

Клод устремил взор в сторону, куда указывает сэра Дарк. Действительно, двое всадников. Так можно мчаться лишь в двух случаях: либо спасаясь от погони, либо со срочным посланием, точно зная, что на очередном постоялом дворе тебе будет предоставлена свежая лошадь, а они предназначались только для королевских посланников.

- Ваша милость, послание от господина Рича! - Гонец протянул донесение прямо из седла.

Барон не стал обращать внимание на эту вольность, дело куда важнее. Рич, его помощник, отслеживает пути в Бесфан. Направление считалось менее перспективным, так как рассчитывать на полную безопасность в тех землях Адели не приходилось. Просто непонятно, какой будет реакция на происходящее у самой графини.

Так. Что там пишет Рич? Без особой надобности он нипочем не направил бы сюда гонца, да еще с такой поспешностью. Однако. Быстро же он напал на след. Но какова баронесса! Примите поклон. Настоящая дочь своего отца. Вот все и встало на свои места. Значит, пока остальной отряд с изображающей вас служанкой с купленным младенцем на руках шумит на этом тракте, вы уходите в сопровождении всего одного воина по другой. Умно. Умно.

- Сэр Дарк, я забираю часть солдат и направляюсь на тракт в сторону Бесфана. Вы продолжаете преследование этого отряда. И да... Не церемоньтесь. Баронессы Авене там нет.

- Все же я был прав. Все это слишком странно.

- Именно, что странно. Но все разрешилось. Напоследок хочу предупредить, чтобы вы были поаккуратнее. Это элитные солдаты барона Авене, отменные рубаки и мастера по устройству различных засад.

- Это я уже понял, господин барон.

- Вот и хорошо. Удачи вам.

- Вижу, обрадовать тебе меня нечем.

В последние дни королю Джефу Первому сильно нездоровилось, его состояние резко ухудшилось. Мастера затруднялись дать однозначный ответ, сумеет ли его организм преодолеть очередной кризис. Был момент, когда он впал в беспамятство и приготовился испустить дух. Придворный мастер разводил руками, бессильный что-либо сделать.

Весь двор пребывал в возбуждении. Многие старались как можно чаще оказываться в поле зрения кронпринца, даже не подозревая, что своим присутствием еще больше раздражают его. Джон не мог найти себе покоя даже у себя, так как придворные изыскивали малейший повод, чтобы явиться к нему с докладом. Малейшее распоряжение из разряда «вызвать кого-нибудь» или «подать подсвечник» бросались выполнять сразу несколько человек, словно соревнуясь в скорости и исполнительности.

Это было подобно пытке. Но Джон старался сдерживаться, хотя это давалось ему все сложнее.

Вроде и людей винить не в чем, ведь из кожи вон лезут, чтобы быть полезными. Но господа, как они все уже успели ему надоест.

Единственное место, где он мог избавиться от этой назойливой исполнительности и услужливости, – это покои короля. Но не прятаться же там все время. Жизнь шла своим чередом, проблем меньше не становилось, и теперь даже по самым серьезным вопросам ему приходилось принимать решения самому. То, что могло обождать, он откладывал на потом. Слишком много всего и сразу навалилось на него.

Когда король пришел в себя, сын тут же примчался к нему. В это же время появился и барон Клод. Его поначалу не хотели допускать к монарху, но тот сам о нем вспомнил и приказал немедленно вызвать, как только он появится. И вот человек, ведавший всеми самыми тайными делами короля, стоял перед ним.

– Прошу меня простить, ваше величество, но это действительно так. Мне не удалось задержать баронессу Авене.

Нечем обрадовать? В принципе ситуация ясна. Задумку короля воплотить не получилось, и это действительно не могло обрадовать. Вот только отчего этот изможденный болезнью умирающий мужчина столь радостно улыбается? Король и правда улыбался. Казалось, даже болезнь немного отступила.

– Докладывай. Только коротко, – трескучим голосом произнес Джеф. Этот голос безошибочно указывал на то, что болезнь и не думала отступать. Это скорее была временная уступка перед тем, как она вцепится в свою жертву мертвой хваткой.

– Ей удалось меня провести, ваше величество. Я искал ее следы в другой стороне. Пока понял, что именно произошло, она сумела воспользоваться шансом и ускользнула из-под носа. Преследовавший их отряд все же сумел выйти на них уже вблизи от границы с Несвижем. Но к этому моменту к ним подошла подмога. В короткой кровавой схватке они опрокинули наших людей и ушли.

– Девочка моя... Она оказалась тебе не по зубам, не так ли, Клод? Уверен, она обвела бы любого вокруг пальца. Съевший волколака в тайных делах спасовал перед моей малышкой. Молодец Адель. Ты по-настоящему достойна короны. Джон, мальчик мой, – позвал он кронпринца, – подготовь поздравление по поводу коронации короля и королевы Несвижа. Хочу, чтобы это был последний документ, на котором будет моя подпись.

– Да, отец. Его немедленно подготовят.

Так и произошло. Секретарь, расположившийся за секретером в углу спальни, уже скрипел пером. Не прошло и пяти минут, как документ был написан. Старый слуга, служивший еще отцу нынешнего короля, не нуждался в наставлениях по поводу составления документов. За свою долгую жизнь он составил их тысячи.

Наконец скрип пера смолк, несколько неторопливых легковесных шагов, которые никто не услышал бы, не повисни в спальне гробовая тишина, – и документ предстал перед королем. По заведенной привычке никогда не подписывать непроцтенные бумаги, Джеф Первый впился взглядом в написанное, а затем устремил удивленный взгляд на секретаря.

– Дочка?

– К чему эта игра, ваше величество? Тем более вы только что в присутствии членов

королевского совета назвали ее дочерью, – пожав плечами и все так же держа документ перед лицом короля, произнес секретарь.

– Ты прав.

Документ лег под руку монарха, в нее вложили перо, и вдруг рука, которая вот уже почти месяц была лишена возможности двигаться, сумела вывести королевскую подпись. Да, коряво, да, она лишь отдаленно напоминала другие, оставленные на множестве документов, но он сделал это сам.

– Клод!

– Да, ваше величество.

– Те вассалы, королевы Адели... Мужчина и женщина... Они живы?

– Да, ваше величество.

– Отпусти их и выдай из казны награду в десять золотых. Нужно уметь проигрывать и вознаграждать преданность.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Что ж, раз уж Господу было угодно, чтобы я немного задержался, давайте пересматривать наши прежние решения. Похоже, ситуация опять поменялась самым коренным образом.

– Адель! – Георг быстро сбежал по ступеням дворца к едва остановившейся карете и сам распахнул дверь.

Действия кронпринца были сопровождаемы недовольными взорами прислуги и вельмож, наблюдавших за этим. Слугам было не по вкусу то, что будущий король ведет себя неподобающим коронованным особам образом. Вельможи остались не в восторге от того, что их будущий сюзерен слишком эмоционален. Они уже имели возможность наблюдать подобную личность на троне, и не сказать, что им пришлось по вкусу данное зрелище.

Однако все присутствующие предпочитали сохранять беспристрастный вид. Первым просто не полагалось иметь своего мнения. Вторым ничего не оставалось, кроме как принять сложившееся положение дел. Как ни крути, но, помимо законных прав на престол, у него имелась еще и сильная поддержка в виде двух графств на севере и двух на юге.

Граф Кинол безоговорочно встал на сторону племянника. Граф Раглан, может, и не был бы столь категоричен, но тут ведущую роль сыграл его наследник. Как оказалось, он состоял в давних дружеских отношениях с будущим королем, а значит, лучшего и желать нечего.

Графства Гиннегау и Хемрод, являвшиеся, по сути, владениями короля, имели в качестве наместников весьма преданных трону, а главное, королевскому роду, людей. Хемрод и вовсе можно рассматривать отдельно: там по поводу восшествия нового короля вообще прошли массовые и, что самое главное, стихийные гуляния. Что там будет твориться, когда объявят о свершившейся коронации, остается только гадать.

– Все в порядке, милый.

Опираясь на предложенную мужем руку, Адель выскользнула из кареты, придерживая второй

рукой спеленатого младенца, который недовольно закричал при столь пренебрежительном отношении. Его можно понять. Мало того что все последние дни он провел в путешествии, причем основное время приходилось находиться в неопытных руках воинов, так его опять тревожат, когда наметился относительный комфорт и он оказался в ласковых материнских руках.

Адель приподняла уголок одеяльца и всмотрелась в милое личико. Маленький Джон недовольно сморщил носик, почмокал губками, но глаза так и не открыл, предпочтя остаться в сладких объятиях сна, что никоим образом не расстроило его мать. Георг наблюдал за этой картиной с нескрываемым выражением счастья, переполнявшего его сердце.

- Если бы ты только знала, что я испытал...

- Георг!

- Да?

- Прости, но мне кажется, сейчас не следует вести себя подобным образом, - едва слышно прошептала Адель, слегка отвернувшись, чтобы никто не мог не то что услышать, о чем она говорит, но даже догадаться по движению губ. Не следует показывать окружающим, что муж прислушивается к ее мнению, от этого только вред.

Благо Георг сообразил, что к чему, и не стал заострять на этом внимание. Будущие король и королева прошли во дворец мимо выстроившегося почетного караула из вельмож.

- Сдается мне, ему куда проще управляться на поле боя, чем разобраться с дворцовым этикетом и прочими прелестями. Про политику я вообще помолчу, - с неким налетом разочарования произнес граф Кинол, обращаясь к барону Гатине, когда они решили пройтись по парку. - Но мне определенно нравится Адель. Весьма сообразительная головка. Вы заметили, как деликатно и практически незаметно она пресекла действия Георга?

- Мне ли этого не заметить, ваша светлость, - подтвердил наблюдения Кинола Жерар.

- Не будет ли здесь проблемы?

- Уверяю вас, нет. Девочка прекрасно сможет дополнять своего супруга. К тому же свою преданность новой родине она уже доказала. Не каждому мужчине под силу то, что провернула она. Поверьте, такого не ожидал даже я.

- Ну это скорее преданность мужу.

- А разве это не одно и то же?

- Барон, я надеюсь, до коронации здесь больше нет смысла в моем присутствии? - вдруг заговорил совершенно о другом граф Кинол.

- Рветесь в Авене? - понимающе кивнул Гатине.

- Не терпится увидеть сестру.

- Только не рассчитывайте на чудо, граф. И еще. Не бросайтесь к ней с объятиями, не старайтесь заставить вспомнить вас. Бедняжке и без того изрядно досталось, так что теперь она хоть и безумна, но по-своему счастлива.

- Думаете, это бесповоротно?

- Уверен в этом. Но вы поезжайте. Только особо не задерживайтесь. Конечно, здесь все разрешилось и заговоров опасаться не приходится, да и я тут за всем пригляжу, но коронация без владетеля одной из провинций...

- О-о, это мероприятие я ни за что не пропущу. До встречи, барон.

- До встречи, граф.

mir-knigi.org